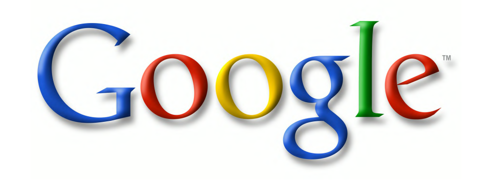
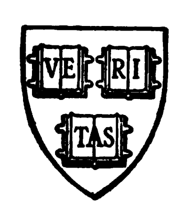
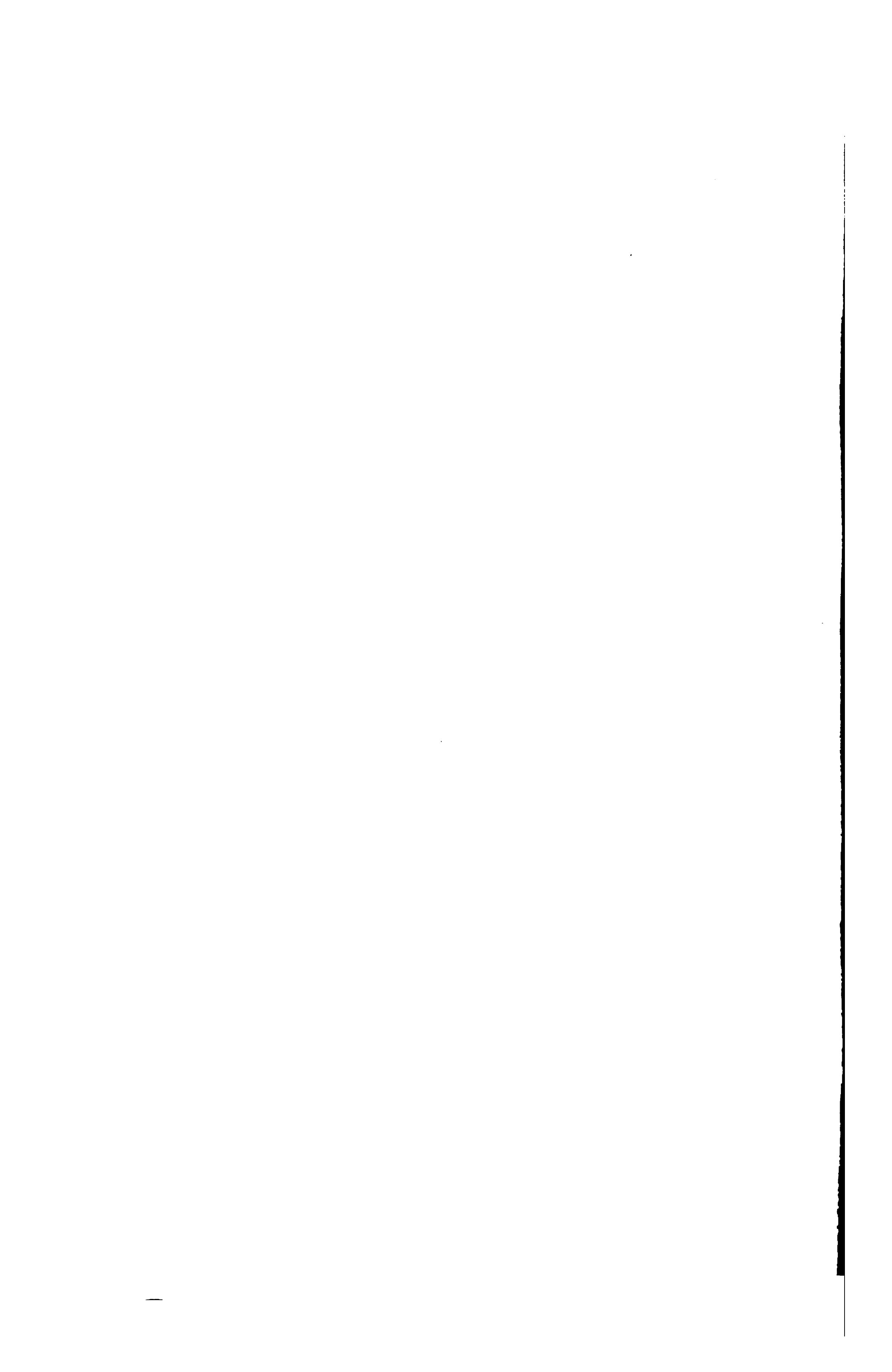

VE RI
TAS

Федору Герасимовичу

ОЧЕРКИ БЫТА

КАЛМЫКОВЪ

ХОШОУТОВСКАГО УЛУСА.

Nebol'sin

ОЧЕРКИ БЫТА

КАЛМЫКОВЪ

ХОШОУТОВСКАГО УЛУСА,

СОСТАВЛЕННЫЕ

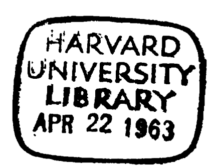
ПАВЛОМЪ НЕБОЛЬСИНЫМЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1 Карта. — 2. Изображеніе тамогъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, ноября 10 дня, 1852.

Цензоръ ***Ю. Шидловскій.***

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во-время разъѣздовъ моихъ, въ 1850 году, по Оренбургскому-краю, мнѣ случилось познакомиться съ Калмыками и въ Землѣ Оренбургскаго-Казачьяго-Войска, и между Уральцами. Въ 1851 году мнѣ довелось выжить въ Астрахани четыре съ половиною мѣсяца. Въ-продолженіе этого времени, я сблизился съ астраханскими Калмыками и, между-прочимъ, совершилъ поѣздку къ нимъ въ самое кочевье, на рѣчку Ашулукъ, въ главную лѣтнюю ставку Хошоутовскаго-улуса, гдѣ и выжилъ около трехъ недѣль.

Случай устроилъ дѣло такъ, что я попалъ въ степь въ самое обильное степными происшествіями время. Наставало религіозное торжество, готовилось народное празднество; они при мнѣ и совершились, такъ-что я былъ свидѣтелемъ и кочевки, и жертвоприношеній, и торжественнаго богослуженія, и борьбы, и пиршествъ.

Въ то же самое время произошло нѣсколько случаевъ, важныхъ для меня, какъ для наблюдателя, потому-что они дали мнѣ возможность еще ближе приглядѣться къ домашнему быту Калмыковъ. Въ мое пребываніе были торжественныя поминки по прежнемъ владѣльцѣ, праздновалось нѣсколько свадебъ и было нѣсколько вечеринокъ у простыхъ Калмыковъ. Все это должно было имѣть слѣдствіемъ то, что въ три недѣли пребыванія моего въ улусѣ я успѣлъ ознакомиться съ народомъ въ той степени, чтобъ рѣшиться написать о немъ предлагаемую книгу.

У насъ о волжскихъ Калмыкахъ писано много, начиная съ великолѣпнаго, классическаго труда Палласа, до свѣдѣній, сообщенныхъ публикѣ г. Нефедьевымъ, весьма близко и обстоятельно изучившимъ Калмыковъ достодолжнымъ порядкомъ. Позже него, въ одномъ изъ повременныхъ нашихъ изданій, появился о Калмыкахъ рядъ статей барона Бюллера; но въ нихъ очень многое, касающееся нравовъ и обычаевъ народа, передано несовсѣмъ такъ, какъ оно на-самомъ-дѣлѣ бываетъ.

Вообще говоря, та точка воззрѣнія на предметъ, которую я себѣ составилъ о Калмыкахъ, рознится во многомъ отъ точки воззрѣнія на нихъ предшествовавшихъ мнѣ писателей; и розницу эту я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что постоянно проводя время съ Калмыками и стараясь во всемъ поддѣлываться подъ ихъ обыкновенія и привычки, съ цѣлію, какъ можно ближе, освоиться съ ихъ нравами и обычаями, я, можетъ-быть, до такой степени увлекся привязанностію къ своему предмету, что сталъ менѣе другихъ строгъ къ недостаткамъ, которые вмѣняются Калмыкамъ въ вину, и занимался мелочами, необратившими на себя вниманія другихъ.

Какъ бы то ни было, но запасъ матеріяловъ, которые мнѣ удалось пріобрѣсть о Калмыкахъ, столько, какъ мнѣ казалось, былъ полонъ интереса, что я не могъ не посвятить ему и времени, и трудовъ.

Весьма естественно, что всего мною описываемаго не могъ я видѣть собственными глазами: за матеріялами для восполненія моихъ личныхъ замѣтокъ я заблагоразсудилъ обращаться не къ печатнымъ источникамъ, а къ показаніямъ самихъ Калмыковъ, тѣхъ изъ своихъ знакомыхъ, на прямодушіе и на опытность которыхъ могъ я положиться съ увѣренностію. Но для того, чтобы читатель, въ случаѣ надобности, могъ видѣть всю разницу между свѣдѣніями, мною передаваемыми, и свѣдѣніями, за семдесятъ-пять лѣтъ переданными въ единственномъ самостоятельномъ и капитальномъ трудѣ Палласа, я, въ приличныхъ мѣстахъ, дѣлаю указанія на тѣ страницы его творенія, гдѣ трактуется о тѣхъ же предметахъ, о которыхъ и я говорю.

Лица, почтившія меня продолжительными бесѣдами и особенно-много одолжившія меня отвѣтами на мои вопросы, суть:

Хошоутовскій нойонъ и владѣлецъ, князь Церенджабъ Тюменевъ;

Хошоутовскій нойонъ, князь Церенъ-Норбо Тюменевъ;
Цебекъ Тачеевъ, аймачный зайсангъ рода Уранхусъ;
Зунгуру-Арши, родомъ Икихошоутъ, гелюнгъ и астрологъ;
Цюрюмъ-Арши, родомъ Еркетеневецъ, гелюнгъ и врачъ;
Чембиль-Затонъ, хахачинова рода, ремесленникъ;
Кюке Керечеевъ, хазлаева отдѣленія, скотоводъ, и
Буханъ Пюскеевъ, керетова рода, рыболовъ.

Изъ помогавшихъ мнѣ совѣтами мѣстныхъ чиновниковъ, вполнѣ знакомыхъ съ обычаями Калмыковъ, я могу поименовать только И. Г. Черкасова, выжившаго нѣсколько лѣтъ въ калмыцкихъ улусахъ.

Наблюденія свои производилъ и устныя свѣдѣнія собиралъ я по преимуществу объ однихъ Хошоутахъ. Хотя то, что̀ касается до одного улуса, можетъ иногда отчасти, а иногда и въ одинаковой степени, касаться и до всѣхъ улусовъ, однакожь я, не имѣя близкаго знакомства ни съ Дербетами, ни съ Торгоутами, не могу не присовокупить, что въ книгѣ своей я имѣю въ виду исключительно однихъ дальнихъ Хошоутовъ, не на Волгѣ сидящихъ, а кочующихъ вдали отъ ея береговъ и занимающихся скотоводствомъ.

—

I.

Общій взглядъ на волжскихъ Калмыковъ.

Калмыки явились въ при-Каспійскомъ краѣ въ-началѣ семнадцатаго столѣтія, подъ предводительствомъ торгоутскаго тайши Хо-Урлюка.

Изъ оффиціяльныхъ документовъ того времени извѣстно, что первую присягу на подданство Россіи они принесли царю Михаилу Ѳедоровичу, и въ то же время завели торги съ Башкиріею [1], съ которою имъ неминуемо должно было ознакомиться, какъ во-время перекочевки съ мѣстъ прежнихъ своихъ обиталищъ, такъ и во-время набѣговъ на сосѣдственныя племена.

Мирное и спокойное кочеваніе Калмыковъ скоро измѣнилось: «и начали они приходить войною подъ сибирскіе городы, и подъ Уфу, и подъ Саратовъ, и подъ Астрахань, и на Едисанскіе и Ногайскіе улусы; стали городы и уѣзды воевать, села и деревни жечь, улусы разорять, людей побивать и полонить» [2].

Царь Алексѣй Михайловичъ, получивъ о семъ извѣстіе, повелѣлъ астраханскимъ воеводамъ провѣдывать: «гдѣ калмыцкіе люди и сколь далеко отъ Астрахани кочуютъ» [3]?

Хо-Урлюкъ пребывалъ въ Россіи съ сыновьями Шукуръ-Дайчиномъ, Ельденгомъ и Лоузаномъ, и кочевалъ, по временамъ, то на Ембѣ, то на Яикѣ, то, наконецъ, на Самарѣ. Около 1640 года, Хо-Урлюкъ съ сыновьями былъ на общемъ съѣздѣ монгольскихъ предводителей, при составленіи и утвержденіи статей монгольскаго законоположенія [4]. Онъ тамъ и остался, а Шукуръ-Дайчинъ, возвратившись на рѣку Яикъ, или нынѣшній Уралъ, къ своимъ Калмыкамъ, оправдывался

[1] Акты Историческіе, собранные и изданные Археографической Коммиссіей. Т. IV, № 32, стр. 110.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же, стр. 109.

[4] Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften durch P. S. Pallas. S.-Petersburg, 1776, Th. I, pag. 195.

противъ буйства своихъ подчиненныхъ передъ воеводами тѣмъ, что всѣ безпорядки произведены Калмыками безъ его вѣдома, и что въ то время, когда онъ ѣздилъ, по своей вѣрѣ, молиться задоръ и ссора Калмыковъ съ государевыми людьми учинилась безъ него, отъ братьи, отъ дѣтей, отъ племянниковъ и отъ улусныхъ ихъ людей. Такъ-какъ «между Калмыками не повелось, чтобъ письмами пересылаться», то Шукуръ-Дайчинъ и прислалъ къ астраханскимъ воеводамъ нарочныхъ гонцовъ съ обѣщаньемъ быть подъ Царскаго Величества высокою рукою въ вѣчномъ послушаньи, и ходить на государевыхъ ослушниковъ, куда Государь укажетъ [5].

Несмотря на это обѣщаніе, Калмыки не были спокойны. Владычество Россіи въ при-Каспійскомъ краѣ поддерживалось тогда силою русскаго оружія въ немногихъ мѣстахъ. Рать русская стояла въ Астрахани и въ Яицкомъ-городѣ; Волга и Яикъ были совершенно пустынны и незаселены; въ нынѣшнемъ Гурьевѣ-городкѣ были небольшіе пикеты казаковъ, оберегавшихъ хозяйство гостя Михайла Гурьева; низовья Волги и пространство ея отъ Саратова до Астрахани оставались въ запустѣніи; нагорный, правый берегъ ея носилъ еще названіе Крымской-стороны, а луговая сторона звалась стороною Ногайскою. Калмыки свободно бродили изъ стороны въ сторону, и пользуясь оплошностью степныхъ обитателей, грабили ихъ, полонили и подчиняли своей зависимости.

Одинъ изъ посланныхъ въ 1654 году къ калмыцкимъ тайшамъ толмачей, именно Афанасій Борисовъ, разсказываетъ, что онъ тайшу Лоузана и племянника его Мончака, сына Шукуръ-Дайчина, встрѣтилъ на Крымской-сторонѣ, отъ Астрахани въ днищѣ, на урочищѣ Коровьей-Лукѣ. Мѣсто это и понынѣ носитъ то же названіе: сто лѣтъ тому назадъ, здѣсь именно правительство велѣло выстроить новый домъ для тайши, или, какъ его иногда еще звали, хана, Замьяна: нынѣ тутъ домъ и садъ хошоутовскаго владѣльца, князя Церенджаба Тюменева, немного пониже станицы Лебяжновской; выше ея есть казачья станица, называемая «Замьяновскою», потому-что тутъ стоялъ прежній домъ Замьяна.

Съ Коровьей-Луки Лоузанъ и Мончакъ перешли на Ногайскую-сторону и съ присоединившимися къ нимъ ногайскими и едисанскими мурзами и татарами пошли отъ Волги, изъ-подъ Астрахани, въ

[5] Акты историческіе. Т. IV, стр. 111.

свои улусы. За рѣкой Бузáномъ, въ урочищѣ Берекѐтъ, тамъ, гдѣ нынѣ живутъ Кундровскіе-Татары, встрѣтили они гонцовъ отъ Сереня-тайши, кочевавшаго за Яикомъ, и разошлись каждый по своимъ кочевьямъ. Афанасій Борисовъ разсказываетъ при этомъ [6], что:

Тайша Лоузанъ пошелъ въ прежнія свои кочевья, вверхъ по Волгѣ, къ Самарѣ;

Тайша Мончакъ ушелъ за Яикъ, въ яицкія вершины, на урочище Кашаўнъ, въ четырехъ днищахъ отъ Сереня;

Тайша Серень кочевалъ въ ту пору подлѣ рѣки Яика, къ морю, отъ Яицкаго-города, нынѣшняго Гурьева-городка, въ полуднищѣ;

Тайша Шукуръ-Дайчинъ, сынъ Хо-Урлюка, кочевалъ за Яикомъ, въ урочищѣ Индѐрскихъ-горъ, близъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ крѣпость «Горская», на нѣкоторыхъ картахъ именуемая «кр. Индерскія-горы» [7].

Разсказывая о томъ, какъ Калмыки похищаютъ и полонятъ государевыхъ русскихъ людей и Татаръ и продаютъ ихъ въ Хиву, Борисовъ прибавляетъ, что на калмыцкіе улусы недавно нападали Башкирцы: «Башкирскіе люди,» говоритъ онъ, «калмыцкимъ людемъ и Татарамъ добре страшны: Калмыки съ ними Башкирцами мало и бьются»!

Одинъ Татаринъ предлагалъ въ это время поставить для отпора Калмыковъ четыре форта: одинъ за Яикомъ, въ Индѐрскихъ-горахъ, другой на Яикѣ, въ урочищѣ Яблонномъ, гдѣ могила одного ногайскаго муллы, третій на Ахтубѣ, въ урочищѣ Укрѐмъ, а четвертый на рѣкѣ Илѐкѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, говорилъ Татаринъ, всегда калмыцкихъ людей перелазы бываютъ, и если гарнизонъ будетъ состоять изъ Русскихъ да изъ Башкирцовъ, Калмыки всегда далеки будутъ отъ Астрахани [8].

Калмыкамъ запрещено было подходить къ русскимъ городамъ и кочевать по Волгѣ; для охраненія Астрахани отъ ихъ набѣговъ

[6] Дополненіе къ Актамъ Историческимъ Т. III, № 126, стр. 537. Ср. у Палласа Ueber d. mong. Völkerschaften. Th. I, pag. 58 — 60.

[7] Въ-то-время, когда Торгоуты кочевали на Яикѣ, Дербетевцы занимали земли въ сосѣдствѣ Киргизовъ, между рѣкъ Сары-су и Кендерлика. См. Книга Большому Чертежу, изд. Г. И. Спасскаго, Москва, 1846, стр. 208, и Списокъ съ Чертежа Сибирскія Земли. Москва, 1849 г., стр. 3.

[8] Дополненіе къ Акт. Ист. Т. III, № 126, стр. 539.

основана крѣпостца Красный-яръ; въ Индѐрскихъ-горахъ учрежденъ казачій пикетъ, прозванный Хошъ (кибитка)—яицкимъ [9]; Калмыки присмирѣли, и учинившись въ вѣчномъ подданствѣ, ходили войною противъ государевыхъ недруговъ, на Крымцовъ, подъ Азовъ и подъ Казыевъ-улусъ [10]. Наконецъ, Калмыкамъ разрѣшено занять берега Ахтубы [11], а частые набѣги на Закубанцовъ и на крымскихъ Татаръ передали въ пользованіе Калмыковъ и правый, крымскій берегъ Волги.

Хо-Урлюкъ привелъ въ Россію до пятидесяти тысячъ кибитокъ, или калмыцкихъ семей, торгоутскаго поколѣнія. Вскорѣ потомъ прикочевала часть хошоутскаго поколѣнія, въ числѣ около трехъ тысячъ семей; за ними пришло четыре тысячи кибитокъ Дзюнгорцевъ-Дербетевцевъ; въ-послѣдствіи времени число Калмыковъ мало-по-малу все болѣе и болѣе усиливалось прибылыми толпами, и такимъ-образомъ въ при-Волжскомъ и въ при-Каспійскомъ краѣ число калмыцкихъ семей къ 1767 году возросло до того, что ихъ оффиціяльно насчитывали до сорока-двухъ тысячъ; но такъ-какъ въ этотъ счетъ положены были не всѣ Калмыки, то и полагали, что ихъ всего было до семидесяти тысячъ кибитокъ [12].

Калмыки принесли къ намъ изъ-за Алтая то же устройство, какое имѣли и всѣ Монголы. Устройство это было основано на началахъ патріархальнаго родоваго ихъ быта.

Зародышемъ, основаніемъ рода былъ «хотонъ». Хотономъ называется купа близкихъ родственныхъ семей, сообща, нераздѣльно живущихъ на данной мѣстности [13]. Эту купу родственниковъ составляли прадѣдъ, дѣдъ и отецъ съ сыновьями и внуками; правителемъ хотона былъ глава семейства, «ага», старецъ, старѣйшина, нынѣ старшина; у Ногаевъ и у Киргизовъ этому званію соотвѣтствуетъ «ак-сакалъ», «Бѣлая-борода».

«Аймакъ» есть связь нѣсколькихъ хотоновъ, соединенныхъ между-собою узами родства въ степеняхъ дальнѣйшихъ и болѣе или менѣе

[9] Тамъ же, стр. 531. Палласъ Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, S.-P.-burg, 1771, Th. 1, pag. 402.

[10] Акт. Истор. Т. IV, №№ 151 и 154.

[11] Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. I, № 1,245 и Т. II, № 1,245.

[12] Палласъ Ueber die mong. Völkerschaften. Th. I. pag. 92 и 93.

[13] Смотри въ концѣ отдѣльной главы о калмыцкой кибиткѣ.

близкаго свойства. Аймакъ, точно такъ же, какъ и хотонъ, не могъ имѣть опредѣленной численности. Тотъ изъ хотонныхъ старѣйшинъ, который по прямой линіи происходилъ отъ главы перваго хотона, получалъ званіе «зайсяна» или «зайсанга», и управлялъ цѣлымъ аймакомъ. Званіе аймачнаго зайсанга переходило наслѣдственно отъ отца къ старшему сыну, братья котораго именовались просто зайсангами, но не аймачными, а отъ простыхъ Калмыковъ рознились только почетомъ происхожденія. У Киргизовъ слову аймакъ почти соотвѣтствуетъ «аулъ», а зайсангу — «бій».

Родомъ, «анги», называется соединеніе нѣсколькихъ аймаковъ, происходящихъ отъ одного общаго всѣмъ имъ родоначальника или старѣйшины того хотона, отъ котораго родъ разродился. Родственныя отношенія зайсанговъ разныхъ аймаковъ сохраняются только въ преданіяхъ, старшинство ихъ, одного передъ другимъ, съ теченіемъ времени утрачивается: поэтому всѣ зайсанги равны между-собой. Земли, занимаемыя однимъ родомъ, отдѣльно отъ чужеродцевъ, здѣсь впервые получаютъ опредѣлительное названіе «отокъ», или участокъ

Въ-послѣдствіи времени, когда народъ болѣе и болѣе сталъ употреблять въ дѣло свою воинственность, въ которую обратилась развитая междоусобными распрями алчность къ добычѣ, правители Калмыковъ стали подраздѣлять роды, или анги, на «зунъ», сотни, а сотни на сорока, для легчайшаго разсчета и сбора съ отока ратныхъ людей. Сотня заключала не опредѣленное число кибитокъ, или хошей, а опредѣленное число, именно сто, дымовъ или котловъ, или семействъ, члены которыхъ живутъ общимъ хозяйствомъ, ѣдятъ изъ одного родительскаго котла [14].

«Улусомъ» называлась часть народа, заключавшая въ себѣ нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного, общаго всѣмъ имъ корня. Правителемъ улуса былъ ближайшій родственникъ тайши, называвшійся «нойномъ» или «нойономъ», но собственное значеніе слова нойонъ—«господинъ.» Нойоны иногда присвоивали себѣ званіе «тайши», но на-самомъ-дѣлѣ они тайшами не были, состоя къ этой власти въ вассальныхъ отношеніяхъ.

«Тайша» былъ правителемъ цѣлаго поколѣнія, называвшагося «тангачи», и раздѣлявшагося на улусы. Лучшимъ и обширнѣйшимъ улусомъ тайша завѣдывалъ самъ непосредственно, а менѣе обширные раздавалъ, и въ управленье, и въ кормленье, сыновьямъ и братьямъ,

[14] Тамъ же.

которые и чередовались между-собою по обстоятельствамъ. Напримѣръ: если сынъ тайши, нойонъ, умиралъ, то улусъ его переходилъ въ управленіе другаго сына, или брата, или племянника, а ихъ улусы или передавались третьимъ родственникамъ, или присоединялись къ улусу старшаго сына, или самого тайши. Земли, занятыя кочевьями цѣлаго поколѣнія, назывались «нутукъ». Значеніе тайши сходствуетъ нѣсколько съ значеніемъ бековъ у Ногаевъ, султановъ у Киргизовъ, гиреевъ у Крымцовъ, и князей нашей старины.

Соединеніе нѣсколькихъ поколѣній въ одно цѣлое есть «орóнъ», племя: главою его былъ «Хонъ-тайджи» или «контайша» Калмыковъ, то же, что «ханъ» у Киргизовъ [15].

Званію зайсанга присвоивали титулъ «кюндюте», «ваше почтенство»; нойона звали «алдыръ», слово по-русски непереводимое; къ нему присовокупляли иногда слова «хаиралдыкъ» или «орёшенгуте», что передаютъ русскими фразами «ваша милость» и «ваша добродѣтель».

У Киргизовъ одни султаны составляютъ «благородное» сословіе народа, «бѣлыя кости», «чистый народъ», и съ этимъ выраженіемъ соединяется идея о прямомъ происхожденіи султана отъ Чингисъ-хана. У Калмыковъ и тайши, и нойоны, и даже зайсанги вообще называются «цаганъ-ясынъ», то-есть «бѣлыя кости»; вся остальная масса народа называется »хара-кюнъ», смердь, чорный человѣкъ, «хара-улусъ» — чорный народъ, или «хара-ясынъ», чорныя кости.

Званія контайши, или хана, у Калмыковъ въ Россіи прежде не было: Аюка, сынъ Мончака-тайши и внукъ тайши Шукуръ-Дайчина, Хо-Урлюкова сына, первый присвоилъ себѣ этотъ титулъ. Послѣ него званіе хана носили сынъ его Цсренъ-Дондукъ, за нимъ его племянникъ, внукъ Аюки, Дондукъ-Омбо, потомъ другой внукъ Аюки, Дондукъ-Даши и его сынъ Убуши.

Съ бѣгствомъ Убуши достоинство хановъ уничтожено: оно замѣнено было, на нѣкоторое время, титуломъ намѣстника; достоинство тайшей утратилось, и уступило мѣсто званію нойоновъ; Калмыки, постепенно входя въ общій разрядъ племенъ, населяющихъ огромное пространство Имперіи, находились сначала въ непосредственномъ завѣдываніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а потомъ подчинены астраханской Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, управляющій которою и называется «Главнымъ Попечителемъ Калмыцкаго Народа».

[15] Палласъ Ueber die mong. Völk. Th. I, pag. 186-191.

Въ подчиненности къ нему состоятъ «нойоны» владѣльческихъ улусовъ и «правители» улусовъ казенныхъ, а уже въ ихъ зависимости управляютъ народомъ аймачные зайсанги и хотонные старшины, на общихъ законахъ.

Прежде Калмыки кочевьями своими занимали рѣки Ембу, Орь, Илекъ, Уралъ, Волгу съ ея протоками, Нарынъ-пески, и степи праваго берега Волги, до хребта Ергене и предѣловъ Земли Войска-Донскаго къ западу, и до Пятигорска и устья Кумы къ югу. Но когда бо́льшая часть Калмыковъ ушла, въ-началѣ минувшаго столѣтія, въ Дзюнгарію, другая, ме́ньшая часть Калмыковъ, изъявившихъ желаніе принять христіанство, поселена около Ставрополя, на Куней-во́ложкѣ, третья, незначительная, перешла на Терекъ, четвертая еще прежде примкнула къ Донцамъ, пятая соединилась съ Уральцами, а шестая огромною массою уведена Убуши къ Китаю, тогда приняты были мѣры къ надѣлу Калмыковъ землею. Теперь Калмыки, занимая участокъ каспійскаго прибрежья въ такъ-называемыхъ мочагахъ, размѣстились по обоимъ берегамъ Волги, почти отъ Сарепты до Астрахани. На луговой сторонѣ—Нарынъ-пески принадлежатъ Внутренней-Киргизской-Ордѣ; гора Бо́гдо составляетъ казенный участокъ, соединенный съ Баскунча̀тскимъ солянымъ озеромъ; южнѣе Нарынъ-песковъ обитаютъ Кундровскіе и Юртовскіе Татары, а по самымъ берегамъ протоковъ Волги разселены Русскіе; на нагорной сторонѣ Калмыки кочуютъ до рѣкъ Кумы, Калау́са, Ма̀ныча, до границъ уѣздовъ Кизлярскаго, Георгіевскаго, Александровскаго и Ставропольскаго, на западъ граничатъ они съ р. Егорлыкомъ и съ Землею Донскаго Казачьяго Войска; пустыри здѣшней степи, по коммерческому тракту, заселены Русскими же.

Кочующіе по Волгѣ Калмыки, или, какъ сами они себя называютъ, Елёты, раздѣляются на слѣдующія четыре поколѣнія.

Поколѣніе Дзюнга̀ръ: къ нему принадлежатъ всѣ Дербѐтевцы, раздѣляющіеся нынѣ на два улуса, больше-дѐрбетевскій и мало-дербетевскій. Отрывки Дзюнгаровъ находятся, кромѣ-того, въ улусахъ ики-цоху̀ровскомъ и хошоу̀товскомъ, и между крещеными Калмыками Оренбургскаго Казачьяго-Войска, бывшими Ставропольскими.

Поколѣніе Тергѐтъ или Торгоу̀тъ; остатки выведенныхъ Убуши Торгоутовъ, вошли въ составъ слѣдующихъ улусовъ: Ики-Цоху̀ръ (то-есть большой Рябой или Пестрый), Бага-Цоху̀ръ (то-есть ма-

лый Рябой), Яндыкъ, Еркетèнь, Харахýсъ и Ерденè-Цагàнъ-Кичѝковскій, сокращено Ерденіевскій — это все Торгоуты. Торгоуты же вошли въ составъ и Уральскаго Казачьяго Войска; они же попались, при бѣгствѣ, въ плѣнъ къ Киргизамъ, съ которыми и смѣшались; выселившіеся въ Челябинскій уѣздъ Оренбургской губерніи и лѣтъ сто уже омусульманенные Калмыки, числящіеся нынѣ Башкирцами, принадлежатъ тоже къ Торгоутамъ.

Поколѣніе Хойтъ, Хòитъ или Хòйотъ нынѣ почти совершенно уничтожилось: остатки его существуютъ только въ хошоутовскомъ улусѣ, и отчасти въ бывшемъ Ставропольскомъ Войскѣ.

Поколѣніе Хошоутъ: кромѣ хошоутовскаго улуса, Калмыки этого поколѣнія вошли въ составъ улуса ики-цохýровскаго.

Хошоутовскій улусъ есть улусъ владѣльческій. Калмыки этого поколѣнія гордятся тѣмъ, что преданія наименовываютъ Чингисъ-хана ханомъ именно Хошоутовъ. Хошоуты, переходя изъ рукъ одного потомка Чингиса въ руки другаго [16], находились, въ-половинѣ прошлаго вѣка, подъ предводительствомъ Замьяна. Замьянъ былъ женатъ на вдовѣ тайши Дечжѝта, владѣльца Хòйотовъ; сынъ ея Тюмéнь-Джиргàлъ остался владѣльцемъ и надъ Хошоутами, и надъ немногочисленными Хòйотами [17]. У Тюменя-Джиргала было четыре сына: 1) старшій и владѣлецъ Церенъ-Дондòкъ, 2) Серёджабъ; оба уже умерли; 3) Батырь-Убушѝ, убитый подъ Остроленкой и 4) Церенъ-Норбò, понынѣ живущій. Послѣ Церенъ Дондока остались два сына, изъ которыхъ старшій, Церенджàбъ, есть нынѣшній владѣлецъ улуса.

Общее число Калмыковъ, находящихся въ зависимости астраханской Палаты Государственныхъ Имуществъ, по оффиціяльнымъ свѣдѣніямъ, полагалось слѣдующее: въ 1850 году

Владѣльцевъ и вообще нойòновъ	38	душъ муж. пол.	и	46	душъ жен. пол.
Зайсàнговъ вообще	1,495	— —	—	1,083	— — —
Духовныхъ	2,004	— —	—	—	— — —

Простыхъ Калмыковъ полагалось:

въ 1832 году	около	12,000	кибитокъ.
— 1836 —	—	15,000	—
— 1842 —	—	14,000	—
— 1850 —	—	15,000	—

[16] Рычкова «Топографія Оренбургская». С.П.-бургъ, 1762, ч. I, стр. 129.
[17] Палласъ Ueber die mong. Völk. Th. I. pag. 30.

Во всѣхъ улусахъ считалось скота:

въ 1827 году	805,255 головъ.
— 1836 —	235,347 —
— 1840 —	453,543 —
— 1844 —	958,885 —
— 1850 —	812,181 —

Калмыки, вообще говоря, народъ рослый и красивый. Типъ лица ихъ такъ общеизвѣстенъ, что распространяться о немъ нечего [18]; но нельзя не замѣтить, что всѣ Торгоуты, а особенно Ики-Цохуры, полнѣе тѣломъ, лицо у нихъ чище, бѣлѣе и румянѣе; Хошоуты же, и особенно Керѐтова рода, лицомъ чорны, безъ признака румянца; они стройнѣе тѣлосложеніемъ, но тонки, и какъ вообще выражаются, жидковаты. Калмыки, по самой Волгѣ и въ мочагахъ обитающіе — народъ приземистый и плотный, высокій ростъ у нихъ рѣдкость.

Невсегда должно предаваться первому впечатлѣнію при видѣ Калмыка, поражающаго наблюдателя темнокоричневымъ цвѣтомъ кожи: безпрестанная бытность лѣтомъ подъ палящимъ солнцемъ можетъ служить этому достаточнымъ объясненіемъ. Загаръ съ лица, съ рукъ и всегда открытой шеи у Калмыка неуничтожимъ; но надо взглянуть на дикаго сына степей въ его оригинальномъ костюмѣ, на народныхъ играхъ, при борьбѣ, въ которой онъ является предъ взоры цѣлаго народа едва прикрытымъ короткими до колѣнъ шальварами, чтобъ полюбоваться превосходно-очерченными формами борца и матовой бѣлизной его тѣла.

Вообще замѣчаютъ, что Малодербетевцы, Еркетеневцы и Хошоуты — народъ, по преимуществу, самый работящій; Торгоуты, кромѣ ихъ рода Дзюнгаръ, послабѣе на работу.

Различіе нарѣчій между разными улусами астраханскихъ Калмыковъ очень разительно. Люди, хорошо знакомые съ калмыцкимъ языкомъ, замѣчаютъ, что кромѣ-того, что одни улусы болѣе или менѣе, съ теченіемъ времени, набрались русскихъ и татарскихъ словъ, они разнятся еще между-собою, какъ нѣкоторыми грамматическими формами строенія калмыцкой фразы, такъ и фоническими измѣненіями отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ рѣченій; случается такъ, что одинъ

[18] Палласъ, Ueber die mong. Völk. стр. 97 и слѣд.; Reise durch versch. Prov. Th. I, S. 308 и 309.

Калмыкъ съ трудомъ съ одного раза доберется до смысла того, что ему говоритъ другой Калмыкъ.

Для отличія одного рода отъ другаго, Калмыки, подобно всѣмъ кочевымъ народамъ, употребляютъ тамгй. Первоначальное изобрѣтеніе тамогъ и раздачу ихъ народу преданіе приписываетъ Чингисъ-хану.

Въ настоящее время тамгй имѣютъ у Калмыковъ значеніе, близко подходящее къ значенію герба у владѣльцевъ, у аймачныхъ зайсангговъ, также у хуруловъ, или молитвенныхъ храмовъ; они служатъ Калмыкамъ, какъ вмѣсто печатей, такъ и для тавра скота.

Знаки тамгй, клейма, берутся Калмыками или изъ предметовъ ихъ домашняго быта, или изъ предметовъ, имѣющихъ религіозное значеніе. Такъ, напримѣръ, «очиръ» есть та часть молитвенной калмыцкой утвари, которая всегда хранится вмѣстѣ съ хурульнымъ колокольчикомъ, и служитъ знакомъ духовной власти. Изображеніе очира см. на чертежѣ № 4-й.

«Ту*н*мылъ» [19] въ кругу есть тоже часть религіозныхъ предметовъ. Кругъ означаетъ круглый низенькій сосудъ, употребляемый при домашнемъ и при общественномъ богослуженіи. Въ этотъ сосудъ насыпается зола, и въ ней выдавливается изображеніе, именующееся ту*н*мыломъ, и имѣющее форму, обозначенную въ чертежѣ № 1-й. Въ ямки, образовавшіяся отъ выдавливанья этой формы, насыпается благовонная трава, баккаутовое дерево и разныя куренія въ порошкахъ. Въ извѣстные праздники благовонія зажигаются и ставятся передъ бурханами.

Полуту*н*мылъ называется «дегрѐ»: она изображена въ чертежѣ № 3-й, и служитъ тамгой у хуруловъ и у родовъ; чтобъ не смѣшать одного съ другимъ, тамгѣ дегре дается разное положеніе.

«Джунгуру» есть простая перекрестина кибиточныхъ шестовъ, или рѣшотки, съ придѣланными у концовъ хвостиками. Изображеніе перекрестины означено, въ разныхъ видахъ, въ № 8, а джунгуру въ № 2.

Черта, положенная накось, означаетъ ногайку безъ ручки (№ 5), а прямая вертикальная черта есть изображеніе кола (№ 6); двѣ черты, одна на другую положенныя, изображаютъ молотокъ (№ 9); три

[19] Стараясь всюду выдерживать вѣрность произношенія Хошоутовъ мы курсивною буквою *н* выражаемъ носовые звуки.

черты, приставленныя въ четвертой, имѣютъ видъ гребня (№ 11), а четырехъ-угольникъ, составленный изъ простыхъ чертъ (№ 18), имѣетъ видъ двери, навѣшиваемой у входа въ кибитку.

Двѣ черты, соединенныя верхними концами подъ острымъ угломъ (№ 10), изображаютъ острый конецъ воинскаго строя, у Калмыковъ извѣстнаго подъ именемъ «хошунъ,» у Македонянъ подъ именемъ «фаланги,» а въ нашей старинной рати подъ именемъ «свиньи»: «Нѣмцы же и Чудь пробишася *свиніею* сквозь полки и бысть сѣча зла», говорится въ старинныхъ нашихъ лѣтописяхъ.

Сандо́въ, найза́ или острога́, то-есть, орудіе, которымъ на каспійскомъ прибрежьѣ ловцы, и Туркмены и Русскіе, ловятъ рыбу въ камышахъ, изображается въ тамгѣ, для отличія одного рода отъ другаго, или съ зазубринами на концахъ, или безъ зазубринъ, также съ концомъ веревки на древкѣ, или безъ веревки (№ 14).

Одно кольцо, или нѣсколько колецъ, соединенныхъ между-собой веревкою (№ 12), имѣютъ нѣсколько видоизмѣненій для отличія одного рода отъ другаго; изъ нихъ же образуются и удила́, и такъ-называемая тамга́ черкесской уздечки, «шеркѐшъ-хазарѝнъ-удо̀-тамга̀» (№ 16).

Фигуры подъ №№ 13, 15 и 17 очень ясно сами за себя говорятъ: это лукъ со стрѣлой, копыто и ковшъ съ прямой ручкой, и съ кривой.

№ 7 представляетъ два изображенія: первое есть «кю̀н-тамга̀»— это человѣкъ съ руками и ногами; второе «гара̀нъ-юргексы̀нъ-кю̀н-тамга̀», то-есть, человѣкъ съ поднятой кверху рукой.

Такъ-какъ Калмыки почти каждой мѣстности, на которой они обитаютъ, или прежде обитали, придаютъ отчасти самими ими придуманныя названія, отчасти заимствованныя отъ другихъ племенъ, то здѣсь и считается нелишнимъ представить нѣсколько примѣровъ подобнаго переиначиванья:

Русскіе — Оросъ.

Калмыки — Еелютъ; слово Калмакъ, какъ въ старину и Русскіе называли Калмыковъ, или, какъ Калмыки сами произносятъ, «хальмикъ», есть татарское и означаетъ «остатки».

Киргизы — Хазы́къ, переиначенное Ка́закъ, какъ Киргизы сами себя называютъ.

Большая-орда — Улу́-джюзъ.
Средняя-орда — Урта́-джюзъ. } взято прямо съ Киргизскаго.
Малая-орда — Кши-юзъ.

Уральцы — Таке́нъ-хазыкъ; словомъ «таке́» Калмыки называютъ дикихъ лошадей, турпановъ и кулановъ, водящихся, мѣстами, и понынѣ въ киргизской степи.

Татары — Мангы́съ или Мангы́тъ.

Кундровскіе Татары — Кундро́-Мангытъ.

Туркмены — Тюркмидъ.

Грузія, Грузины — Гюрджи.

Армяне — Ирме́ли.

Горцы — Ула́нъ-серкишъ.

Персіяне — Хазлывы́шъ, испорченное татарское Кызылбашъ.

Индѣйцы — Мо́нтунъ, отъ слова Мультанъ, Мультаня́, по старинному мультянскіе люди.

Алтай — Алта-алыкъ-улла́; алыкъ значитъ пѣгій; улла́ — татарское тау — гора.

Тарбагатай — Тарабаганъ-тау, гора тарабаганчиковъ.

Кавказъ — Серкишинъ-улла.

Пятигорье — Тавынъ-улла, буквальный переводъ.

Каспійское-море — Дала-тенгисъ, большое море; подъ словомъ тенгисъ Калмыки вообще разумѣютъ большое водное пространство, поэтому всякій большой разливъ рѣки именуется у нихъ кёки-тенгисъ, то-есть, голубое море.

Мочаги — Мацыкъ.

Елтонское-озеро — Чапча́ачи.

Баскунчатское-озеро — Богдынъ-харынуръ, по имени горы Богдо.

Волга — Иджиль-мюрюнъ.

Сарпа — Шорбо́.

Ахтуба — Ахтева́, татарское ак-тюбя́.

Бузанъ — Бузынъ.

Ашулукъ — Ашо-улыкъ.

Уралъ — Зя-мюрюнъ; этимъ же именемъ Зя называется и степь по обѣ стороны Урала.

Емба — Зенъ, киргизское Джеммъ.

Кума — Кюмё-мюрюнъ.

Донъ — Тенъ или Тинъ.

Кама — Камъ.

Иртышъ — Ртышъ.

Петербургъ — Піитеръ.

Москва — Миско́.

Казань — Хазынъ.

Симбирскъ — Семпе́ръ.

Астрахань — Балгасынъ; это слово есть множественное число отъ «беашинъ», по-русски за́мокъ. Калмыки употребляютъ для Астрахани и татарскія названія: Айдеръ-ханъ, Хайдаръ-ханъ и Хаджи-тарханъ.

Чорный-яръ — Янгы-кала, по-татарски новый городъ.

Красный-яръ — Серкишъ-балгасынъ, то-есть, черкесскій городъ.

Замьяновская станица — Хуучинъ-модынъ-ёргё, то-есть, «старая деревянная ставка» Замьяна.

Сѣроглазинская-станица — Ясынъ.

Круглинскій островъ — Хавынъ-ату.

Селеніе Селитряный-городокъ — Джигидъ, татарское названіе развалинъ стариннаго татарскаго городка.

Ашулуцкое-займище — Ордлигинъ-цекѐ.

Песчаная коса между этими двумя мѣстностями — Бумбанъ-ула́нъ.

Новый островъ на Ахтубѣ — Сеахы́нъ-мо́дунъ, то-есть, красивое дерево.

Енотаевскъ — Шины-балгасынъ, то-есть, новый городъ.

Царицынъ — Ахы́шъ.

Ставрополь на Волгѣ — Янджѐ, по-имени владѣльца обитавшихъ здѣсь прежде, крещенныхъ Калмыковъ.

Саратовъ — Шарыту́.

Новочеркасскъ — Шине́-Керме́нъ.

Старый-Черкасскъ — Хучинъ-Керменъ.

Тюмень — Тюмі́онъ.

Уральскъ — Таки-балгасынъ.

Гурьевъ-городокъ — Зягинъ-бельчиръ.

Хива-Бухара — Хотунъ-Бухаръ: одного отъ другаго Калмыки не раздѣляютъ.

Пятигорскъ — Халунъ-усунъ, то-есть, горячая вода.

Кисловодскъ — Ишкелинъ-усунъ, или кислая вода.

Тифлисъ — Ши.

Парижъ — Парджа́.

—

II.

Раздѣленіе хошоутовскаго улуса.

Хошоутовскій улусъ, въ нынѣшнемъ составѣ частей, представляетъ смѣсь чужеродцевъ: въ немъ, кромѣ природныхъ Хошоутовъ, есть и Дзюнгары, и Хойоты, и Торгоуты, прикрѣпленные къ основной массѣ улуса вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. Улусъ этотъ содержитъ въ себѣ около двухъ тысячъ большихъ кибитокъ [1], и дѣлится на десять родовъ слѣдующихъ наименованій.

1. «Керѐтъ»: по происхожденію своему Керѐты принадлежатъ къ торгоутскому племени; ихъ въ хошоутовскомъ улусѣ считается около двухсотъ пятидесяти кибитокъ; тамгà ихъ—сандовь, «сере-тамгà», указываетъ на старинную привычку Керѐтовъ къ рыбаченью. Орудіемъ этимъ Калмыки и нынче бьютъ въ половодье рыбу сазана.

2. «Еркетѐнь»—тоже обломки Торгоутовъ, отдѣлившіеся отъ своихъ однородцевъ, нынѣ составляющихъ отдѣльный, еркетеневскій улусъ. Между Хошоутами, Еркетеневцевъ считается около полуторыхъ сотъ кибитокъ; тамгà ихъ копыто, «турунъ-тàмгà».

Къ Еркетеневцамъ же причислена часть «Шабинѐровъ» и часть «Мергечю̀товъ», коренное происхожденіе которыхъ нынѣ утратилось; у Шабинеровъ тамгà прямой крестъ, «цагрыкъ-тамгà», а у Мергечю̀товъ копыто, «турунъ-тамгà».

3. «Багà-Хошоутъ» или малые Хошоуты, считающіе себя прямыми потомками тѣхъ воинственныхъ ратниковъ, которые, въ незапамятныя времена, прославили себя подвигами во главѣ хошуновъ, или фалангъ. Малыхъ Хошоутовъ считается около двухсотъ кибитокъ; небольшая часть ихъ носитъ названіе «Хатамышъ». Тамгà ихъ удила, «хазаръ-тамгà».

[1] Большою кибиткою называется кибитка главы цѣлой семьи, которая можетъ, смотря по числу членовъ, занимать и нѣсколько кибитокъ, или отдѣльныхъ шатровъ. Приблизительныя цифры о численности родовъ получены мною отъ самого владѣльца хошоутовскаго улуса.

4. «Уранхусъ», по происхожденію коренные Дзюнгарцы. Калмыки съ понятіемъ Уранхусъ соединяютъ понятіе объ отличномъ, выборномъ народѣ, и по преданіямъ знаютъ, что въ давнее время кочеванія за Алтаемъ, когда прочіе Дзюнгарцы платили албанъ скотомъ, Уранхусы занимались звѣроловствомъ и платили подать звѣриными шкурами. Уранхусы раздѣляются на два отдѣла, на собственно Уранхусовъ, и на Давлютъ. Общая ихъ тамга есть прямой крестъ, «цагрыкъ-тамга». Уранхусы замѣчательны тѣмъ, что въ отечественную войну они преимущественно предъ прочими Калмыками отличились храбростію въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Ихъ считается около полутора-сотъ кибитокъ.

5. «Теленгитъ» происходятъ отъ Дзюнгарцевъ; тамга ихъ тунмылъ въ кругѣ; число семействъ ихъ простирается до ста пятидесяти кибитокъ.

6. «Цаатынъ»; родъ ихъ состоитъ изъ собственно Цаатыновъ, и изъ присоединенныхъ къ нимъ «Чигачинировъ». Общая ихъ тамга—погайка, «маля-тамга» Цаатыновъ, въ видѣ отдѣльнаго рода, считается около трехсотъ пятидесяти кибитокъ; но кромѣ-того часть Цаатыновъ вошла въ составъ Керетова рода Хошоутовъ, и имѣетъ общую съ Керетами тамгу, сандовь.

7. «Ики-Хошоутъ», или большіе Хошоуты. Въ прежнія времена Ики-Хошоуты, по малочисленности своей, не могли образовать цѣлой сотни, «зунъ», составляя только одинъ изъ тѣхъ ея отдѣловъ, которые назывались сороками; поэтому къ нимъ и добавили часть Шабинеровъ, или хурульныхъ Калмыковъ, извѣстныхъ подъ сложнымъ названіемъ «Гювюнгинъ-Шабинеръ», то-есть, людей, пожертвованныхъ нѣкогда однимъ нойономъ уважаемому ламѣ, по-имени Гювюнъ, послѣ смерти котораго люди эти и стали принадлежностью хурула. Тамга у Ики-Хошоутовъ та же, что и у Бага-Хошоутовъ, удила, «хазаръ-тамга», а у Гювюнгинъ-Шабинеровъ тамга представляетъ человѣка, «кюнъ-тамга». Общее число кибитокъ около двухсотъ.

8. «Шабинеръ»; этотъ родъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: «Хазлай» и «Чоёджинъ-Шабинеръ». Всѣхъ кибитокъ около трехсотъ пятидесяти; тамга у хазлаева отдѣленія человѣкъ, «кюнъ-тамга», а у Шабинеровъ, названныхъ Чоёджинъ, по-имени ламы, которому

прежній нойонъ уступилъ свои права, тамга представляетъ человѣка съ поднятой рукой, «гаранъ-юргёксынъ-кюнъ-тамга».

9. «Хойтъ»; этотъ родъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: изъ природныхъ Хойтовъ и изъ «Хахачиновъ», одного изъ сороковъ, на которые дѣлился керётовъ родъ бывшаго торгоутовскаго улуса. Всѣхъ кибитокъ около ста пятидесяти; тамга у Хойтовъ молотокъ, «алха-тамга», а у Хахачиновъ сандовь, «сере-тамга».

10. «Цагала» суть чистые Хошоуты; настоящее свое прозваніе получили они оттого, что лѣтъ за тридцать за пять принадлежали мелкопомѣстному, необширно-улусному владѣльцу, именемъ Цагала. Число ихъ кибитокъ доходитъ до сотни; тамга ихъ «дегре» въ вертикальномъ положеніи [1].

Тамга владѣльца хошоутовскаго—лукъ со стрѣлой.

Тамга большаго хурула хошоутовскаго улуса есть «дегре» въ горизонтальномъ положеніи.

Общая численность семействъ, нынѣ составляющихъ хошоутовскій улусъ, съ присоединенными къ нему кибитками мелкаго дзюнгарскаго владѣльца, нойона Церенъ-Убуши, слѣдующая:

Нойоновъ, принадлежащихъ къ семьѣ владѣльца . .	5	душъ муж.	пола, и	12	душъ жен.	пола.
Аймачныхъ зайсанговъ.	29	—	—	29	—	—
Безаймачныхъ зайсанговъ.	15	—	—	15	—	—
Духовенства:						
Гелюнговъ, или жрецовъ первой степени	117	—	—			
Гецюлей, второстепенныхъ жрецовъ.	52	—	—			
Манжиковъ, ученик. вѣры.	20	—	—			
Храмовъ, или хуруловъ:						
Большихъ.	3, изъ нихъ одинъ каменный.					

[1] Названія родовъ въ другихъ улусахъ мнѣ невполнѣ извѣстны. Я знаю только, что въ ики-цохуровскомъ улусѣ есть роды Ачиниръ, Хошоутъ, Тоханъ-Кюсюкъ, Дзюнгаръ, Боорцугутъ, Сатхылъ, Шабинеръ, Еркетень, Ельджюгютъ, Замутъ и нѣсколько другихъ; у Яндыковцевъ роды носятъ названія Керѣтъ, Шабинеръ, Цаатынъ, Багутъ, Барунъ и другія; въ еркетеневскомъ улусѣ имена родовъ суть Харнутъ, Хапчинъ, Ерекчутъ, Хомеркчютъ и другіе. Ср. у Палласа Ueber d. mong. Völkerschaften, Th. I., S. 221.

Малыхъ. 5
Часовенъ. 3

Простыхъ Калмыковъ отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ кибитокъ, или отъ пяти до шести тысячъ душъ мужскаго пола.

Скота примѣрно полагается, за 1850 годъ:

	У нойо́новъ.	У зайса́нговъ.	У хуруловъ.	У народа.	Итого.
Верблюдовъ.	—	37	62	443	542
Лошадей.	788	413	438	5,724	7,363
Рогат. скота.	195	371	258	2,469	3,293
Козъ.	—	—	—	275	275
Овецъ:					
Калмыцкихъ.	756	1,138	1,781	14,647	18,322
Мериносовъ.	352	—	—	—	352
Шлёнскихъ.	1,939	—	—	—	1,939
				Всего	32,086 гол.

Изъ достовѣрныхъ слуховъ извѣстно, что общее число головъ скота, принадлежащаго Калмыкамъ хошоутовскаго улуса, простирается болѣе 80,000 головъ, въ томъ числѣ до 15,000 головъ лошадей.

Кромѣ раздѣленія на роды, мы встрѣчаемъ у Калмыковъ еще раздѣленіе народа на хурульныхъ, къ которымъ принадлежатъ Шабинѐры, и Ша*н*гу̀ды, на дворовыхъ, къ которымъ принадлежатъ Кётёчинѐры, Дёмчи и Чигачинѝры, и на почотныхъ — Дархта̀, Еркетѐ, Мергечю̀ты и Боодокчѐи.

«Шабинѐры» суть такіе изъ простыхъ Калмыковъ, право на управленіе которыми передано владѣльцами, вмѣстѣ съ правомъ на личныя послуги, хуруламъ: новое назначеніе ихъ есть пастьба и уходъ за хурульнымъ скотомъ и прислуга духовенству. Иногда такіе люди уступались прославившимся чистотою жизни, или необыкновенными познаніями въ медицинѣ и астрологіи гелю́нгамъ, и по смерти ихъ переходили въ общественное достояніе хурула и гелюнговъ.

«Ша*н*гудъ» суть тѣ же Шабинеры, но они составляютъ отдѣльную часть народа только въ-отношеніи къ владѣльцу, состоя при тѣхъ же родахъ, отъ которыхъ они отчислены къ хурулу, съ обязанностію заготовлять сѣно для хурульныхъ стадъ и дрова для хуруловъ. Тамга́ Ша*н*гу̀довъ есть «очиръ».

«Кётёчинѐры» суть люди, избираемые, или потомки избранныхъ уже прежде Калмыковъ, изъ разныхъ родовъ къ владѣльцу. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ постоянно находиться при

«ёргё», то-есть, при владѣльческой ставкѣ, при жиломъ домѣ или при кибиткахъ самого владѣльца и членовъ его семейства. Кётёчинёры составляютъ родъ дворни и охранную стражу владѣльца. Въ старыя времена, при сборахъ съ нимъ на войну, часть Кётёчинёровъ, по выбору нойона, ходила вмѣстѣ съ нимъ молиться въ хурулъ, и тамъ давала клятвы и обѣты быть вѣрными и непоколебимо преданными сподвижниками и защитниками нойона и его семейства. Между Кётёчинёрами и нашими древними «отроками» есть нѣкоторая аналогія, идея которой сохраняется еще въ нашихъ выраженіяхъ «прикащикъ» и «молодецъ».

Изъ Кётёчинеровъ владѣлецъ выбираетъ себѣ «мёрчё», перваго конюха, и «сёёвина», перваго главнаго слугу, не пользующагося однакожь тѣмъ огромнымъ почотомъ, который принадлежитъ мёрчё.

«Дёмчи», или выборные изъ всѣхъ родовъ и ихъ подраздѣленій, живутъ постоянно при нойонѣ-владѣльцѣ и его »ёргё». Самое калмыцкое понятіе о «Дёмчи» есть то, что это суть простые разсыльные, доставляемые отъ каждаго хотона по одному къ владѣльцу, для общихъ нуждъ и владѣльца, и самого хотона.

«Чигачинйръ» суть остатки прежняго особаго отдѣла Чигачинйровъ, или людей, которыхъ всѣ повинности ограничивались изготовленіемъ кумыза для владѣльца и его семейства, и для хуруловъ; на это указываетъ и самое ихъ названіе, происходящее отъ слова «чигенъ», кумызъ.

«Дархта́» суть потомки лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ родамъ простыхъ Калмыковъ и отличившихся особенною храбростью при военныхъ дѣйствіяхъ. У Калмыковъ донынѣ существуетъ поговорка «хошоўнъ деерѐ дархлыкъ дыксынъ», то-есть, «я выслужилъ свое право въ головѣ хошуна». Хошуномъ, отъ котораго Калмыки производятъ и самое имя Хошоутовъ, назывался строй войска острою колонною: люди, стоявшіе въ головѣ ея, шли на вѣрную смерть.

«Еркетѐ» суть потомки тѣхъ Кётёчинёровъ, или и другихъ лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ родамъ простыхъ Калмыковъ, которые отличились и выслужились у тайшей какими-нибудь особенными нератными подвигами. Еркетѐневцы полагаютъ, что названіе ихъ происходитъ отъ слова еркетѐ.

Люди, заслужившіе себѣ титулъ Дархта̀ или Еркетѐ, были изъяты

отъ всякой подчиненности мелкимъ властямъ; они не подлежали завѣдыванію зайсáнговъ, и состояли въ зависимости только одного владѣльца. Право неподсудности и неподвѣдомственности никому, кромѣ тайшей, укрѣплялось у Дархтà и у Еркетѐ особыми льготными ярлыками, съ которыми, вѣроятно, сходствовали и наши старинныя, созвучныя съ «дархтà», тарханныя грамматы. Ярлыки эти давались тайшàми; ихъ писали на гладкой бѣлаго, а чаще желтаго цвѣта шолковой матеріи, съ приложеніемъ родовой владѣльческой тамгѝ.

«Мергечю̀тъ» составляли стрѣлковыя сотни, и вмѣстѣ съ прочею сборною ратью не смѣшивались, а постоянно находились лично при владѣльцахъ. Это былъ выборный, лучшій народъ, мастерски умѣвшій владѣть оружіемъ.

При наступленіи военныхъ дѣйствій, Дархтà, Еркетѐ и Мергечюты, всѣ поголовно, давали въ хурулѣ правителю улуса присягу на вѣрную службу и обѣты усердной защиты его и его семейства.

«Боодокчéи» суть довѣренные отъ владѣльцевъ Калмыки, нынѣ высылаемые, по одному изъ улуса, на нужды и распоряженія главнаго попечителя калмыцкаго народа.

—

III.

Мѣста, занимаемыя кочевьями Хошоутовъ.

Главныхъ мѣстъ владѣльческой ставки, «ёргё», у хошоутовскаго нойона и его хуруловъ [1] двѣ:

«Зимняя» — въ сельцѣ Тюменевкѣ, на лѣвомъ берегу Волги, въ равномъ разстояніи отъ станицъ Астраханскаго Казачьяго Войска, Сѣроглазинской и Замьяновской, лежащихъ на правомъ берегу Волги. Въ этомъ сельцѣ Тюменевкѣ, прозванномъ такъ по-имени владѣльца Тюменя [2], выстроенъ прекрасно-меблированный большой двухъ-этажный деревянный домъ. Убранство верхнихъ комнатъ совершенно сообразно убранству кибитокъ. Въ этомъ домѣ живутъ и лѣтомъ, и зимой, и только въ самые знойные дни обитатели ищутъ прохлады въ разставленныхъ на чистомъ воздухѣ кибиткахъ. При домѣ хорошій садъ, службы и каменный хурулъ. Для гелюнговъ, или гелюновъ, тоже выстроены деревянные дома, а для кётёчинёровъ и дворовыхъ мастеровыхъ — деревянныя избы и мазанки съ виду похожія на кибитки.

«Лѣтняя» ставка хошоутовскаго улуса находится за Волгой и за Ахтубой, на лѣвомъ берегу рѣки Ашулука, получающаго начало изъ Ахтубы и въ Ахтубу же впадающаго. Мѣсто, гдѣ разбивается ёргё,

[1] Въ улусахъ невладѣльческихъ «ёргё», то-есть владѣльческой ставки, быть не можетъ. Въ казенныхъ улусахъ главною ставкою считается то мѣсто, гдѣ стоятъ хурулы, или капища, и эти хурульныя ставки называются «курә́». У Палласа см. Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, I Th. S. 175.—Ергё, или ургà, а также и куря, по-русски безразлично передавались, да и теперь еще въ разговорѣ передаются, словомъ курень; а вообще «кочевье», покрытое кибитками пространство степи, передается словомъ «таборы».

[2] Имя Тюмень, родоначальникъ Тюменевыхъ, Тюмень-Джиргалъ, получилъ отъ города Тюменя, гдѣ онъ родился: «Тюмюнъ», при счетѣ барановъ, стоговъ сѣна и прочаго, у Калмыковъ означаетъ десять тысячъ, старинное русское тьма; при счетѣ денегъ тюмюнъ означаетъ сто рублей, или десять тысячъ копѣекъ; для выраженія же десяти тысячъ, при денежныхъ счетахъ, есть слово «сайя».

называется Ордлигинъ-цеке. Здѣсь тоже выстроенъ деревянный домикъ, въ родѣ двухъ-этажной бесѣдки, для постояннаго жительства неудобной. На песчаной мѣстности огорожено небольшое пространство степи, на которомъ, съ огромными пожертвованіями трудовъ, времени и капитала, тщетно производятся ничѣмъ неокупаемые опыты разведенія нѣкоторыхъ видовъ хлѣбныхъ и огородныхъ растеній: на богатомъ песками урочищѣ только изрѣдка пробивается зелень обыкновенныхъ степныхъ травъ; а на миніатюрной плантаціи не жалѣютъ ни назема, ни многократной поливки засѣяннаго пространства водой. Калмыки хотятъ доказать, что трудъ все преодолѣваетъ.

«Цеке» значитъ займище: поэтому въ полую воду урочище это называется Ордлигинъ-цеке, а когда вода войдетъ въ постоянные свои берега—оно именуется просто Ордликъ.

Слово «Ордликъ» есть испорченное татарское «орда-лыкъ», что по-русски означаетъ «мѣсто, удобное, предназначенное *для орды*, для «ставки». Это татарское названіе, окрестныя развалины и ихъ татарскія наименованія, сами-собою напоминаютъ о томъ, что о сосѣдственныхъ мѣстностяхъ сказано въ Книгѣ Большому Чертежу:

«По луговой странѣ (Волги), ниже Царицына-града, изъ Волги потекла рѣка Ахтуба. А по рѣкѣ по Ахтубѣ, на девяносто верстъ отъ Царицына, Золотая-Орда, мечети татарскія каменныя. А ниже Золотой-Орды пятьдесятъ верстъ—Кривая-Лука. А противъ Золотыя-Орды, отъ Ахтубы сто верстъ, Пески-Нарымскіе» (прямое ихъ названіе и нынѣ есть «Нарынъ», но на нѣкоторыхъ картахъ встрѣчается Рынъ-Пески); «вдоль Песковъ триста верстъ, а межъ тѣхъ песковъ трава и кладязи многіе [3]».

Принявъ въ соображеніе вѣрность этого описанія, мы придемъ къ тому заключенію, что Калмыки хошоутовскаго улуса почти примыкаютъ нынѣ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ прежнія времена были раскинуты кочевья Золото-ордынцевъ, отъ которыхъ, во-время составленія Книги Большому Чертежу, остались однѣ «мечети татарскія, каменныя». Нельзя не придти и къ той догадкѣ, что одного изъ Сараевъ, именно Новаго, или, какъ его называли, «Джедидъ», надо искать именно въ сосѣдствѣ съ лѣтнимъ ёргё Хошоутовъ, близъ котораго лежитъ и «Джигидъ» (Селитряный-городокъ), переиначенный,

[3] «Книга, глаголемая Большой Чертежъ», изд. Г. И Спасскимъ. Москва, 1846, стр. 153.

может-быть, изъ Джедида, и «Давлютханъ», тоже развалины, порусски именуемыя Лобазъ и Лопасъ[4]. Въ Никоновской Лѣтописи говорится опредѣлительно, что когда Большая Орда порушилась, то «Цари ордынскіе почали жить въ Асторокани, «а Большая *Орда* опустѣла, а мѣсто ея области (подъ этимъ словомъ надо, кажется, разумѣть прежнюю кочевную ставку), близь Асторокани, два днища вверхъ по Волгѣ, именуется Сараи-Большіе»[5]. Если въ Селитряный-городокъ плыть изъ Астрахани, то при непопутномъ вѣтрѣ, противъ теченія рѣки, нельзя поспѣть ранѣе, какъ въ два дня, съ небольшою остановкою на ночь. Съ этимъ объясненіемъ можно легко согласить и слова грамматы, относящейся къ 1591 году, о томъ, что Сараевъ этихъ было два: Ближніе-Сараи въ восьмидесяти верстахъ отъ Астрахани, и Дальніе-Сараи во ста верстахъ отъ Астрахани. Въ этой же грамматѣ слово *Сараи* замѣнено словомъ *мечети*[6].

У Калмыковъ хошоутовскаго улуса, какъ обыкновенно водится, два кочевья: одно лѣтнее, другое зимнее. Лѣтнее кочевье находится въ степи луговой стороны Волги и ея протоковъ, и не касаясь горы Богдо, граничитъ съ востока съ Внутреннею-Киргизскою-Ордою, съ землею Кундровскихъ Татаръ, а съ рѣчной стороны съ деревнями русскихъ новосельцевъ. Зимнее кочевье лежитъ по степи праваго берега Волги, простираясь въ длину почти отъ самаго Енотаевска до ст. Джуруковской, что ниже Астрахани, а въ ширину до тѣхъ предѣловъ, неопредѣленныхъ положительно, гдѣ начинаются кочевья другихъ улусовъ. Предполагается самими Калмыками, что далѣе какъ верстъ па семьдесятъ отъ Волги, они въ глубь степи не заходятъ.

Не всѣ, однакожъ, Калмыки лѣто проводятъ на лѣтнемъ кочевьѣ, а зиму—на зимнемъ. Не должно предполагать и того, что кочевка эта производится въ совершенно нераспутанный разбродъ, и представляетъ хаосъ, въ которомъ нѣтъ возможности открыть основныя начала и правила: все, касающееся до кочеванья Калмыковъ, при

[4] Лопасъ или Лобазъ: такъ называются, по мѣстному выраженію, большіе плетневые или другіе загоны для скота.

[5] Любопытное и остроумное изслѣдованіе «о мѣстоположеніи Сарая» В. В. Григорьева, напечатано въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1845 года, книжки 2, 3 и 4. Ср. также у Гмелина Reise durch Russland, S. B. b., 1774, Th. II, S. 47 и 6.

[6] Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. Т. I. № 230, стр. 438, 439 и 440.

небольшомъ вниманіи къ дѣлу, весьма легко уяснить и у Калмыковъ, какъ и у зауральскихъ Киргизовъ; а постигнувъ укорененную временемъ и обычаями систему этой перекочевки, измѣняемую только вслѣдствіе особенныхъ топическихъ условій и сокращенія числа удобныхъ для кочеванья мѣстъ, почти всегда навѣрное можно знать: гдѣ именно родъ, или извѣстная часть его, въ данное время занимаетъ степь своими кибитками.

Такимъ-образомъ о перекочевкахъ хошоутовскаго улуса мы получаемъ слѣдующіе выводы:

Въ родѣ Керѐтъ, который въ прежнія времена переходилъ съ одного мѣста на другое нераздѣльно, въ полномъ своемъ составѣ, мы встрѣчаемъ теперь четыре главныя группы, слѣдующія каждая своему направленію.

Первая группа Керѐтовъ состоитъ преимущественно изъ рыболововъ: это семьи тѣхъ Керетовъ, которые снискиваютъ себѣ пропитаніе на волжскихъ рыболовныхъ ватагахъ, куда они поступаютъ или въ неводчики, то-есть, въ чернорабочіе, трудное и утомительное занятіе которыхъ состоитъ въ закидываніи и вытаскиваніи неводовъ, или въ пятчики, то-есть, въ работники, приставленные къ пятнѣ, какъ называются канаты съ кольями, прикрѣпляемые къ сѣтямъ.

Эта часть Керетовъ зиму проводитъ на Хавынъ-ату, какъ Калмыки называютъ Круглинскій-Островъ, помѣстье владѣльца Тюменева. Къ веснѣ они съ Волги перебираются далѣе къ востоку. До прибытія пòлой воды, они съ Круглинскаго-острова перекочевываютъ на берега Ахтубы, Большой и Малой, и по-мѣрѣ-того, какъ прибылая вода начнетъ заливать берега и образовывать изъ Волги, Воложки, Большой и Малой Ахтубы и Ашулука одно общее водное пространство, Калмыки, тѣснимые водой, передвигаются все далѣе и далѣе, переходятъ чрезъ Ашулукъ «въ кряжи», то-есть, на возвышенную степь, и занимаютъ урочище Ордлигѝнъ-цекѐ.

Урочище Ордлигѝнъ-цекѐ, прежде славившееся обиліемъ кормовъ, а нынѣ все болѣе и болѣе заносимое песками, уже успѣвшими образовать обширныя возвышенности сыпучаго песка, именуемыя Бумбанъ-уланъ (Могильные-пески), находится на лѣвомъ берегу Ашулýка, и простирается отъ Ашулуцкаго-кордона до кордона Лопасъ, иначе Давлютъ-ханъ, или возвышеннаго бугра, пригорка, покрытаго грудами стариннаго кирпича. Въ глубь степи урочище Ордлигѝнъ-

цеке́ простирается отъ Ашулу́ка верстъ на пятьдесятъ, вплоть до урочища, называемаго «Сенъ-зунъ», то-есть, «прекрасная сотня»: здѣсь множество, больше ста, колодцевъ, или, по мѣстному выраженію, худуковъ (татарское «кудукъ»—«копань»). Теперь это обширное песчаное пространство, лишась отъ наносныхъ пе́сковъ обильной зелени, утратило уже прежнее значеніе прекраснаго для кочевки, выгоднаго для водопоевъ мѣста.

Та первая группа Керётовъ, про которую мы начали рѣчь, занимаетъ своимъ кочевьемъ не все пространство Ордлиги́нъ-цеке́: она жмется только по самому бережку займища, оставляя мѣсто, поближе къ водѣ другимъ сородичамъ, которымъ далеко идти въ глубь степи достатки не дозволяютъ, а избрать средину между двумя крайностями нельзя, по неимѣнію водопоевъ или отсутствію луговыхъ травъ.

Когда вода сойдетъ, займище обсохнетъ и названіе «Ордлиги́нъ-цеке́» превратится въ «Ордли́къ», Керёты передвигаются къ самому берегу Ашулу́ка, сажень на полтораста и начинаютъ выкашивать сѣно; къ концу августа или къ началу сентября мѣсяца убираютъ его и потомъ идутъ снова на Ахтубу; здѣсь проводятъ они всю осень и наконецъ идутъ зимовать, попрежнему, на Круглинскій-Островъ.

Перекочевка въ такомъ порядкѣ будетъ продолжаться неизмѣнно, до-тѣхъ-поръ, пока особенныя обстоятельства не вынудятъ хотонъ измѣнить существующую систему.

Надобно прибавить, для лучшаго уясненія предмета, и то, что эта группа, какъ и очень многія другія отдѣленія Калмыковъ, не всѣ однакожь, кочуетъ не сомкнутою массой, а нѣсколько въ разбродъ. Одно ёргё, или владѣльческая ставка, представляетъ какъ бы особенный, многолюдный городъ, улицы и площади котораго, вмѣстѣ съ молитвенными капищами и лавками заѣзжихъ купцовъ, обставлены болѣе или менѣе правильными рядами подвижныхъ шатровъ, именуемыхъ кибитками. Прочіе аймаки разбиваются на нѣсколько частей: въ одномъ мѣстѣ виднѣется только одна кибитка, въ другомъ ихъ выставленъ десятокъ, а въ третьемъ купа кибитокъ огородилась въ правильный калмыцкій хотонъ. На посторонній взглядъ размѣщеніе это безпорядочно, но знакомый съ дѣломъ тотчасъ замѣтитъ что на каждой отдѣльной мѣстности размѣстилась одна общая

группа семей, издавна соединенныхъ вмѣстѣ единствомъ родства и единствомъ интересовъ.

Другая группа Керѐтовъ, тоже рыболововъ, зимуетъ на рѣкѣ Бузанѣ, въ дачѣ Акъ-Мирзы Урусова, на островѣ, образуемомъ Бузаномъ и ерикомъ (узюкъ) Ай-су: это татарское названіе, значащее «полумѣсяцъ-вода», дано ерику по его формѣ. Чужую мѣстность Калмыки занимаютъ не даромъ: они косятъ для землевладѣльца сѣно и платятъ сверхъ-того незначительный покибиточный оброкъ.

Если прибылая вода невелика и не сгонитъ людей съ мѣста, они остаются на Ай-су въ продолженіе цѣлаго лѣта; если же вода бываетъ велика—они откочевываютъ къ сородичамъ на Ордлигинъ-цекѐ, и тамъ жмутся кибитка къ кибиткѣ около первой группы. Люди этой группы, постоянно живя при самой Волгѣ, и сами привыкли, и скотъ пріучили только къ хорошей, проточной водѣ; уже по одному этому имъ невыгодно далеко отходить отъ береговъ займища.

Третья группа Керѐтовъ, половина на половину рыболовы и скотоводы, зимуѐтъ на урочищѣ Коровья-Лука, на правомъ берегу Волги, на острову, образуемомъ Волгою и ерикомъ Лебяжьимъ, мѣстами высыхающимъ. Здѣсь былъ домъ Замьяна-тайши. Земля эта хошоутовскому улусу не принадлежитъ; ею, на правѣ помѣщика, владѣетъ хошоутовскій владѣлецъ. Мѣсто это извѣстно подъ названіемъ «Домъ и садъ Тюменя». Здѣшній садъ, получившій начало при Замьянѣ, необширенъ, но замѣчателенъ по любопытной смѣси растеній садовыхъ и не-садовыхъ. Здѣсь персиковыя деревья, ростущія на открытомъ воздухѣ, прекрасныя тополевидныя раины, безчисленное множество центифолій, аллеи винограда, маленькая бакча съ арбузами, нѣсколько орѣховыхъ деревъ, пробный засѣвъ кукурузы, маленькая плантація табаку, миніатюрное поле съ чалтыкомъ (сарацинскимъ пшеномъ) и пашня, шаговъ въ семь длины и шага въ полтора ширины, съ пшеницей. Для астраханскаго уѣзда, гдѣ хлѣбопашество совершенно неразвито, гдѣ оно, за половодьемъ, жарами и песками почти невозможно, эта образцовая ферма очень любопытная рѣдкость.

Владѣлецъ Круглинскаго-Острова и Коровьей-Луки пускаетъ къ себѣ на зимовку подвластныхъ себѣ Калмыковъ безденежно, безплатно же снабжая ихъ произрастающимъ на островѣ лѣсомъ на посуду, на плетни, на кибиточныя рѣшотки и на нѣкоторыя другія

насущныя надобности по хозяйству; но платя своему владѣльцу обыкновенный калмыцкій албанъ, сидящіе на собственной его землѣ Калмыки обязаны выкосить для него извѣстное количество стоговъ сѣна.

Съ приближеніемъ весны, эта группа покидаетъ Коровью-Луку̀ и перебирается по сосѣдству, верстъ за пять или за шесть, на озеро, называемое Татарами «Сіи́ръ-кёль» (коровье-озеро), а Калмыками «Гашунъ» (горькое). Изъ озера Сіиръ, послѣ разлива, образуется нѣсколько мелкихъ озеръ; они, мало-по-малу, одно за другимъ, пересыхаютъ, на мѣстности, отвсюду заносимой песками; къ осени изъ нихъ остаются только два или три озерка. Имя Сіиръ-кёль принадлежитъ тому только общему озеру, которое, во-время разлива волжской воды, соединитъ въ себѣ прежніе мелкіе озерки.

На Сіи́ръ-кёлѣ Кере́ты, о которыхъ мы говоримъ, проводятъ все лѣто, и уже въ глубокую осень, сухопутьемъ, возвращаются въ свои зимовки, на Коровью-Луку̀.

Послѣднюю, четвертую группу Кере́товъ составляетъ сравнительно мѐньшая часть Калмыковъ этого рода, именно коренные скотоводы, стало-быть, люди болѣе чѣмъ достаточные, ловкіе, проворные и, отъ дальности своихъ кочевьевъ, мало утратившіе то, что́ характеризуетъ патріархальныя, чисто калмыцкія привычки.

Эти Кере́ты зимуютъ на правой сторонѣ Волги, на сѣверозападъ отъ станицы, носящей на себѣ Замьяново имя. Зимовка ихъ простирается съ урочищъ Оджаръ, Шоръ и Тангытыръ, почти до урочища Ке́пцикъ, что̀ противъ Тюменева-сада, у Лебяжьяго-ерика. Къ веснѣ, этотъ народъ переплываетъ Волгу, достигаетъ лѣваго ея берега, и черезъ Казачій-ерикъ, черезъ Ахтубу, черезъ Ашулу̀къ и черезъ всю ширину урочища Ордлигинъ-цеке̇, безостановочно и отдыхая только на ночлегахъ, проникаетъ до урочища Йисынъ-худукъ (Девять-Колодцевъ), раскидывается повсюду на мѣстности, богатой копанями, травой, а отчасти и песками, и стравивъ всю траву, спускается, въ концѣ августа, или въ сентябрѣ, къ Ашулу̀ку и къ Ахтубѣ. Убравъ здѣсь сѣна̀, всѣ разомъ возвращаются на прежнія зимовки.

У рода Еркете̇нь мы тоже встрѣчаемъ нѣсколько отдѣльныхъ группъ.

Одна часть Еркете̇невцевъ, именно рыболовы, то есть люди пе-

зажиточные, бѣдные стадами, зимовали прежде на лѣтнемъ кочевьѣ, на Ордлйкѣ; но теперь Калмыки этого отдѣла нашли себѣ пріютъ на островѣ между коренною Волгой и Енотаевкой. Островъ этотъ носитъ названіе Табунъ-Аралъ или Тавынъ-Аралъ (Пять-островов), потому-что онъ ериками перерѣзывается на пять неравныхъ частей, и составляетъ личную собственность нынѣшняго хошоутовскаго владѣльца. Если прибылая вода Еркетѐневцевъ не затѣснитъ и съ острова не сгонитъ, то они остаются тутъ безсмѣнно; въ противномъ случаѣ они выкочевываютъ на лѣто на урочище Кердѐнъ-цекѐ: оно на нагорной сторонѣ рукава Волги, Енотаевки. Калмыки выходятъ на это займище и разбиваютъ кибитки на незалитыхъ водою буграхъ. Это мѣсто составляетъ часть тавынъ-аральской дачи.

Займище Кердѐнъ-цекѐ названіе свое получило отъ слова Кердѐ, какъ оно называется не въ полую воду, въ межень. Татарское названіе этой мѣстности Кередей; съ этимъ именемъ, принадлежавшимъ какому-то старинному татарскому багатырю, сохранено у астраханскихъ Татаръ много воспоминаній, передаваемыхъ въ ихъ пѣсняхъ.

Это Кердѐ замѣчательно еще въ другомъ отношеніи: тутъ нѣсколько семей бѣдняковъ-Калмыковъ доведены были обстоятельствами до необходимости бросить кочевую жизнь и вкусить плоды жизни осѣдлой. По собственному побужденію, они на Кердѐ выстроились и теперь здѣсь — калмыцкая деревушка, Калмыками называемая «Кердѐ», а Русскими «Половинка», потому-что стоитъ на полдорогѣ между станицами Сѣроглазинкой и Косихой.

Другая половина рода Еркетѐнь занимается преимущественно скотоводствомъ. Эти Калмыки зиму проводятъ не на постоянныхъ зимовкахъ, подобно другимъ Калмыкамъ, а кочуютъ, переходятъ, по-лѣтнему, съ мѣста на мѣсто по обширной степи, если, разумѣется, урожай травъ, вслѣдствіе благодѣтельныхъ для мѣстности, очень сильныхъ дождей, былъ хорошъ. Постоянное, неизмѣнное ихъ кочевье зимой начинается на правомъ берегу Волги, на степи нагорнаго ея берега, отъ урочищъ Хошъ, Хорбай или Хорва̀ и другихъ, въ глубь степи, отъ Косихинской-станицы верстъ на пятдесятъ, до колодцевъ, именующихся Чулунъ («чулунъ» значитъ «мусоръ», «кирпичный щебень»: названіе это указываетъ на какія-то развалины!) и Молотукъ. Здѣсь Еркетѐневцы, съ своими кибитками и стадами, рас-

кидываются по всѣмъ худукамъ, какіе только существуютъ въ этой мѣстности и въ ея окрестностяхъ.

Со вскрытіемъ Волги, Калмыки перебираются на противоположный берегъ рѣки, и подвигаясь далѣе и далѣе, доходятъ до Ашулука, проникаютъ черезъ всю ширину Ордлигинъ-цеке, направляются далѣе на сѣверо-востокъ и достигаютъ урочища Зайсанъ-Мирза. Урочища, гдѣ Еркетеневцы преимущественно проводятъ лѣто, суть Темечи и Хултынгинъ-худукъ, то есть колодезь, вырытый извѣстнымъ по богатству стадъ Калмыкомъ Хултыномъ. Въ то же время, когда прочіе Калмыки начнутъ «подниматься», и еркетеневскіе скотоводы снимаются съ кочевья и идутъ на зимовки.

На лѣвомъ берегу Ахтубы, при рѣчкахъ Кирпичной и Митиной, есть урочище, называемое «Цулха», съ цацой, или могильнымъ строеніемъ въ память какого-то ламы, по имени Ламхатни; урочище это Русскіе, по цацѣ—называютъ Цацинскимъ участкомъ. Мѣсто это, славящееся покосами, прежде состояло все подъ калмыцкимъ кочевьемъ, а нынѣ раздѣляется на двѣ участка; одинъ составляетъ принадлежность Сѣроглазинской-станицы, находящейся на противоположномъ берегу Волги, а другой — улуса, отъ котораго и отдается на откупъ селитренскимъ крестьянамъ и Кундровскимъ Татарамъ.

Часть рода Бага-Хошоутъ зимуетъ между рѣками Ахтубой и Ашулукомъ, въ окрестностяхъ ерика Шавурта. Лѣтомъ эти Калмыки кочуютъ въ разбродъ «по гривкамъ», то есть по пространствамъ, отдѣляющимъ берега Волги отъ береговъ Ахтубы, и далѣе до Ашулука; но такъ какъ пространства эти почти совершенно заливаются водой, въ немногихъ только мѣстахъ образуя изъ береговыхъ возвышенностей небольшіе островки, то эти-то непонятыя водою земли и служатъ пріютомъ для очень небогатыхъ скотомъ Бага-Хошоутовъ. Другая часть такихъ же бѣдняковъ зимуетъ на Тавынъ-Аралѣ, а на лѣто выкочевываетъ на нагорную сторону, къ калмыцкой деревушкѣ Керде, или Половинкѣ. Третья часть и лѣто и зиму кочуетъ вмѣстѣ съ еркетеневскими скотоводами.

Теленгиты зиму проводятъ одни на тюменевой дачѣ Хавынъ-ату, по-русски на Круглинскомъ-островѣ, другіе на нагорной сторонѣ Волги, отъ станицъ Лебяжновской и Замьяна верстъ на тридцать въ глубь степи, при худукахъ Амыръ-булутъ, Печуюнкё и Терикте. На лѣто всѣ они переходятъ на рѣку Ашулукъ, но первая половина ос-

тается на Ордлигинъ-цеке, а вторая идетъ далѣе въ степь, къ урочищамъ Йисынъ-худукъ, Цуваль-гашу и Сумьяни-таталъ.

Въ родѣ Уранхусъ два же отдѣла: люди недостаточные и зажиточные скотоводы. Первые лѣто и зиму проводятъ на тюменевой дачѣ, на островѣ Шамбаѣ, находящемся близь Сѣроглазинки у праваго берега Волги; послѣдніе зиму проводятъ на урочищѣ Боро-Гашунъ-Мокто, на правомъ берегу Волги, немного выше Замьяна, а лѣтомъ кочуютъ въ степи лѣваго берега Ашулука, въ урочищахъ Юмке-даате, Хулхтынъ-боро и ихъ окрестностяхъ.

Точно то же мы видимъ и въ родѣ Цаатынъ: одна ихъ часть постоянно и лѣто и зиму проводитъ на Шамбаѣ, другая часть зимой кочуетъ въ урочищахъ Тергите, Хойрюнъ, Кюнцюкъ и Хакте, отъ Замьяна и Сѣроглазинки верстъ на двадцать на пять вглубь степи, а лѣтомъ переходятъ на лѣвый берегъ Ашулука за Ордлигинъ-цеке и занимаютъ урочища Зунъ, Едмыкте, Хойрмюкте и ихъ окрестности.

Часть Ики-Хошоутовъ и зимуютъ и проводятъ лѣто на лѣвомъ берегу Волги, близь Большаго-Казачьяго-ерика, на рѣчкѣ Акъ-узюкъ или Бѣломъ-ерикѣ, или, какъ Русскіе ее прозвали, Митиной, или Песчаной, на островкѣ, образуемомъ ериками. Русскіе называютъ этотъ островокъ Кутилкинъ-Бугоръ, а Калмыки — просто Бугуръ.

Другая часть Ики-Хошоутовъ, люди достаточные, зимой кочуютъ въ степи праваго берега Волги, въ сторонѣ отъ Енотаевска, на урочищахъ Джаганъ-Мулта и Джаганъ-Мултынъ-Гашунъ. На лѣто они переходятъ за Ахтубу и за Ашулукъ, ближе къ степи Киргизовъ Внутренней Орды, въ окрестности Андранъ-Боро-худукъ (то есть колодезь, вырытый Калмыкомъ по имени Андра) и Джаганъ-Мулта. Прежде Калмыки кочевали около горы Богдо.

Названіе урочища Джаганъ-Мулта встрѣчается въ степяхъ и по ту и по другую сторону Волги, и на лѣтнемъ и на зимнемъ кочевьяхъ хошоутовскаго улуса: оно означаетъ только то, что тутъ ростетъ дикій лукъ.

Родъ Шабинеръ и Цагала, богатые своими стадами, кочуютъ всегда вмѣстѣ съ еркетеневскими скотоводами. Это не значитъ, что они смѣшиваются вмѣстѣ, а только то, что они другъ отъ друга не отстаютъ и что родъ отъ рода кочуетъ въ близкомъ разстояніи, всегда отдѣльными хотонами.

Зимуютъ они на урочищахъ Сурхулта, Хара-Гицыль, Чолунъ-Мо-

лотыкъ, Кiсте и другихъ, въ степи праваго берега Волги, а лѣтомъ на лѣвомъ берегу, въ сосѣдствѣ съ Внутренней Киргизской Ордой, на урочищахъ Еeджьè, Бурата, Зайсанъ-мирза, или Зайсынъ-мирзè, Цурхлынъ-Салбрынъ, Хултунгинъ-худукъ, Базрынъ-худукъ и Маяликтà.

У рода Хойтъ мы замѣтимъ три группы: одна зиму и лѣто проводитъ на Круглинскомъ-островѣ, другая и зиму и лѣто проводитъ близь лѣтняго кочевья, на рукавахъ рѣчки Ашулука, называемыхъ Джилганъ-су и Гурбунъ-болдукъ, а третья часть, богачи, зимой кочуютъ на зимнемъ улусномъ кочевьѣ праваго берега Волги, въ урочищахъ Могатынъ-Хаптугá и Дамбы-Гелинъ; лѣтомъ же за Ашулỳкомъ, въ серединѣ лѣтняго кочевья, въ урочищахъ Сеахынъ-дарджа, Хулхту-боро и Церекты-бòро.

Калмыки Шангуды, составляющiе, какъ уже сказано, особый отдѣлъ, зимуютъ на островѣ Шамбаѣ; на лѣто они выкочевываютъ на лѣвый берегъ Волги, къ ерикамъ большому, среднему и малому Яргасъ, ниже Сѣроглазинской-станицы. Тѣ, которые занимаются уходомъ за хурульнымъ скотомъ, зиму проводятъ въ степи праваго берега Волги, въ урочищахъ Нарнй-худукъ, Джирглынъ-худукъ, Сyулгутё, Бюкюйни-сюль и Хончинринъ-борò, а на лѣто перебираются за Ашулỳкъ, на урочища Хазгинъ-танха, Кёпцюкъ, Боданъ-танхá и Серетéръ [7].

—

[7] Причисленные къ Хошоутовскому улусу тридцать весьма зажиточныхъ семействъ, подвластныхъ мелкому Дзюнгарскому владѣльцу Церену-Убуши, имѣютъ зимовку на хошоутовскомъ улусномъ зимовьѣ, по линейному тракту, близъ селенiя Курочкина, а лѣтомъ недалеко отъ Астрахани, на томъ же берегу Волги, гдѣ и Курочкино, въ урочищахъ Боро-худукъ и Тавынъ-уланъ.

IV.

Калмыцкая кибитка.

Калмыцкая кибитка есть особеннаго устройства домъ, въ самое короткое время складываемый и разставляемый. Этотъ подвижной шатеръ составляютъ слѣдующія части.

1. Рѣшотка, »термѐ«: она дѣлается изъ шестовъ, другъ друга перекрещивающихъ и скрѣпленныхъ между собою, при точкахъ соединенія, небольшими завертками такимъ образомъ, что на нихъ рѣшотку легко сложить и разложить. Рѣшотки эти складныя и состоятъ изъ шестовъ длиною до сажени; но если рѣшотку раздвинуть, то вышина ея бываетъ около двухъ съ четвертью аршинъ. Чтобъ составить стѣны кибитки, употребляется обыкновенно шесть рѣшоточныхъ полотнищъ, которыя связываются между собою, концы съ концами, посредствомъ сыромятнаго ремня и этимъ соединеніемъ образуютъ круглую сквозную стѣну. Рѣшотки упираются въ землю нижними концами, а верхніе выходящіе концы, имѣющіе видъ буквы V, называются «головками» и служатъ поддержкою свода, который надѣвается на нихъ сверху и составляетъ верхнюю половину кибитки.

Чтобъ кибитка стояла твердо, не распиралась и не шаталась бы отъ вѣтра, ее плотно обвязываютъ около головокъ и посереди высоты рѣшотокъ шерстяною тесьмой «хошлунъ», шириною въ ладонь.

2. Унйны, или отдѣльные шесты, съ придѣланными съ одного конца волосяными петлями.

и 3. Обручъ, съ двумя парами вдѣланныхъ въ него, крестъ на крестъ, полуобручей—это самая верхняя часть кибитки.

Унйны, каждая особо, вставляются однимъ концомъ въ нарочно сдѣланныя въ обручѣ скважины, и когда восемь такихъ шестовъ (а иногда только шесть) воткнутся, съ разныхъ сторонъ, верхними концами въ обручъ, то четверо служителей, поддерживая унины руками за нижніе концы, насаживаютъ ихъ на головки кибиточной стѣны, къ которой и прикрѣпляютъ ихъ имѣющимися тутъ воло-

сяными петлями. Затѣмъ вставляютъ въ обручъ остальныя унины, равномѣрно прикрѣпляемыя къ рѣшоткѣ, и такимъ образомъ изготовляютъ остовъ кибитки.

Если у воронки срѣзать горлышко и опрокинуть ее на круглый сосудъ равной съ нею окружности, то мы получимъ подобіе кибитки: верхнее, узкое отверзтіе воронки замѣнитъ намъ кибиточный обручъ, «харача», стѣнки воронки напомнятъ расположеніе унинъ, а нижній сосудъ будетъ представлять рѣшотку, «терме».

Обручъ съ перекрещенными на немъ полуобручами, которые дѣлаются для поддержки войлоковъ, на нихъ накидываемыхъ, называется общимъ именемъ »цагрыкъ».

Унины и цагрыкъ, поставленные на мѣсто, на головки рѣшотки, образуютъ кибиточный сводъ, тяжесть котораго и способствуетъ къ тому, чтобы кибитка крѣпче держалась. Весь остовъ, всѣ деревянныя части кибитки красятся красною краской; зеленый или синій цвѣтъ исключеніе очень рѣдкое. Такова кибитка каждаго кочевика; разница вся въ томъ, что у Киргиза, напримѣръ, унины бываютъ выгнутыя, а у Калмыка шесты эти совершенно прямые; оттого киргизская кибитка кажется похожею на полушаріе, а калмыцкая имѣетъ коническую форму. Разумѣется, одна кибитка бываетъ больше другой; чѣмъ термѐ выше, чѣмъ полотнища ея шире, тѣмъ она дѣлается пространнѣе; у богатыхъ людей она представляетъ довольно обширную круглую залу, болѣе или менѣе роскошно и со вкусомъ убранную. У бѣднаго человѣка одна кибитка, у богатаго ихъ нѣсколько, и они вполнѣ замѣняютъ кочевому скотоводу наши жилые дома. При условіяхъ кочевой жизни, при необходимости частой перемѣны мѣста, кибитка для номада—кладъ, и кладъ ничѣмъ незамѣнимый. Достаточно вспомнить наши лагерныя палатки, чтобъ оцѣнить значеніе кибитки тамъ, гдѣ строеваго лѣса нѣтъ совершенно и гдѣ томительный зной вынуждаетъ человѣка искать возможную для себя прохладу и тѣнистое укрытіе, съ такимъ условіемъ, чтобъ въ помѣщеніе его свободно могъ проникать воздухъ. Въ жилыхъ покояхъ въ знойное лѣто или бываетъ душно или гуляетъ сквозной вѣтеръ: кибитка устраняетъ обѣ эти крайности.

Кибитка съ внутренней стороны охватывается, въ родѣ сторъ или ширмъ, пологомъ или коврикомъ, сплетеннымъ изъ камыша, или изъ куги; въ первомъ случаѣ его называютъ «шій», въ послѣднемъ

«зеноынъ». Пологъ этотъ приставляется къ стѣнамъ кибитки для того, чтобъ снаружи не было видно, что дѣлается внутри кибитки.

Съ наружной стороны кибитка вся окутывается войлоками, то есть сѣрыми или бѣлыми кошмами. Чтобъ они плотнѣе лежали на кибиткѣ, не рвались, не портились и хорошо бы прикрѣплялись къ стѣнкамъ, кошмы эти нарочно выкраиваютъ по формѣ кибитки, края ихъ обшиваютъ шерстяными тесьмами и, кромѣ-того, для красоты и бо̀льшей крѣпости оторачиваютъ толстыми шерстяными же снурками, «зекъ». Такая кошма называется «ынге», и налагаясь на кибитку, обхватываетъ ее и прикрѣпляется снурами.

Съ одной стороны рѣшотки оставляется свободное мѣсто для входа; въ это пустое пространство вкладывается особая рама, прикрѣпляемая къ термѐ, а къ рамѣ навѣшиваютъ двери, почти всегда столярной работы. На двери, съ верху кибитки спускается особый кошемный пологъ, который или откидывается, или накидывается на двери, смотря по надобности. И пологъ, и деревянныя двери называются одинаково «юйденъ». Двери днемъ бываютъ почти постоянно открыты; свѣтъ проходитъ въ кибитку, или отсюда, или изъ верхняго отверстія, съ котораго обыкновенно часть кошмы откидывается; если сквозь цагрыкъ, или въ двери, проглядываетъ солнышко, то или опускаютъ пологъ у двери, или цагрыкъ накрываютъ кошмой; для прохода свѣта приподнимаютъ, въ такомъ случаѣ, войлоки внизу кибиточныхъ боковъ, и именно съ той стороны, которая въ тѣни. Деревянныя двери запираются или на ночь, или и днемъ, когда хозяева выходятъ на степь и кибитка остается пустою.

Зимой въ кибиткѣ очень холодно и обитатели ея не снимаютъ съ себя тулуповъ. Чтобъ предохранить себя отъ вліянія рѣзкаго вѣтра, да и вообще для возможнаго тепла, рѣшотки кибитки обвѣшиваютъ изнутри толстымъ кошомнымъ пологомъ, спускающимся до самаго низа; двойные войлоки снаружи и изнутри кибитки немного защищаютъ отъ мороза, но во всякомъ случаѣ температура въ кибиткѣ зимой здоровѣе температуры нетопленной избы въ морозы; притомъ же народъ такъ привыкъ ко всему съ малолѣтства, что у Калмыка въ сильные бураны шея и часть груди почти всегда открыты, а галстухи, перчатки и варежки въ степи неизвѣстны.

Лѣтомъ, земля, служащая въ кибиткѣ вмѣсто пола, прикрывается войлоками и коврами; зимой ихъ замѣняютъ кожами и шкурами

животныхъ и звѣрей. Для большихъ гостей постилаютъ на нихъ «ширдыкъ», коверъ, сшитый весьма тщательно изъ бѣлыхъ кошмъ. Если гостю предложатъ сѣсть на драгоцѣнномъ хоросанскомъ коврѣ, а не на ширдыкѣ, это будетъ служить выраженіемъ, что ему не хотятъ придать самаго большаго почета.

Какъ только хотонъ прикочуетъ, то мужчины, въ ту же минуту принимаются за свое дѣло и отправляются распредѣлять табуны по пастбищамъ; всѣ домашнія хлопоты лежатъ на женщинахъ.

Первая ихъ обязанность при остановкѣ на мѣстѣ состоитъ въ томъ, чтобы разставить кибитку, которая, въ разобранномъ видѣ, навъючена на верблюда. Окончивъ это дѣло, но не приступая еще къ внутреннему убранству, хозяйка спѣшитъ приткнуть, снаружи кибитки, «мани»: такъ называется родъ флюгера, прикрѣпленнаго къ древку. Мани дѣлается изъ лоскута шелковой матеріи, а иногда и изъ бумажной ткани, на которой написаны таинственныя молитвы.

Затѣмъ, хозяйка входитъ внутрь кибитки и за убранство ея принимается тѣмъ, что прибираетъ прежде всего постель, потомъ украшаетъ мѣсто для бурхановъ, и въ заключеніе, приводитъ въ порядокъ собственно хозяйственную половину кибитки: кибитка, смотря по достатку хозяина, по численности домочадцевъ и по вкусу самой хозяйки, принимаетъ болѣе или менѣе благоприличный видъ.

Осенью и зимой къ одинокой кибиткѣ приставляютъ загонъ, по калмыцки «хойна-хотунъ». Онъ дѣлается изъ рѣшетокъ же, полукругомъ снаружи огибающихъ правую сторону кибитки такимъ образомъ, что одинъ край загона примыкаетъ къ дверямъ кибитки, а другой къ тому мѣсту, гдѣ приставлена въ кибиткѣ кроватъ, помѣщающаяся всегда прямо противъ входа. Въ хорошую погоду, загоны бываютъ совершенно открыты, а въ «шурганъ», или въ «буранъ» ихъ, съ навѣтренной стороны, завѣшиваютъ кошмами. Загоны эти предназначаются для барановъ.

Такой видъ кибитки имѣетъ каждая одиноко-кочующая калмыцкая семья. Если сыновья хозяина переженились и живутъ своими кибитками (въ отличіе отъ которыхъ отцовская кибитка, а если отецъ умеръ, то кибитка матери, называется «большою кибиткою»), то всѣ они довольствуются пищею изъ родительскаго котла, а въ собственныхъ своихъ помѣщеніяхъ не имѣютъ уже ни съѣстныхъ припасовъ, ни очага, а слѣдовательно, въ ихъ кибиткахъ нѣтъ и сопровождаю-

щихъ стряпню и всѣ чорныя работы неряшества, грязи и нечистоты. Пріѣзжаго гостя, особенно такого, которому хотятъ оказать почетъ, принимаютъ всегда въ большой кибиткѣ: по этому европейскіе путешественники и не замѣтили у Калмыковъ ничего, кромѣ грязи, и не успѣвъ, по ограниченности времени, присмотрѣться поближе къ быту нашихъ номадовъ, надѣляютъ и Калмыковъ качествами непохвальными, которыя можно встрѣтить всюду, но встрѣтить какъ исключеніе, а не какъ общее правило.

Жены сыновей занимаются работами въ большой же кибиткѣ, и старуха-мать освобождается отъ всѣхъ трудовъ по хозяйству, которое переходитъ въ главное завѣдываніе старшей снохи.

Кибитки сыновей разставляются всегда близь отцовской кибитки; такихъ кибитокъ, смотря по семьѣ, можетъ отъ двухъ и трехъ накопиться до десяти и болѣе. Всѣ онѣ разставляются такъ, что образуютъ болѣе или менѣе правильный кругъ. Разстоянія между кибитками заставляются плетневымъ заборомъ, въ родѣ кибиточнаго термè, только тоньше и выше; съ одной стороны забора придѣлываются двери. Въ зимнее время, заборъ, съ навѣтренной стороны, обвѣшивается войлоками.

Обширный дворъ, образуемый такимъ образомъ, служитъ загономъ для верблюдовъ, для рогатаго скота и для барановъ. Этотъ то заборъ и кибитки, со всѣмъ, въ нихъ заключающимся, и есть именно то, что Калмыки называютъ хотономъ, «хотунъ» (1). Лошади у Калмыка всегда, и зиму и лѣто, и день и ночь, пасутся на степи; прочій скотъ на ночь загоняется въ хотонъ, и такъ какъ мелкія воровства случаются обыкновенно ночью, ибо днемъ, при бдительномъ надзорѣ хозяина, это дѣло почти невозможное, то Калмыкъ никогда не скажетъ, что у него «лошадь украли изъ хотона», или «корову угнали со степи», а «лошадь угнали изъ табуна, корову украли изъ хотона» (2).

—

[1] Палласъ Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften Th. I, pag. 112—114, 190; Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs Th. I, pag. 328.

[2] Собраніе, близь владѣльческой ставки, кибитокъ Калмыковъ, сидящихъ на одномъ мѣстѣ и занимающихся уходомъ за дойными коровами, не есть уже хотонъ; здѣсь названіе другое, именно «цагаръ», то есть приближенные.

V.

Домашняя утварь.

При входѣ въ калмыцкую кибитку, первые взоры устремляются на супружеское ложе калмыцкой четы.

Кровать, «ширя́», у Калмыковъ низенькая; ножки у нея ниже полуаршина; составныя части кровати связываются ремнемъ. Перинъ у Калмыка нѣтъ: онъ ихъ замѣняетъ «дёрбюльджи̂номъ», тюфячкомъ, который слагается изъ полотнищъ кошмы, вовремя навъючиванья верблюда и похода по степи, закрывающихъ горбы и бока этого животнаго.

Дёрбюльджи̂нъ отъ ширдыка, съ которымъ онъ очень схожъ, отличается тѣмъ, что ширдыкъ дѣлается изъ нѣсколькихъ слоевъ чистаго бѣлаго войлока и простегивается разными узорами, безъ всякихъ постороннихъ украшеній: по этому онъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, и служитъ эмблемою чистоты и непорочности; дёрбюльджи̂нъ же, сверхъ узорчатой стёжки, обшивается по краямъ краснымъ, чорнымъ или синимъ сукномъ.

Поверхъ дёрбюльджи̂на, въ изголовье кровати, полагается «дербокцо̂», кожаная подушка, въ нутро которой набивается чистое бѣлье и разное платье, кромѣ нарядныхъ, хранящихся непремѣнно въ сундукахъ. Подъ пару дербокцо̂, на постели, въ ногахъ кладется «кельбокцо̂», подушка, служащая тоже чемоданомъ, но не для чистаго бѣлья, а для разныхъ хозяйственныхъ тряпокъ. У богатыхъ людей обѣ подушки дѣлаются изъ яргаковъ, или изъ выдѣланныхъ чорныхъ коневьихъ шкуръ.

Постель покрывается одѣяломъ, «кюнжи̂ль», лѣтнимъ или зимнимъ, смотря по времени года. Лѣтнее одѣяло Калмыки дѣлаютъ, смотря по достатку, изъ нанки, или изъ китайки, и даже изъ дорогихъ шолковыхъ матерій; зимнее одѣяло бываетъ изъ овчинъ, изъ лисьяго или изъ другаго мѣха, съ приличной покрышкой. Надъ постелью распускается болѣе или менѣе богатый пологъ, спереди раздвоенный, а сверху драпируемый фестонами, болѣе или менѣе изящно, сообразно

вкусу хозяйки; обыкновенно пологу придаютъ видъ балдахина. Подъ пологомъ бываютъ иногда еще и особые занавѣсы; ихъ Калмыки называютъ «юмнарчи,» а пологъ «орни-кушгё».

Калмыцкая кровать семейной кибитки (но не «хоша», жилища неженатыхъ, которое есть та же кибитка, но безъ всякаго замѣчательнаго убранства) приходится всегда прямо противъ входа, у стѣны; изголовье непремѣнно съ лѣвой стороны смотря отъ дверей. Влѣво отъ кровати, въ недальномъ разстояніи отъ изголовья, помѣщается такъ называемый большой-бáранъ, самое священное для каждаго Калмыка мѣсто, гдѣ хранятся и религіозные предметы и всѣ драгоцѣнности калмыцкой семьи.

Въ основаніе большаго-бáрана кладутъ на полъ вьючные снаряды, попоны, кошомные недоуздки на верблюдовъ; недоуздки эти обшиваются разноцвѣтнымъ сукномъ, и употребляясь только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, берегутся всегда въ ковровыхъ мѣшкахъ, задешево продаваемыхъ въ Астрахани Персіанами. Поверхъ ихъ ставятъ сундуки съ нарядпымъ платьемъ и съ деньгами, и все это прикрываютъ коврами, а на нихъ уже ставятъ походный бурханный ящикъ и разставляютъ на немъ вынутыхъ оттуда бурхановъ, то есть литыя и лѣпныя изображенія бурхановъ, Боди-Садó и Шутёновъ; ихъ невѣжливая чернь обоготворяетъ, а Калмыки, понимающіе догматы своей вѣры, только чествуютъ.

Передъ бурханами ставится миніатюрный деревянный, украшенный рѣзьбой, красками и позолотою столикъ съ серебряными или мѣдными чашечками, въ которыя полагаются жертвы: вода, пшеница, крупа и разныя куренія.

Вблизи отсюда, около изголовья постели, бережется и та ручная вертящаяся машинка съ священными гіероглифами, при помощи которой Калмыки учащаютъ свою молитву «оммани-падме-хумъ.»

Передъ бурханнымъ столикомъ втыкается въ землю точеный или рѣзной, заостренный деревянный шестъ, на который надѣвается серебряная чашечка, изъ числа порожнихъ, стоящихъ на бурханномъ столикѣ. Это «деєджѣнъ-цёкцó»: сюда кладется, или вливается та часть кушанья или питья, которая должна быть или первымъ кускомъ или первымъ глоткомъ старшаго въ семьѣ лица, при общей трапезѣ; но конина и опьяняющіе напитки на жертву не пріемлются.

Сколько для украшенія святилищнаго мѣста, столько же и для за-

щиты бурхановъ отъ наносимыхъ вѣтромъ, сквозь цагрыкъ, пыли и песку, надъ большимъ-бараномъ развѣшиваютъ цвѣтные шелковые занавѣсы, называемые «лаври»: слово это, какъ говорятъ, санскритское, равносильное калмыцкому «кушгё», пологъ.

Съ правой стороны отъ входа въ кибитку, мѣсто близь нижняго конца кровати и противоположное большому-барану, называется малымъ-бараномъ; вся правая сторона кибитки посвящается домашнему хозяйству, и малый-баранъ есть какъ-бы его средоточіе. Здѣсь ставится «юкюкъ», ящикъ или сундукъ; въ немъ хранятся и на немъ разставляются съѣстные припасы, вино и лучшая утварь. Рядомъ съ нимъ, поближе къ двери, устанавливаютъ бурдюки съ кумызомъ, «чигенъ», и съ арьяномъ, «айрыкъ» Еще ближе къ двери разставляются котлы; надъ ними, на головки термè и на уйны навѣшиваютъ доску, назначаемую для разной посуды, которая во-время путешествія со вьюками сохраняется въ войлочныхъ футлярахъ.

Мѣсто между изголовьемъ и Большимъ-бараномъ предназначается для дочери-невѣсты; тутъ ставятъ, только для вида, «орундукъ», маленькую узенькую кроватку, которая убирается также роскошно, какъ и хозяйская постель. Мѣсто между кроватью и Малымъ-бараномъ принадлежитъ женщинамъ семьи вообще и самой хозяйкѣ въ особенности.

Первую принадлежность домашней хозяйственной утвари у Калмыковъ составляютъ таганъ «тулга» и котлы. Таганъ съ котломъ занимаетъ средину кибитки; онъ ставится подъ цагрыкомъ, чрезъ отверстіе котораго проходитъ и дымъ отъ костра. Но костеръ этотъ дѣлается не изъ дровъ: Калмыки жгутъ, вмѣсто нихъ, кизякъ.

Котловъ всегда бываетъ четыре: одинъ, большой, для приготовленія чая, варенія мяса и прочей пищи; другой, побольше этого, для храненія вина, выгнаннаго изъ коровьяго или овечьяго молока, и два котла меньшихъ размѣровъ, въ которыхъ производится эта перегонка; они обмазываются, во-время дѣйствія, глиною, перемѣшанною, для крѣпости, съ конскимъ и коровьимъ пометомъ.

Калмыки разсыпчатаго чая вовсе не пьютъ, кромѣ очень немногихъ; у нихъ въ ходу одинъ кирпичный чай, въ астраханскомъ краѣ попреимуществу называемый калмыцкимъ; его варятъ въ котлѣ и подаютъ въ «домбо». Этотъ сосудъ есть родъ высокаго, но узенькаго ведра, у котораго основаніе нѣсколько шире въ сравненіи съ

верхнимъ его концомъ. Домбо́ дѣлается изъ краснаго или орѣховаго дерева и обивается пятью мѣдными отполированными обручиками; съ одной стороны придѣлывается мѣдная ручка, къ которой прикрѣпляются ремешки, для того, чтобъ наполненную питьемъ посуду легче было носить. Съ верхняго конца домбо̀ утверждается, въ видѣ крышки, кружокъ, въ которомъ прорѣзываются два небольшія отверзтія: бо́льшее для цѣженія чая, ме́ньшее для выпуска пара. Концы нѣсколькихъ дощечекъ передней стороны домбо выпускаются надъ уровнемъ этого кружка и образуютъ жолобъ, черезъ который жидкость выливается.

Принадлежности домбо́ суть: деревянный точеный ковшъ, «шанга», и, для процѣживанія, сѣтка изъ конскихъ волосъ, «шюръ», также чашки, выточенныя изъ крѣпкаго дерева, полуполоскательныя, глиняныя, фаянсовыя, и фарфоровыя безъ ручекъ, и обыкновенныя чашки и стаканы.

Турсукъ или бурдюкъ, «архытъ», для храненія кумыза и арьяна, есть особеннаго рода бутыль, посудина, выдѣлываемая изъ конской кожи и сшиваемая, вмѣсто нашихъ нитокъ, конскими жилами. Вышина архыта бываетъ разная и доходитъ, съ горлышкомъ, иногда до двухъ съ половиною аршинъ. Въ архытъ вставляется помпа съ шестомъ, для кумыза глухая, а для арьяна съ дирочками.

Вино́ разливается и возится въ «борбё»: такъ называются фляги, сшитыя изъ конской кожи конскими же жилами, но такъ искусно, что посудѣ этой придается и красивая форма, удобная для перевозки борбё при верховыхъ поѣздкахъ, и необыкновенная прочность. Швовъ на борбё почти совсѣмъ невидно; на горлышкѣ и на бокахъ вытисняются разные узоры; пробка дѣлается изъ простаго дерева, а верхъ ея и края горлышка туземные серебряки-Калмыки обдѣлываютъ серебромъ съ насѣчками и съ различными украшеніями. На бокахъ этой посуды, по обѣ стороны горлышка, прикрѣпляются металлическія петли съ ремешками, для того, чтобъ борбё удобнѣе прикрѣплять къ сѣдлу; а чтобы пробка не выпала и не потерялась, то и къ ней проводится отъ петель особый ремешекъ. Борбё бываетъ разной величины — и полуведерная, и штофная и бутылочная.

Посуда, занимающая, по́ размѣру, средину между архытомъ и борбё называется «бортого̀».

Крутъ, родъ сыра, Калмыки берегутъ въ простыхъ кожанныхъ мѣшкахъ, а масло — въ бараньихъ рубцахъ; въ нихъ накладывается весь годовой запасъ этой провизіи, пересыпанный, для прочности, солью.

Сундуковъ у калмыцкой семьи болѣе двухъ-трехъ не бываетъ: это лишняя тягость для кочевки. Сундуки для денегъ и для лучшихъ нарядовъ покупаются возможно-изящной отдѣлки и, для прочности и для того, чтобъ лакъ и цвѣта не терлись, обвязываются войлоками.

Съ лѣвой стороны отъ входа въ кибитку разставляются предметы калмыцкаго наѣздничества, которое ограничивается ухаживаніемъ за табунами, скачками и охотой на звѣрей; тутъ, кромѣ уздъ и сѣделъ, помѣщаются предметы, которымъ Калмыки придаютъ особенно-важное значеніе: это «урргà», ногайка и ружье или винтовка, до которыхъ никто, кромѣ самого хозяина, не смѣетъ коснуться. Ногайка эта не та, которую Калмыкъ употребляетъ въ видѣ понудительнаго орудія: то плеть; а ногайка берется на врага, противъ волка или лихаго человѣка; она передается отъ отца сыну и называется завѣтною или почетною; ее затыкаютъ обыкновенно на самомъ видномъ мѣстѣ, съ лѣвой стороны, между унѝнами и кошмой.

«Урргa» или укрюкъ есть длинный шестъ, помощію котораго накидываютъ арканъ на дикаго коня.

Арканъ есть конецъ волосяной веревки, сажени въ двѣ, въ три длины, и въ полдюйма толщины; онъ необыкновенно проченъ и какъ ни сильно дикій конь его натягиваетъ — никогда не рвется. Арканъ въ кибиткѣ свивается кругомъ и вѣшается на лѣвой дверцѣ.

Изъ деревянныхъ издѣлій калмыцкаго рукодѣлья особеннаго вниманія заслуживаютъ ковши, съ виду весьма похожіе на наши старинные ковши, ни съ хитро изогнутою ручкою и съ нѣсколькими кольцами, висящими одно на другомъ. Все это дѣлается отъ руки и притомъ вытачивается простымъ ножомъ изъ цѣльной штуки дерева.

Съ правой стороны кибитки, кромѣ разной посуды, мы пропустили корыто, «тепшѐ»; близь кровати, между кошмой и унѝнами затыкается «хадýръ», серпъ, которымъ женщины траву жнутъ.

Ночникъ калмыцкій составляютъ желѣзный заостренный шестъ съ четырехъ-угольнымъ желѣзнымъ блюдечкомъ, въ которое наливается масло или сало и вставляется фитиль. Такой ночникъ дол-

женѣ горѣть непремѣнно (хотя бы и напрасно) если мужъ об[ъ]явилъ женѣ, что воротится изъ табуна къ ночи.

У людей зажиточныхъ, у которыхъ и ковры новы, и кошмы ч[и]сты, ставится около сидѣнья еще тазъ мѣдный, для плеванья [1].

[1] Объ утвари у Палласа Nachr. üb. die mong. Völkerschaften. 1 Th. pag. 114.

VI.

Пища

Калмыцкую пищу можно раздѣлить на постную и скоромную, и на будничную и праздничную.

Калмыки, кочующіе въ степи, далеко отъ Волги и вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, крѣпко соблюдаютъ предписанія своей религіи и строго соблюдаютъ установленные посты.

Калмыки постятся каждое восьмое, пятнадцатое и тридцатое число мѣсяца[1]: въ эти дни они не бьютъ животныхъ и не ловятъ рыбы, а голодъ утоляютъ только два раза въ сутки, тогда какъ въ прочіе дни ѣдятъ столько разъ, сколько случится. Въ постные дни не употребляютъ они ни мяса, ни вина, а пьютъ чай и насыщаются блюдами, изготовленными изъ молока или изъ муки.

Ежедневную скоромную пищу Калмыковъ составляютъ слѣдующія кушанья.

«Куртъ-хурсу̀нъ». Когда гонятъ вино и оно будетъ готово, то остатки арьяна, гущу, сцѣживаютъ въ холщевые мѣшки. Отъ этого получится родъ творога, называемый Калмыками «бозо̀». Когда вся жидкость изгнетется и гуща отвердѣетъ, то ее разрѣзываютъ кусками и ломтями и высушиваютъ на солнцѣ: такимъ-образомъ и получается куртъ-хурсу̀нъ. Съ виду онъ сѣрожелтоватъ, а на вкусъ ки-

[1]) У Калмыковъ въ году бываетъ двѣнадцать мѣсяцовъ, каждый въ тридцать дней; но черезъ три года въ четвертый, годъ у нихъ состоитъ изъ тринадцати мѣсяцовъ, и тогда лишній мѣсяцъ носитъ тоже названіе, какъ и предшествовавшій мѣсяцъ. Иногда въ одномъ и томъ же мѣсяцѣ одно число повторяется два раза: такіе дни называются «давхуръ»; иногда въ мѣсяцъ одно число вовсе выпускается, и это называется «тасырха́.» Такъ въ 1851 году, у Калмыковъ, въ мѣсяцѣ «урюсъ» или юрюсъ, не было седьмаго числа, а въ мѣсяцѣ, предшествовавшемъ урюсу, въ томъ же году, два дня сряду было двадцать седьмое число. Праздничный недѣльный день, соотвѣтствующій нашему воскресенью, еврейской субботѣ, мухаммеданской пятницѣ, у Калмыковъ — четвергъ, называемый «бембѐ.»

селъ; онъ въ дорогѣ безцѣненъ для Калмыка, имѣя свойство утолять его жажду въ безводныхъ мѣстахъ, подъ жгучими лучами степнаго солнышка.

Если изъ бозо̀ надѣлать маленькіе неправильнаго вида катышки то получится новый видъ сыра, называемый Калмыками «шюйрмы̀къ». Онъ сберегается на зиму и варится въ водѣ съ мукóй, отчего и получается родъ кашицы. Лѣтомъ шюйрмы̀къ даютъ съ масломъ только ребятамъ.

Изъ овечьяго молока приготовляется сла̀дковатый сыръ, называемый у Калмыковъ «ейзгé»; его су̀шатъ мелкими кусками и ломтями. Сыръ этотъ чрезвычайно питателенъ и служитъ вмѣсто хлѣба; лѣтомъ его пьютъ вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ.

Изъ коровьяго молока сбивается масло шестомъ въ архытѣ, вмѣстимостію ведеръ въ пять.

Изъ арьяна, получаемаго изъ коровьяго же молока, которымъ, въ продолженіе лѣта, Калмыки только и живутъ, особенно дѣти, приготовляются еще слѣдующія кушанья: 1) «еедмы̀къ»; — чтобъ получить его разводятъ полчашки арьяна холоднымъ коровьимъ молокомъ, и блюдо готово; 2) «маханъ-еедмы̀къ» есть смѣсь полчашки горячей гущи, оставшейся отъ выгонки вина, «бозó», и холоднаго коровьяго молока; слово «маха̀нъ», означающее мясо, прибавлено здѣсь потому, что на поверхности смѣси образуются продолговатые кусочки крѣпкаго творога, придающіе этому кушанью, самому любимому у Калмыковъ, особенную питательность, и 3) «кююрцю̀къ» — для этого берутъ полчашки холоднаго арьяна и на него надаиваютъ парнаго коровьяго молока; отъ этой смѣси изъ гущи образуются мелкіе шарики творога; кююрцю̀къ ѣдятъ, когда онъ совершенно остынетъ.

Кирпичный чай, «ця», Калмыки не настаиваютъ, а варятъ въ водѣ, въ котлѣ; когда вода вскипитъ, въ наваръ кладутъ, въ извѣстной пропорціи, соли и масла и подливаютъ молока коровьяго, овечьяго, а у богатыхъ гастрономовъ и верблюжьяго; потомъ его снова кипятятъ и сливаютъ, процѣженнымъ сквозь во̀лосяную сѣтку, въ домбó.

Степные Калмыки никогда печенаго хлѣба не ѣдятъ въ томъ видѣ, какъ его приготовляютъ Русскіе. Муку̀, которою они нѣсколько запасаются на зиму, они употребляютъ совершенно иначе.

Ржаная мука̀ разводится въ кипяченой водѣ, съ солью и съ при-

бавкою шюйрмыка, а иногда мяса; эту болтушку разливаютъ въ чашки и хлѣбаютъ; она называется «буда́нъ».

Ржаную муку́ замѣшиваютъ въ тѣсто и крошатъ на него немного курдючьяго сала: потомъ все это налѣпляютъ на сковороду и запекаютъ на горячей золѣ. Это кушанье называется «булсу́нъ-гулиръ», то есть печеный хлѣбъ.

Изъ ржанаго же, а также и изъ пшеничнаго тѣста, Калмыки, собственно для дороги, готовятъ лепешки и пропекаютъ ихъ на бараньемъ салѣ; эти лепешки называются «боорцу́къ» и «боорцу́къ-цельвикъ».

Изъ пшеничнаго тѣста готовятся жареные на бараньемъ салѣ «мошкомо́ръ»: это родъ пирожнаго, съ виду похожаго нѣсколько на вермишели или макароны, а по вкусу — на «хворосты»; есть еще «хамхытъ-боорцу́къ»: это родъ оладьевъ, разведенныхъ на молокѣ и обжаренныхъ въ кипящемъ бараньемъ салѣ; «бурумъ» есть особаго вида медовые леденцы, состоящіе изъ смѣси пшеничной мукѝ съ медомъ.

Калмыки чрезвычайные охотники до мяса, «маханъ», говядины, баранины, а кому достатокъ позволяетъ, то и конины. Кониной только гелюны не имѣютъ права питаться: это имъ запрещено правилами религіи, недозволяющей конины приносить и въ жертву; поэтому на чапечкѣ, «деедживъ-цёкцо», никогда нельзя увидѣть конины. Надо полагать, что Калмыки переняли употребленіе въ пищу конины отъ мухаммеданъ.

Разсказываютъ, что Калмыки ѣдятъ всякую мертвечину и падаль. Калмыки, дѣйствительно, замѣчая, что скотъ ихъ боленъ такою болѣзнью, которая не можетъ имѣть вліянія на годность въ пищу его мяса, торопятся скорѣй его зарѣзать; иногда, на́-скоро, ѣдятъ и только что палую скотину, но на это послѣднее рѣшится не каждый Калмыкъ, изъ числа кочующихъ въ дальней степи, не смотря на то, что у этихъ полудикарей мало разборчивости на случай голода. Дохлую лошадь или корову будутъ ѣсть всѣ безъ разбора Калмыки въ томъ единственномъ случаѣ, когда она падетъ отъ сибирской-язвы, то есть отъ болѣзни, которую, по понятіямъ Калмыковъ, ихъ законъ запрещаетъ имъ лечить. Они ѣдятъ и звѣрковъ, водящихся въ степяхъ въ изобиліи, но на эти непринятыя нами блюда Калмыки смотрятъ какъ на дичь, очень чистую и очень вкусную.

Мясо никогда не жарится, но всегда или варится или вялится.

Бульйонъ изъ-подъ разварной баранины, называемый «шюлюнъ» Калмыки очень любятъ, но они не ѣдятъ его, какъ мы, ложками, а хлѣбаютъ изъ маленькихъ деревянныхъ чашекъ.

Искрошенное въ куски разварное мясо, называемое у татаръ «бишъ-бармáкъ», пять-пальцевъ, и которое кочевыя племена ѣдятъ пригоршней, у Калмыковъ тоже существуетъ, но подъ двумя названіями: если вареное мясо нарѣзано крупными кусками («бѣдному кочевику, день деньской занятому работой, нѣкогда мелко рѣзать», замѣчаютъ Калмыки), то это крошево называется, кёшкисы-маханъ», а если мелкими, — то «ишкисы-маханъ».

Всякаго рода колбасы у Калмыковъ въ большомъ употребленіи. Колбасы коровьи и бараньи называются «чиксынъ-маханъ», а изъ конскихъ кишекъ — «гасиликсынъ-халсынъ.»

Калмыки сушатъ мясо и берегутъ его на зиму. Высушенное мясо называютъ они «борцó.» Оно заготовляется лѣтомъ такимъ-образомъ: сперва сырое мясо разрѣзываютъ на тонкіе и длинные ломтики, потомъ окунаютъ въ кипятокъ, насыщенный солью, и наконецъ развѣшиваютъ въ тѣни до-тѣхъ-поръ, пока оно не завялится.

Калмыки хотя и не разводятъ свиней, что въ ихъ кочевомъ быту совершенно неудобно, однакожъ свинину ѣдятъ съ удовольствіемъ; охотники они и до куръ, разводить которыхъ у себя имъ нѣтъ никакой возможности: но эти, дорогія уже, потому-что покупныя, блюда выходятъ изъ разряда обыкновенныхъ калмыцкихъ блюдъ. Впрочемъ, зимой Калмыки промышляютъ дикихъ кабановъ, которыхъ, равно какъ и мяса другихъ звѣрей, они не чуждаются.

Роскошными или праздничными блюдами могутъ назваться всѣ тѣ лакомства, которыя относятся къ разряду боорцýкъ, также и мясо молоденькихъ животныхъ. У несовсѣмъ достаточнаго человѣка границею роскоши въ яствахъ полагается молоденькій барашекъ, кургашекъ, и очень изрѣдка молоденькій жеребчикъ; за столомъ богатыхъ людей подаются откормленная молодая кобылица или молоденькій верблюженокъ, въ разныхъ видахъ приготовленія; эти блюда очень цѣнны и не всякому доступны.

Вообще Калмыки отдаютъ предпочтеніе тому блюду, которое называется у нихъ «балхуйрюкъ»: это — кургашекъ, разваренный въ томъ самомъ арьянѣ, изъ котораго гонятъ вино и въ то же самое

время когда его гонять; его кладутъ въ одинъ изъ наполненныхъ арьяномъ котловъ, приготовленныхъ для выгонки вина.

Баранья грудинка, соленая и послѣ прокопченная, почитается лучшимъ для закуски блюдомъ.

Когда варятъ цѣлаго барана, то длинная кость подлѣ лопатки, называемая «шага-чимгѐнъ», какъ самый лучшій кусъ, приносится въ жертву и кладется передъ бурханами на «деѐджинъ-цѐкцо.»

Калмыки, какъ и Киргизы, никогда не пьютъ сырой воды: это не въ привычкахъ народа.

Чистый кипятокъ, безъ настоя, безъ ничего, употребляется только больными, и то какъ лекарство.

Жажду Калмыкъ удовлетворяетъ или арьяномъ или кумызомъ, такъ называется перебродившееся молоко, въ первомъ случаѣ коровье или овечье, въ послѣднемъ кобылье. Кумызъ, смотря по степени сочности и душистости пастбищныхъ травъ, можетъ быть или прекраснымъ напиткомъ или отвратительнымъ, для не-Калмыка.

Калмыки очень охотно и старательно пьютъ русскую водку.

Изъ коровьяго, даже изъ овечьяго, а иногда и изъ кобыльяго молока, они гонятъ, разумѣется только до осени, пока животныя бываютъ дойными, — вино, называемое «аркѐ». Двойная, перегнанная арке, называется «арзá»: въ этомъ видѣ вино въ бóльшемъ употребленіи; тройная аркé, почти спиртъ, называется «харзó»: оно ближе къ цѣли, но Калмыками почти вовсе не употребляется; перегнанное харзó, называемое «хорунъ», Калмыки называютъ ядомъ и не пьютъ никогда.

Кромѣ всѣхъ поименованныхъ выше произведеній царства животнаго, Калмыки, избѣгая распахиванія пашень на песчаныхъ своихъ степяхъ, умѣютъ извлекать пользу изъ дикорастущихъ кустарниковъ, травъ, кореньевъ и порослей.

Такъ, напримѣръ, всѣ, и богатые и бѣдные, Калмыки, не тратясь излишне на покупку кирпичнаго чая, сбираютъ лѣтомъ корень «хургунъ-чикинъ», то есть конскаго щавеля, и вѣтви «бѐѐльджинергé,» или дикой ежевики, сушатъ ихъ и въ кусочкахъ развариваютъ, вмѣсто чая, въ водѣ.

Въ мочагàхъ по приморскимъ топямъ они добываютъ чилимъ, trapa natans, водяной орѣхъ, четырехрогій по фигурѣ, съ чорной скорлупой и съ бѣлымъ, пріятнымъ на вкусъ ядромъ; впрочемъ чилимъ

не у однихъ Калмыковъ, но и въ цѣлой Астрахани въ большомъ употребленіи.

«Бодмонцукъ,» дикій, или свиной орѣхъ, выкапываемый на займищахъ, когда они обсохнутъ, доставляетъ Калмыкамъ вкусное и питательное блюдо. Бодмонцукъ и чилимъ могутъ совершенно замѣнить нашъ картофель.

«Алцонхó,» осока, carex или ciperus, добывается въ августѣ и въ сентябрѣ мѣсяцахъ, то же на обсохшихъ займищахъ. Алцонхó выкапываютъ шестами, потомъ пекутъ въ горячей золѣ, растираютъ и толкутъ въ деревянной ступѣ, и смѣшавъ съ кирпичнымъ чаемъ, приготовляютъ въ видѣ тѣста. Кушанье это такъ вкусно, что отъ него ни одинъ Калмыкъ не откажется.

«Джагамылъ» или дикій лукъ варится вмѣстѣ съ мясомъ и вмѣстѣ съ нимъ употребляется въ пищу.

Всюду по степи, занимаемой кочевьями Калмыковъ, изобильно въ дикомъ видѣ ростетъ «суркулъ,» родъ проса, только не съ круглыми, а съ продолговатыми и нѣсколько приплюснутыми зернами. Женщины жнутъ суркулъ; нажинъ его вмѣстѣ съ соломой кладутъ въ «утó,» кожаный мѣшокъ, и колотятъ по немъ палками и нагайками; шелуха, при высыпкѣ, сама вывѣвается степнымъ вѣтромъ, зерно же Калмыки ссыпаютъ въ котелъ и слегка на огнѣ его поджариваютъ. Его ѣдятъ или смѣшавъ съ коровьимъ масломъ, или съ бараньимъ саломъ, или, вмѣстѣ съ шюйрмыкомъ, кладутъ въ болтушку, «буданъ». Суркулъ въ непремѣнномъ употребленіи у всѣхъ Калмыковъ.

«Мокунъ» — корень, выкапываемый по степи; будучи очищенъ отъ коры, онъ употребляется Калмыками какъ особенная сласть: они жуютъ его какъ Татары сакызъ.

«Зеергенé» служитъ нашимъ полудикарямъ для приготовленія искусственнаго меда, называемаго у нихъ «балъ». Калмыцкія женщины собираютъ эту дикую ягоду, на видъ красную и мелкую, кладутъ въ котелъ, обливаютъ водой и нѣсколько времени кипятятъ, и потомъ, привязавъ къ концу шеста хорошій кусокъ бараньяго сала, разводятъ имъ въ переваренной ягодѣ. Когда смѣсь эта застынетъ, варенье сгребаютъ и прячутъ въ бараній мѣшокъ. Зеергенé — ephedra monostachia.

«Буулукъ,» ornithogalum bicolor, продолговатая луковица; она запекается въ золѣ и употребляется въ буданѣ [2].

Мы нарочно исчислили здѣсь всѣ знакомыя намъ калмыцкія блюда, не для того, чтобъ представить читателю данныя, по которымъ бы онъ могъ судить о степени изобрѣтательности нашихъ степняковъ въ гастрономическомъ отношеніи.

—

2 У Палласа Nachr. ueb. d. mong. Voelker. Th. I, pag 126. — 138; Reise durch versch. Provin. des Rus. Reichs, Th. I, pag. 315.

VII.

Одежда.

Калмыковъ называютъ «уланъ-залатà-хальмùкъ» или «красно-кисточными.» Въ самомъ дѣлѣ у Хошоутовъ, и у мужчинъ и у женщинъ, и у взрослыхъ и у ребятъ, на шапкѣ или красная кисть, или лоскутъ краснаго сукна, въ родѣ пуговицы.

Но прежде, чѣмъ мы станемъ говорить о шапкахъ, начнемъ съ самаго начала и познакомимся со всѣми подробностями калмыцкаго наряда, какъ мужскаго, такъ и женскаго.

Настоящая калмыцкая рубаха, «кійлùкъ», представляетъ совершенное отличіе отъ того, что̀ мы понимаемъ подъ сорочкою: эта часть одежды, по формѣ своей, походитъ на нашу женскую кофту. Она бываетъ длиной пальца на три ниже пояса и дѣлается изъ толстой холстины; одна ея пола закидывается на другую, и не имѣя завязокъ, придерживается нижнимъ платьемъ. Рукава у калмыцкой сорочки длинные.

«Дото́джи» есть нижнее платье, сдѣланное изъ холстины, или изъ бязи; поясъ или тесьма, продергиваемая сверху, называется «юлкё,» а у Русскихъ она носитъ свое татарское названіе «учкуръ».

Вмѣсто чулокъ, Калмыки носятъ холщевыя онучи, «цуглà.» Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о настоящемъ Калмыкѣ, о Калмыкѣ степномъ, то излишне, вѣроятно, прибавлять, что у богатыхъ людей, ближе къ Волгѣ живущихъ, можно найдти и европейскіе чулки, хотя съ мужчиной это очень рѣдко случается. Въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, яствахъ и образѣ жизни, простаго степняка не различишь съ богатымъ нойóномъ.

Сапоги у мужчинъ бываютъ всегда изъ чорной козловой кожи. Такъ какъ Калмыкъ почти никогда съ лошади не слезаетъ и отъ колыбели до могилы остается наѣздникомъ, то эта особенность высказалась у него даже и сапогами, «гусунъ». Для того, чтобъ, въ случаѣ паденія съ лошади, не захватило ноги стременемъ, каблукъ у калмыцкаго сапога дѣлается внутри обуви, у того мѣста, гдѣ у насъ начинается закаблучье; кромѣ того, снаружи сапога, на подошвѣ, у пятки придѣлывается, особый каблукъ, всегда подбиваемый желѣзными подковками. Наружный видъ носка полукруглый.

Шальвары, «шалбуръ», бываютъ широкія, будничныя изъ синей нанки, а въ праздничные дни суконныя, синяго же цвѣта.

Верхнее платье называется бешметъ; это нашъ казакинъ, однобортный, изъ нанки; онъ застегивается только у тальи шелковыми петельками на маленькія круглыя висящія пуговки. Праздничный бешметъ бываетъ суконный, темныхъ цвѣтовъ, но преимущественно синяго. Люди, нѣсколько изнѣженные роскошью, обшиваютъ бешметы галунами, которыми выкладываютъ полы и грудь; это украшеніе заимствовано Калмыками отъ Горцевъ, отъ которыхъ переняли они и нашивки для патроновъ.

Бешметъ стягивается у тальи ременнымъ кушакомъ съ серебряными насѣчками на желѣзныхъ пластинкамъ. На ремнѣ, начиная съ лѣваго бока, навѣшиваются всѣ небольшія вещи, долженствующія быть у добраго Калмыка всегда подъ рукой. Каждый предметъ имѣетъ тутъ свое мѣсто и висящею на ремешкѣ ременною же пуговкой пристегивается къ особенной ременной петлѣ пояса.

Эти принадлежности суть: 1) Двѣ кожаныя сумочки, одна, поменьше, для храненія готовыхъ пуль, другая, побольше — для запасныхъ. 2) Продолговатый деревянный, или костяной ящичекъ съ мѣдной уборкой, для храненія птичьяго, или заячьяго сала, которымъ Калмыки намазываютъ обрѣзки козлиной кожи для обвертки пуль. 3) Небольшой въ ножнахъ ножикъ на длинномъ черенкѣ. 4) «Тёръ,» инструментъ, имѣющій сходство съ обыкновеннымъ столовымъ ножемъ, но разнящійся отъ него тѣмъ, что, вмѣсто лезвея, на черенокъ насаживается ременная довольно твердая пластинка: это колотушка для маленькой литавры, навѣшиваемой на луку сѣдла съ правой сто-

роны; колотушка и литавра употребляются только при ястребиной охотѣ. 5) Круглый кожаный карманчикъ, украшаемый серебрянымъ ободочкомъ или серебряными винтиками: въ немъ берегутся тряпки для чистки винтовки. 6) Роговая пороховница на длинномъ ремнѣ прицѣпляется за особый желѣзный крючокъ, вдѣланный въ самый поясъ. 7) Мѣрка для пороха. 8) Кусокъ козлиной кожи для нарѣзки обвертокъ на пули. 9) Отвертка для винтовки. 10) Маленькій портфель изъ кожи, съ огнивомъ, кремнемъ и трутомъ. Сзади за поясъ засовывается: 11) Коротенькая трубка, необходимость каждаго Калмыка и Калмычки; и чубукъ и трубка точеные деревянные; на трубку надѣвается кожаный колпачокъ съ двумя-тремя дирочками для отдушинъ. 12) Кисетъ съ табакомъ; онъ дѣлается изъ двухъ кошелей съ общими для обоихъ снурками. 13) Ногайка затыкается за поясъ съ праваго бока; а возлѣ нея, къ самому переду, 14) носовой платокъ: онъ складывается не по діагонали, а вдоль и засовывается за поясъ, однимъ концомъ у праваго бока, а другимъ концомъ сзади, у спины.

Поясу придается такая важность, что безъ него нельзя быть при старшихъ, предъ отцомъ, дядей, старшимъ братомъ, матерью, теткой, посторонней дамой и т. д.: застать Калмыка безъ пояса, то же, что̀ у насъ застать въ халатѣ.

За исчисленіемъ этихъ принадлежностей, Калмыку не достаетъ только шапки. Но прежде, чѣмъ мы ее на него надѣнемъ, намъ надо познакомиться съ калмыцкою прической.

Калмыки подбриваютъ волосы вокругъ всей головы, пальца на два и на три отъ той линіи, съ которой они начинаютъ рости. Остальные волосы расчесываются на обѣ стороны, достигаютъ до шеи и подсѣкаются, какъ сзади, такъ и спереди, одинаково ровно. При такомъ уборѣ, у Калмыка видна бываетъ только часть выбритаго круга, именно на лбу; но при извѣстныхъ оборотахъ наѣздника, при скачкѣ, или при борьбѣ, волосы развѣваются на вѣтру и тогда бываетъ видѣнъ весь выбритый кругъ. У кореннаго степняка-щеголя волосы выбриваются на цѣлую ладонь, у Калмыка только по имени — много что на полдюйма.

Бороду Калмыки брѣютъ, а усы оставляютъ, но никогда ихъ не закручиваютъ.

Почти у каждаго Калмыка въ лѣвомъ ухѣ виситъ серьга, при маленькомъ даже достаткѣ — жемчужная.

Шапка калмыцкая, и именно хошоутовская, очень похожа на уланскую шапку, безъ узкаго перехвата посерединѣ Тулья у шапки круглая, высокая, изъ желтаго сукна; она довольно тверда и простегивается продольными полосками. Верхъ у нея четырехъ-угольный; въ срединѣ его маленькая красная пуговка, а кругомъ ея широкая красная кисть изъ сученаго шелка, а правильнѣе сказать изъ нашитыхъ круговъ шелковой бахрамы. Околышъ чорный мерлушчатый, выпуклый, обыкновенно изъ овчинныхъ выпоротковъ

У Калмыка въ дорогѣ, въ степи, при уходѣ за табуномъ, всегда въ лѣвой рукѣ укрюкъ, черезъ плечо винтовка, въ зубахъ трубка, а въ торокахъ за сѣдломъ — армякъ, «юрмге»: это широкій халатъ изъ верблюжьяго сукна.

Въ сырое время Калмыкъ надѣваетъ на себя яргакъ, двухбортный и съ тальей; яргакъ всегда шьется изъ выдѣланныхъ конскихъ шкуръ.

Зимній нарядъ Калмыковъ составляютъ — овчинныя шальвары, или «ярыка», шальвары изъ козлиныхъ шкуръ, кошомные чулки, овчинная куртка, лисья шуба на плечахъ и, въ торокахъ, яргакъ.

Зимняя шапка дѣлается изъ бѣлаго войлока, того же фасона, только ниже, чѣмъ лѣтняя, а вмѣсто кисти, на ней пуговица изъ краснаго сукна. Околышъ у нея чорный, широкій; онъ надрѣзывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ и образуетъ черезъ это, если околышъ отворотить, родъ козырька спереди, наушники и задокъ; отвороченнымъ околышемъ закрывается, во-время снѣжныхъ вихрей, все лицо табунщика: это слово, точно также какъ и названіе борца, очень лестно для калмыцкаго самолюбія, какъ выраженіе, сопряженное съ понятіемъ объ удальствѣ и подвигахъ храбрости и безстрашія.

Шапка у Калмыковъ другихъ улусовъ похожа на хошоутовскую шапку, но тамъ бываетъ она или шире въ тульѣ, или ниже, или, наконецъ носится на головѣ совершеннымъ блиномъ, по нетвердости тульи. Молодежъ и взрослые удальцы шапки носятъ непремѣнно на бекрень.

Такъ одѣвается каждый порядочный человѣкъ изъ степныхъ Калмыковъ, съ семнадцати до сорока лѣтняго возраста. Когда Калмыку стукнетъ за сорокъ и онъ перестанетъ нуждаться въ людской молвѣ, то начинаетъ сообразоваться въ нарядахъ своихъ съ собственнымъ произволомъ, не разставаясь только съ бешметомъ да съ поясомъ; шапку иной разъ замѣняетъ синей фуражкой съ глянцовымъ козырькомъ и съ краснымъ околышемъ, а всѣ принадлежности пояса передаетъ дѣтямъ на память. Съ этого же времени Калмыкъ начинаетъ отпускать косу, безъ которой онъ уже плохой Калмыкъ

Дѣти нарядомъ не щеголяютъ: лѣтъ до десяти у нихъ тѣло ничѣмъ не покрывается; рубашонки — даже той они не носятъ. Зимой мальчикъ забивается отъ холода подъ овчины отцовской постели, а лѣтомъ бѣгаетъ по степи въ чемъ мать родила Съ десяти лѣтъ ребенка запрягаютъ въ работу и заставляютъ пасти барановъ; костюмъ его все еще скроменъ; но чѣмъ мальчикъ больше подрастаетъ, тѣмъ одежда его становится полнѣе и полнѣе; на немъ, кромѣ рубахи и шальваровъ, являются и сапоги, и бешметъ; но хошоутовской шапки онъ долго еще не увидитъ: на мальчиковъ, вмѣсто шапокъ, надѣваютъ маленькія круглыя шапочки, въ родѣ татарскихъ тюбетеекъ; онѣ дѣлаются изъ желтаго сукна съ красной суконной кисточкой и съ краснымъ околышемъ, обшитымъ по краямъ чорнымъ плисомъ.

Дѣвочки лѣтъ до шести ходятъ то же безъ церемоніи и безъ ничего; когда онѣ подростутъ, то щеголяютъ въ однихъ шальварахъ и рубашонкѣ, коротенькой до пояса и затыкаемой за учкуръ. Становясь еще старше, онѣ получаютъ право носить бешметъ, застегиваемый петельками на пуговки отъ шеи до тальи. Лѣтъ до четырнадцати дѣвочкѣ стригутъ волосы, для опрятности; съ четырнадцати лѣтъ, когда молоденькая Калмычка начинаетъ формироваться, ее облекаютъ въ полный, по-крайней-мѣрѣ по праздникамъ, дѣвичій костюмъ.

Дѣвицы въ это время, при распущенныхъ жесткихъ, но чорныхъ, какъ смоль, волосахъ носятъ одну косу, выпускаемую сзади поверхъ бешмета. Волосы напереди раздѣляются проборомъ и приглаживаются у висковъ. Въ ухо продѣвается сережка, украшенная, если можно, жемчужиной. Шапка такая же, какъ и у мальчиковъ.

съ тою розницей, что красный околышъ ея подъ чорной плисовой выпушкой обшивается еще узенькой полоской желтаго или синяго сукна.

Дѣвицѣ принадлежитъ еще особенная часть одежды — корсетъ, или холстинный жилетъ, иногда безъ рукавовъ, иногда съ коротенькими рукавами; онъ стягивается спереди на груди очень туго. Назначеніе его то, чтобы естественныя выпуклости, при постепенномъ формированіи молодой дѣвицы, не выказывались наружу и чтобы вся грудь была ровною и плоскою: Калмыки полагаютъ, что цѣломудріе ихъ дѣвицъ необходимо требуетъ этого условія.

Такъ какъ дѣвичья сорочка совершенно сходна съ мужскою и не плотно закрываетъ грудь у шеи и около нея, то чтобы скрыть корсетъ отъ постороннихъ взоровъ, если бешметъ случайно разстегнется, дѣвицы носятъ, сверхъ корсета, шелковую или китайчатую куртку, или какъ ее въ астраханскомъ краю называютъ — фуфайку.

Женская сорочка и исподнія шальвары у Калмычекъ всегда бѣлыя; обвертки на ногахъ холщевыя; сапоги такіе же, какъ и у мужчинъ, но изъ красной кожи; шальвары или запускаются въ сапоги, или выпускаются поверхъ нихъ, что̀ бываетъ рѣже.

Бешметъ, «лапшйкъ», у дѣвушки бываетъ шелковый, цвѣтной, съ обхватомъ у тальи и длинный до щиколотокъ; онъ застегивается отъ самой шеи до оконечности живота; нижнія пять пуговокъ подшиваются изнутри бешмета, а всѣ остальныя — снаружи.

Поверхъ бешмета надѣвается халатъ, изъ нанки или изъ ситца; онъ также, какъ и бешметъ, бываетъ съ тальей.

Праздничная дѣвичья шапка разнится отъ мужской тѣмъ, что шьется не изъ сукна, а изъ золотаго глазета, или изъ парчевой матеріи; кисть у нея густая шелковая, во всю верхушку шапки; околышъ дѣлается изъ позументовъ и разрѣзывается пополамъ; одна половина околыша подвертывается кверху и шапка надѣвается такимъ манеромъ, что самый разрѣзъ околыша приходится посреди лба; по этому прическа одной половины головы вся незакрыта, начиная отъ пробора и до косы. Простая будничная шапка шьется изъ желтаго же сукна, она ниже мужской и на тульѣ у ней не бываетъ простежекъ. Дѣвицы носятъ шапки всегда на бекрень. Въ другихъ улусахъ дѣвичьи

шапки такія же, но не высокія и прямыя, какъ у Хошоутовъ, а нѣсколько приплюснутыя.

Талья у бешмета охватывается шелковымъ кушакомъ, у котораго съ лѣваго бока заткнутъ носовой платокъ, а на правой сторонѣ кушака, спереди, виситъ кожаный наперстокъ и шелковый кисетикъ съ иголками и принадлежностями женскаго рукодѣлья. Трубку и табакъ дѣвицы держатъ въ карманѣ и тамъ ихъ наглухо запрятываютъ. Женскіе чубуки подлиннѣе мужскихъ, а трубки очень маленькія и тоже съ кожаной крышкой.

Дѣвицы носятъ кольцы, но не болѣе четырехъ, и только на мизинцахъ обѣихъ рукъ. Украшеніе косы составляетъ одна бѣлая раковинка, или, какъ ее у насъ простой народъ называетъ, змѣиная головка. Серьга только въ одномъ лѣвомъ ухѣ, рѣдко въ обоихъ.

Форма чисто-калмыцкихъ серегъ чрезвычайно близко подходитъ къ формѣ старинныхъ русскихъ серегъ: верхняя часть, или самая серьга, представляетъ колечко, котораго одинъ конецъ, пропускаемый сквозь мочку уха, не доходитъ до другаго на четверть дюйма; нижняя часть, или подвѣска—круглая сплошная пластинка металла, вычеканенная подъ узоръ и украшенная четырьмя цвѣтными камешками.

Нарядъ женщины отличается отъ наряда дѣвицы тѣмъ главнѣйше, что женщина не носитъ корсета, и груди даетъ полную свободу; женщина носитъ кольца только на безъимянныхъ пальцахъ; у нея двѣ косы, выпускаемыя изъ-за уха на халатъ, не сзади, а спереди, черезъ плечи; на косы надеваются длинные чорные плисовые чахлы, изъ нижняго конца которыхъ наружу выходятъ фальшивые волосяные узлы: это для того, чтобы коса казалась длиннѣе; если свои волосы коротки, то женщина подвязываетъ къ нимъ волосъ изъ конской гривы. Какъ калмыцкія волосы ни жестки, но между ими и конскою гривою все-таки разница огромная. Носовой платокъ у дѣвицы складывается, какъ у мужчинъ, вдоль, и одной только сторопой затыкается спереди за кушакъ, съ лѣваго бока; у женщины носовой платокъ просовывается однимъ уголкомъ въ петельку, пришитую къ самому платью, а остальными концами виситъ такъ, чтобъ всѣ три угла были видны.

Пока женщина еще только молодица, то шапку носитъ она такую же, какъ и взрослыя дѣвушки, то есть съ раздвоеннымъ околышемъ;

но послѣ перваго ребенка, когда домашнія хлопоты и разныя заботы не даютъ уже времени много думать о щегольствѣ, она надѣваетъ женскую шапку, которая отъ дѣвичьей отличается сплошнымъ широкимъ околышемъ изъ соболей, или изъ цѣльнаго бобра; у бѣдныхъ людей, идутъ въ дѣло овчинные выпоротки или другой мѣхъ. Иногда соболій околышъ оторачиваютъ еще бобровой полоской.

Женская сорочка имѣетъ то только отличіе отъ мужской и дѣвичьей, что къ ней пришиваются широкіе остроконечные воротнички, выпускаемые поверхъ высокаго стоячаго воротника «терлйка».

Терлйкъ есть женское калмыцкое платье, съ рукавами и съ стоячимъ воротникомъ, застегиваемымъ крючками, или пуговкой. Отъ воротника спускается прорѣха немного ниже пояса, и въ этомъ мѣстѣ дѣлается еще небольшой поперечный разрѣзъ, для того, чтобъ неслишкомъ поворотливая Калмычка удобнѣе могла на себя надѣвать эту довольно просторную одежду. Терлйкъ дѣлается изъ разныхъ матерій, смотря по достатку, начиная съ ситца до самой дорогой парчи и глазета; онъ у прорѣхи застегивается металлическими фигурными и блестящими пуговками, обыкновенно приготовляемыми улусными мастеровыми; бываютъ впрочемъ и покупныя металлическія бездѣлки. Но галуны, позументы и снурки, которыми терлйкъ обшивается по вороту и на груди, около разрѣза, никогда не покупаются, а непремѣнно приготовляются въ своей семьѣ, самою хозяйкой, дочерьми и снохами, или работницами-мастерицами.

Сверхъ терлйка надѣвается «цегдыкъ»; онъ предназначается исключительно для верховой ѣзды, и потому дѣлается безъ рукавовъ и съ полами, разрѣзными какъ спереди, такъ и сзади; цегдыкъ бываетъ нѣсколько короче терлика.

Женщины носятъ шубы и яргаки; шубы шьются по образцу терлйка, а яргаки — по образцу цегдыка. Шубы покрываются матеріями шелковыми или бумажными, что зависитъ отъ разныхъ условій.

Пожилыя женщины дома и во-время очень рѣдко случающагося пѣшеходства, сверхъ терлйка, носятъ «берзé»—халатъ изъ шолковой матеріи съ прямыми бортами.

Женскія сѣдла, на которыя Калмычки садятся такимъ же маneромъ

какъ и мужчины, отличаются отъ мужскихъ съделъ тѣмъ, что у мужчинъ все крѣпко, просто, прочно и дубовато; у женщинъ мягче, нѣжнѣе, щеголеватѣе; у нихъ и серебряный наборъ, и разныя погремушки, и плисовая вышитая подушка, и малиновыя бархатная попонка, чего мужчины никогда не употребляютъ [1].

═

[1] Ср. у Палласса Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. 1 Th. 108—111.

VIII.

Обычаи, соблюдаемые при сватовствѣ.

Когда калмыцкій мальчикъ подростетъ, выправится, начнетъ почище одѣваться, перестанетъ пасти барановъ и, сдѣлавшись молодцомъ, достигнетъ желаннаго званія табунщика, «адучи» — отецъ и мать начинаютъ задумывать о томъ, какъ бы сына женить.

Прежде всего, родители стараются разузнать въ окрестностяхъ, и болѣе всего въ своемъ родномъ улусѣ: у кого, гдѣ, и какія имѣются въ виду дочери на возрастѣ. Съ этими цѣлями, отецъ уѣзжаетъ изъ своего хотона въ чужой *, гдѣ есть на примѣтѣ дѣвушка, которая сынку будетъ подъ пару, и наводитъ тамъ о ней разныя справки.

Разъузнавши все, что касается до наружныхъ качествъ и внутреннихъ достоинствъ невѣсты и до домашняго благосостоянія ея семьи, отецъ отправляется въ ея хотонъ, самъ посмотрѣть на нее. Онъ ѣдетъ туда будто бы ненарочно, показывая видъ, что попалъ въ эту сторону отъискивая разбредшійся табунъ, или подъ какимъ-нибудь инымъ предлогомъ, и явившись поздно вечеромъ въ кибитку родителей невѣсты, испрашиваетъ ихъ гостепріимства. Путнику нельзя отказать: всякій понимаетъ, что онъ измерзъ и отощалъ, рыская цѣлый день по степи; не пустить же его ночью въ дальнюю дорогу?

Прогостивши слѣдующій денекъ, проведя его въ разныхъ постороннихъ разговорахъ и переночевавши еще ночь, гость прощается съ хозяевами и, съ запасомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, возвращается домой.

Въ свою очередь, жена его то же сбирается въ дорогу, навѣстить родню; на перепутьи она, подъ благовиднымъ предлогомъ, останавливается въ хотонѣ, гдѣ живетъ невѣста, знакомится съ ея родителями, гоститъ у нихъ, сколько позволяетъ приличіе и умѣренное пользованіе гостепріимствомъ, и, наконецъ, возвращается въ свой хотонъ, къ мужу.

Разъузнавъ, каждый съ своей стороны, строго ли невѣста содер-

* Изъ своего хотона, по близкому родству всѣхъ его членовъ, невѣстъ не берутъ.

жится отцомъ, матерью, хорошо ли невѣста владѣетъ иглой и распоряжается хозяйствомъ, и какого она нрава — родители жениха, переговоривши между собой, объявляютъ сыну, наединѣ, даже безъ родственниковъ, что ему пора бы быть ихъ подпорой и обзавестись хозяйкой.

Сыну отвѣчать на это нечего: не откладывая дѣла далеко, онъ скоро собирается въ указанную дорогу. Онъ одѣвается въ лучшее свое платье, за неимѣніемъ порядочной шапки или чего-нибудь другаго, по бѣдности, выпрашиваетъ нужные наряды у *товарищей* и у знакомыхъ, и перекинувъ черезъ плечо винтовку, съ укрюкомъ въ лѣвой рукѣ—ѣдетъ къ невѣстѣ, иногда уже знакомой ему и успѣвшей ему приглянуться, а иногда и вовсе незнакомой.

Чтобъ не повести дѣла слишкомъ съ-плеча, юноша направляетъ свой табунъ поближе къ тому хотону, который составляетъ цѣль его поѣздки. При приближеніи къ нему, молодой Калмыкъ потуже подтянется, поплотнѣе пригладится, вздернетъ отчаянно *на-бекрень* шапку, и затянувъ веселую пѣсню, начинаетъ гарцовать на бойкомъ конѣ, въ виду указанной кибитки чужаго хотона.

Дѣвушка сидитъ въ кибиткѣ прилежно за работой, ни о чемъ не думая, не гадая. Но или мать ей укажетъ, или и сама она, сквозь открытыя двери кибитки, подмѣтитъ молодцоватаго парня. Оставивъ работу, она подбѣжитъ къ порогу, выйдетъ на степь, поближе полюбоваться рѣзвымъ конемъ и красивымъ юношей; но зная *обычаи* своего племени и смекнувъ въ чемъ дѣло, дѣвушка бѣжитъ въ свой уголъ и спѣшитъ пріумыться, пріодѣться, замѣнить грязный отъ работъ бешметъ чистенькимъ платьемъ; она спѣшитъ пощеголеватѣе надѣть на себя шапку, и охорошившись и прикрасившись, можетъ-быть слегка и подрумянившись, садится на свое мѣсто и ждетъ гостя.

Но вотъ женихъ подъѣхалъ къ самой кибиткѣ; онъ стреножилъ коня, приставилъ къ кибиткѣ укрюкъ, вошелъ въ нее, отдалъ обычное привѣтствіе и сѣлъ у входа почтительно, то есть ставъ *на колѣни* и плотно усѣвшись на пятки ногъ *. Его хозяева разспраши-

* Не передъ старшими можно принять и другое положеніе: напримѣръ, ставъ на одно колѣно и присѣвъ на пятку, упереться на *приподнятое* колѣно другой ноги; сидѣть, поджавъ ноги подъ себя — поза самая фамильярная.

ваютъ: откуда онъ и какъ сюда попалъ? «Ловилъ табунъ — усталъ и зашелъ къ тебѣ утолить жажду: пить хочется!» отвѣтитъ гость непремѣнно. Хозяйская дочь подноситъ ему чашку арьяна, старики затѣваютъ съ нимъ разговоры, и нашъ Калмыкъ, перекинувши съ ними нѣсколько словъ, едва успѣвъ напиться и выкурить трубку, встаетъ, прощается и уѣзжаетъ, не покидая табуна.

Явившись домой, къ отцу, къ матери, сынъ объявляетъ имъ свое рѣшеніе. Если невѣста, по какимъ бы то ни было причинамъ, пришлась ему непонутру, онъ откровенно сознается родителямъ, что онъ видѣлъ дѣвку, но что она ему не пара; и тѣмъ дѣло съ избранной особой кончается. Въ противномъ случаѣ говоритъ отцу, что «воля отца, матери для него законъ и выходить изъ нея онъ не смѣетъ». Сказать просто родителямъ: «я готовъ жениться», почтительный Калмыкъ никогда не дерзнетъ.

Такимъ-образомъ, дѣло идетъ на ладъ и справки съ обѣихъ сторонъ продолжаютъ собираться.

Чрезъ нѣсколько времени отецъ жениха, подговоривъ съ собою двухъ-трехъ родственниковъ, нехолостыхъ людей, и подвязавъ къ торокамъ три-четыре, а иногда и полдюжинки, борьбё арзы, ѣдетъ въ хотòнъ невѣсты, входитъ въ ея кибитку, и не говоря ни слова, начинаетъ съ того, что подчуетъ хозяина и хозяйку привезеннымъ изъ дому виномъ. Тѣ не спрашиваютъ, что́ это за вино и уже по самому этому пріему понимаютъ цѣль пріѣзда стариковъ.

Хозяева, въ отвѣтъ на угощенье, рѣжутъ барана; усаживаютъ гостей на видныя мѣста, около изголовьевъ кровати и у большаго-барана; начинается бесѣда; разговоры о степныхъ происшествіяхъ перемѣшиваются съ попойкой и ужиномъ. Затѣмъ всѣ ложатся спать; на слѣдующее утро гости, не дѣлая никакихъ объявленій, уѣзжаютъ.

Точно такой же визитъ возобновляется по истеченіи нѣкотораго времени, напримѣръ недѣли черезъ три, черезъ четыре, или черезъ шесть недѣль, послѣ предъидущаго перваго оффиціальнаго визита. Тѣ же товарищи путешествія, тѣ же борьбё арзы, то же безмолвное подчиванье, тотъ же ужинъ съ махàномъ, тѣ же церемоніи, бражничанье и, наконецъ, успокоеніе.

Наутро, сбираясь въ дорогу, отецъ жениха проситъ своихъ товарищей припасти и осѣдлать лошадей; самъ же, воспользовавшись ихъ удаленіемъ и оставшись въ кибиткѣ одинъ съ хозяиномъ и съ

хозяйкой, говоритъ имъ: «у васъ есть невѣста; у меня сынъ молодецъ: желалъ бы я быть въ родствѣ съ вами». Если отецъ имѣетъ другіе виды на дочь, а на предлагаемую партію несогласенъ, то онъ даетъ знать объ этомъ обинякомъ и самыми деликатными фразами, которыя, въ простомъ переводѣ, означаютъ рѣшительное «нѣтъ». Для этого онъ говоритъ: «она ужь сговорена у меня»; или «я подумаю о вашемъ предложеніи», или «я посовѣтуюсь объ этомъ съ близкими родственниками». Этими словами дальнѣйшее искательство навсегда прекращается. Если же родители невѣсты не имѣютъ ни надобности, ни повода отказывать жениху, то на предложеніе его отца не отвѣчаютъ рѣшительно ни слова.

Если случится, что какому-нибудь молодцу приглянется чужая дѣвушка и онъ въ нее влюбится, то объявить отцу объ этомъ сынъ не рѣшится; онъ чаще всего признается во всемъ матери и проситъ повести дѣло такъ, чтобъ отецъ самъ сталъ сватать ему именно эту дѣвушку.

Дѣвушка, влюбившаяся въ мужчину, ни за что не рѣшится «принять на себя такой стыдъ», чтобъ объявить родителямъ о своей любви: она съ покорностію ожидаетъ судьбы, которая на ея долю выпадетъ.

По прошествіи извѣстнаго періода времени, отецъ жениха предпринимаетъ третій визитъ къ родителямъ невѣсты: эти три оффиціальныя посѣщенія носятъ у Калмыковъ названіе «ююленъ-доусхо».

На этотъ разъ, онъ сзываетъ съ собой, кромѣ близкихъ родственниковъ, еще нѣсколько человѣкъ молодыхъ людей, однакожь все женатыхъ; беретъ про запасъ съ десятокъ бурдючковъ вина, привязываетъ къ торокамъ зарѣзаннаго барана, цѣликомъ, вмѣстѣ съ овчиной, закладываетъ за пазуху цѣлую доску чая и прячетъ въ карманъ свертокъ бумаги, въ который положенъ сыромятный ремешокъ и лоскутокъ рыбьяго клея. Поѣздъ трогается съ мѣста и весело ѣдетъ къ невѣстѣ, выпивъ порядочно уже дома, на дорогу.

Совершивъ этотъ путь и войдя въ кибитку къ невѣстѣ, жениховъ отецъ прежде всего вноситъ вино и подчуетъ имъ присутствующихъ; потомъ тащитъ своего барана, съ котораго пріятели тотчасъ же сдираютъ овчину и тутъ же, въ общемъ присутствіи, кладутъ въ котелъ варить. Особый узелокъ, въ который пріѣзжій дорогой гость успѣлъ завязать чай, клей и ремень, онъ самъ собственноручно передаетъ въ руки невѣстина отца.

Доска чаю идетъ на угощеніе; остальные предметы составляютъ знакъ скрѣпленія союза, тоже, что у насъ обручальныя кольца. Клей крѣпко соединяетъ, ремень прочно скрѣпляетъ будущую участь молодыхъ людей; пріемомъ этого подарка означается окончательное и неотступное согласіе на бракъ; слово, еще несказанное, дано и нарушить его впослѣдствіи невозможно.

Съ этого времени, принятый клей и ремень сохраняются передъ бурханомъ до самой свадьбы. Когда молодая ѣдетъ въ домъ мужа, то получаетъ отъ нихъ эти знаки брачнаго союза и навсегда хранитъ ихъ у себя въ кибиткѣ.

Назавтра всѣ гости сбираются домой и хозяинъ, при дочери и при всѣхъ постороннихъ, тутъ только объявляетъ отцу жениха, что онъ радъ и готовъ быть съ нимъ въ родствѣ.

При этомъ объявленіи начинается новое подчиванье и гости, въ самимъ веселомъ расположеніи духа, разъѣзжаются по хотонамъ.

У нойоновъ этихъ церемоній нѣтъ: у нихъ всѣ дѣла по щекотливому предмету сватовства ведутся посредствомъ переписки.

—

IX.

Сговоръ.

Когда дѣло такимъ образомъ между родителями обѣихъ сторонъ совершенно покончится и молва о предстоящей свадьбѣ разнесется по степи, отецъ жениха сбираетъ къ себѣ всѣхъ однохотонниковъ и другихъ близкихъ пріятелей на пирушку. Калмыцкія блюда намъ извѣстны всѣ; угощеніе бываетъ соразмѣрно достатку хозяина, который не щадитъ ничего для того, чтобъ было какъ можно побольше арзы. Гости подпиваютъ и непремѣнно съ пѣснями расходятся по кибиткамъ. Сынъ—постоянно въ табунѣ и ничего еще не знаетъ формально.

Въ скоромъ времени, жениховъ отецъ ѣдетъ въ городъ, или на ближайшую ярмарку, и закупаетъ тамъ самые необходимые для свадьбы предметы: русскую водку, колечки, сережки, шелковый носовой платокъ, пряники, персидскіе сухіе фрукты и разныя сласти. Улучивъ вечерокъ, онъ снова собираетъ къ себѣ однохотонниковъ и начинаетъ съ ними веселиться. Все это пьетъ, шумитъ, поетъ и тѣмъ изъявляетъ свою радость.

Къ ночи сынъ возвращается изъ табуна; онъ слышитъ шумъ, далеко еще не доѣзжая до своей кибитки, видитъ стреноженныхъ коней, входитъ въ многочисленное сборище, и смекнувъ, что это празднуютъ его праздникъ, забываетъ свою усталость и изнеможеніе послѣ дневныхъ трудовъ и принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ. Къ утру гости расходятся, отецъ отходитъ ко сну, все еще ничего не объявляя сыну; но мать теперь уже утерпѣть не можетъ: она подзываетъ къ себѣ удалаго табунщика, прижимаетъ его къ себѣ и, крѣпко его цалуя *, объявляетъ, что скоро его свадьба совершится.

Спустя недѣлю-другую времени, а иногда и больше, женихъ на-

* Есть мнѣніе, что Калмыки не цалуются, а только обнюхиваются; мнѣніе это неосновательно, по-крайней-мѣрѣ въ отношеніи къ волжскимъ Калмыкамъ: они очень исправно чмокаются въ губы и хорошо знаютъ всѣ оттѣнки поцалуевъ.

чинаетъ собираться въ дорогу и подговариваетъ съ собой человѣкъ двадцать или тридцать лучшей молодежи. Условившись въ днѣ отправленія, молодцы «выдерживаютъ мериньёвъ» то есть приготовляютъ лошадей для скачки, подвѣшиваютъ къ недоуздкамъ разныя побрякушки, мѣдныя и стальныя колечки, выбираютъ изъ стада двухъ-трехъ самыхъ лучшихъ барановъ, и запасшись русской водкой и калмыцкой арзо́й вдоволь, навьючиваютъ своими запасами особаго верблюда. Прифранченные какъ слѣдуетъ, съ винтовками за плечами, съ укрюками у сѣделъ, они всѣ разомъ снимаются съ мѣста и на щегольскихъ коняхъ ѣдутъ въ невѣстинъ хото́нъ; женихъ везетъ ей подарки.

Женихъ съ пріятелями норовятъ всегда такъ, чтобъ пріѣхать къ невѣстѣ къ вечеру. Подъѣхавъ къ хото́ну, кавалькада, по обыкновенію, прежде всего треножитъ лошадей и потомъ уже входитъ въ кибитку. Завидѣвъ ихъ, отецъ невѣсты оповѣщаетъ ближніе хото́ны, и вся гурьба наѣзжаго люда располагается въ большой кибиткѣ, то есть въ главной кибиткѣ родителей. Но всѣмъ тутъ не помѣститься; для женскаго пола разставляется другая кибитка и въ нее входятъ хозяйка съ дочерью-невѣстой и гостьи, родственницы и другія дѣвушки и молодыя женщины. Кибитка эта потому называется «кююкю́тъ-береды́нъ-нѐръ» то есть сборище дѣвушекъ и моло́душекъ. Между-тѣмъ какъ мужчины, въ большой кибиткѣ, попиваютъ вино, да распѣваютъ пѣсни, дѣвушки здѣсь поютъ и пляшутъ и угощаются сластями.

Общее веселье сначала находится довольно въ шаткомъ положеніи: старикамъ молодежъ мѣшаетъ быть «душа на распашку», молодежи старики помѣха съ одной стороны и дѣвичьи голоса невдалекѣ отсюда; женщинамъ тоже безъ мужчинъ скучно. И вотъ, нѣсколько времени спустя, сама хозяйка входитъ въ мужское собранье, обращается къ молодежи и зоветъ ее къ дѣвушкамъ на веселье.

Женихъ и его пріятели недолго заставляютъ себя просить; они тотчасъ же отправляются въ отрадную для нихъ кибитку, и тамъ своимъ виномъ угощаютъ и себя и красавицъ. Вино, русское и арзу̀, пьютъ только замужнія женщины: дѣвушки потягиваютъ одинъ кумызъ, но изъ маленькихъ чашечекъ, и то изрѣдка, только «по принужденью».

Вкусивъ порядочный запасъ бодрости и отваги, одичалый въ степи

женихъ-табунщикъ задумываетъ, кáкъ бы ему поближе присусѣдиться къ невѣстѣ, для передачи ей подарковъ, по обычаю. Надобно сказать, что мýжчины, въ обыкновенномъ собраньи, сидятъ около стѣны кибитки налѣво отъ входа, женщины занимаютъ мѣста — отъ входа по правой сторонѣ, по направленію къ малому-барану. Самыя почетныя мѣста—въ сосѣдствѣ большаго-барапа: у изголовья постели мѣсто или владѣльца, или хозяина кибитки, почетнѣйшее мѣсто послѣ этого — подъ бурханами. Въ этомъ собраньи, первое мѣсто у большаго-барана занимаетъ старшій изъ родственниковъ жениха, другъ и ближній его пріятель; вторымъ послѣ него садится другой старшій родственникъ, помоложе перваго; третье мѣсто — жениховo. Всѣ гостьи и невѣста сидятъ по правой, отъ входа, сторонѣ кибитки.

Перейдти всю кибитку, начать рѣчь съ дѣвушкой, и еще съ невѣстой, при всей почтенной компаніи — это ужасный для степнаго Калмыка подвигъ; но ему, нечего дѣлать, нужно преодолѣть свою застѣнчивость. Онъ, заминаясь, встаетъ, неловко шагаетъ на другую сторону, подходитъ къ «милой» и садится передъ нею въ почтительное положеніе: только въ этомъ положеніи можетъ онъ передать дѣвушкѣ свои подарки, которые бываютъ различной цѣнности, глядя по достатку дарящаго. Женихъ, передавая невѣстѣ подарки, вынимаетъ ихъ, одинъ за другимъ, изъ-за пазухи; невѣста принимаетъ ихъ собственными руками, и сохраняя скромность, неподвижность, не мигнувъ даже глазомъ, говоритъ ему, едва слышно «благодарю».

Калмыцкое приличіе требуетъ непремѣнно, чтобы, передавая какую-нибудь вещь старшему, напримѣръ племянникъ дядѣ, дочь почетному гостю или гостьѣ, молодой человѣкъ дѣвицѣ, не говоря уже про отца и мать, передающій опустилъ бы нѣсколько голову, держалъ предметъ подарка въ правой рукѣ, а локоть ея поддерживалъ бы лѣвой рукой.

Затѣмъ начинается пляска и пѣніе и, разумѣется, женихъ поминутно танцуетъ съ невѣстой. Она, въ промежутокъ этихъ танцевъ, встаетъ сама съ своего мѣста, подходитъ къ жениху, садится противъ него и отдариваетъ его, за его подарки, кошелькомъ для денегъ, или кисетомъ для табаку; больше ничѣмъ. Этотъ обрядъ даренія называется Калмыками «кургучилкё».

По окончаніи этого обряда снова начинаются пѣсни, танцы и разныя игры. Между-тѣмъ дѣло идетъ къ разсвѣту; гостямъ скипятятъ чаю, и затѣмъ женихъ и всѣ мужчины отправляются домой, распѣвая пѣсни во всю степь.

Очень часто, тотчасъ по выѣздѣ, гости снова начинаютъ гулять и гуляютъ до того, что и на сѣдлѣ держаться не могутъ: это для Калмыка, который чѣмъ пьянѣе, тѣмъ крѣпче и развязнѣе гарцуетъ на конѣ, означаетъ уже высшую степень опьянѣнія, дальше которой оно не можетъ уже простираться.

Если молодой человѣкъ, что̀ называется, шибко подгуляетъ, то въ этомъ видѣ онъ ни за что́ не рѣшится явиться предъ отцомъ и матерью; не то, чтобъ подобная опьянѣлость ставилась подгулявшему табунщику въ порокъ неисправимый, который онъ старается скрывать; но сыновнее повиновеніе, покорность самая рабская запрещаетъ сыну забывать отношенія свои къ отцу. Подгулявшая молодежь ночуетъ на голой степи, и отрезвившись на ночной прохладѣ, наутро обращается къ привычнымъ своимъ занятіямъ около табуна.

Первые обряды сватовства и сговора называются у Калмыковъ «шага́та́».

—

X.

Свадебные обряды.

Женихъ, послѣ всѣхъ предшествовавшихъ обрядовъ, ждетъ свадьбы годъ, два и больше, однимъ-словомъ, до-тѣхъ-поръ, пока дѣвушкѣ не минетъ лѣтъ шестнадцать, по-крайней-мѣрѣ, и пока родители не исправятся всѣмъ, что для свадьбы нужно Невѣсту навѣщаютъ время отъ времени то женихъ, то отецъ съ матерью; такія свиданія случаются разъ пять-шесть въ году, и всегда сопровождаются какими-нибудь гостинцами, то пряниками, то виномъ, то привезутъ рѣзаннаго барана.

Когда, наконецъ, приступитъ время сыграть свадьбу, то отецъ и мать жениха отправляются вдвоемъ въ хурулъ, выбираютъ изъ гелюнговъ одного ученаго астролога, «зурхачй», объявляютъ ему о желаніи совершить бракъ своего сына, такъ какъ время уже приспѣло, и просятъ его назначить благопріятный день для объявленія родителямъ невѣсты о приближеніи срока совершенія брачныхъ обрядовъ.

Гелюнгъ открываетъ книгу, называемую «Зурханъ-Нонъ», и сообразясь съ ея сказаніями, объявляетъ просителямъ счастливый для предпріятія ихъ день. Получивъ такой отвѣтъ, Калмыкъ кладетъ передъ бурханами три земные поклона, даетъ гелюнгу нѣсколько денегъ, рубля два-три серебромъ, и отправляется съ женой домой.

Отецъ жениха готовится къ назначенному дню въ дорогу и заранѣе оповѣщаетъ невѣстину сторону объ этомъ срокѣ. Тѣмъ нечего болѣе дѣлать, какъ ждать; отъ нихъ никакихъ особенныхъ приготовленій не требуется. Но на обязанности жениха, или его отца, лежитъ припасти разные подарки. Для этого заготовляютъ арзу, покупаютъ водку, разныя сласти и рѣжутъ нѣсколько головъ скота: лошадь, корову и двухъ-трехъ барановъ. Навьючивъ запасы на верблюда, вся женихова семья—отецъ, мать, цѣлымъ домомъ и съ ближними родственниками — отправляется къ невѣстѣ. Тамъ ихъ всѣ ожидаютъ: невѣстина семья сама много про себя наварила и

наготовила. Съ первыхъ же минутъ свиданія начинается пирушка и многочисленные члены обѣихъ партій пьютъ и ѣдятъ безъ отдыха, веселясь по-своему впродолженіе цѣлыхъ сутокъ.

На слѣдующій день, родители жениха объявляютъ торжественно родителямъ невѣсты, что они хотятъ совершить брачные обряды, и заводя разговоръ издалека, стараются разъузнать, обиняkомъ отъ нихъ вывѣдать, какъ великъ долженъ быть расходъ съ ихъ жениховой стороны, и какіе именно предметы должны они принести въ даръ почетнымъ людямъ, напримѣръ владѣльцу и зайсангамъ, почетнымъ знакомымъ и ближайшимъ родственникамъ невѣсты? Отецъ невѣсты объявляетъ свой разсчетъ, что такому-то надо подарить лошадь, такому-то халатъ, такому-то довольно и барана, и подводитъ всему итогъ. Отецъ жениха возражаетъ противъ нѣсколько-крупноватой для него цифры; начинаются споры, упрашиванья, уговариванья, взаимныя уступки и, наконецъ, дѣло порѣшается какъ именно дѣлу быть и кого и чѣмъ именно дарить. Это условіе у Калмыковъ называется «унулга» и «юмсюлгё». Послѣ этого Калмыки опять кутятъ цѣлые сутки, и потомъ всѣ разъѣзжаются.

Послѣ этого, отецъ жениха опять ѣдетъ въ городъ, или на ближайшую ярмарку, закупить все, что для полнаго калмыцкаго дома нужно: самой дорогой матеріи на платье невѣстѣ, лучшей матеріи для пологовъ, ковровъ на постилку внутри кибитки, конскихъ шкуръ и ковриковъ для изголовьевъ постели, и разныхъ другихъ мелочей, для степнаго домообзаведенія необходимыхъ. Мать женихова сама везетъ, въ сопровожденіи работниковъ, всѣ эти закупки къ невѣстѣ и объявляетъ ея матери, что у жениха кибитка, для сожительства молодыхъ, уже готова. Надо, однакожь, замѣтить, что все касающееся до постели, до кухни и до нарядовъ женскихъ, кромѣ поименованныхъ выше подарковъ, обязана заготовить невѣстина сторона.

За симъ, отецъ жениховъ ѣдетъ въ хурулъ и приглашаетъ гелюнга-зурхачи пожаловать къ нему въ хотонъ. Въ-сопровожденіи гецюля и манжика гелюнгъ отправляется къ отцу жениха на его лошадяхъ, а не на хурульныхъ.

Гелюнга угощаютъ у жениха чаемъ и вареным бараномъ и, наконецъ, приглашаютъ въ особнякомъ-стоящую пустую кибитку, именно въ ту, которая приготовлена для сожительства будущихъ молодыхъ супруговъ. Гелюнгъ помѣщаетъ на разставленномъ въ кибиткѣ столѣ

одного бурхана, поетъ священныя пѣсни, и опрыскиваетъ кибитку масломъ, смѣшаннымъ съ молокомъ.

Отецъ, мать и женихъ кладутъ передъ бурханомъ три земные поклона, а гелюнга просятъ опять заглянуть въ «Зурханъ-Нонъ» и выбрать изъ него самый счастливый для свадьбы день. Жрецъ исполняетъ ихъ желаніе, назначаетъ ближайшій день, и опредѣляетъ даже часъ. Слѣдуя степнымъ обыкновеніямъ, опредѣленіе это дѣлается по солнышку, и говорится просто «около сумерекъ», или «съ восходомъ солнца», или «когда появится тамъ-то такая-то звѣзда», и тому подобное.

Все женихово семейство готовится въ дорогу такимъ образомъ, чтобъ пріѣхать къ невѣстѣ до опредѣленнаго срока, о которомъ ее предварительно оповѣщаютъ. Въ путь ѣдутъ всѣ: отецъ, мать, женихъ съ близкими родственниками и съ своимъ гелюнгомъ; ихъ сопровождаютъ тьма приглашенныхъ гостей, зайсанги, однородцы и всѣ знакомые, кому только представится возможность воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобъ весело погулять нѣсколько сутокъ. Весь этотъ народъ, всѣ мужчины и всѣ женщины, одѣваются въ лучшіе свои наряды; дома остаются только однѣ пустыя кибитки, работники, да ребятишки лѣтъ до четырнадцати возраста.

Поѣздъ этотъ бываетъ огроменъ: лошадямъ и счету нѣтъ; однихъ верблюдовъ навьючивается больше десятка. На трехъ верблюдовъ, приготовленныхъ въ дорогу безъ всякихъ прикрасъ, навьючиваютъ кибитку, назначенную для молодыхъ супруговъ; остальныхъ нагружаютъ разными тяжестями, которыя везутся на праздникъ, для угощенія собравшихся пріятелей. Жениховъ отецъ беретъ съ собой рѣзанный скотъ, даже свареное уже мясо, на которое потреблено дюжины полторы лучшихъ барановъ, двѣ-три коровы и двѣ-три кобылицы. Запасъ вина тоже бываетъ почтененъ: несмѣтное множество бортогò и борьбё арзы, боченка два-три, а иногда и пять и десять, простаго русскаго вина и нѣсколько боченковъ чихиря́, на который Калмыки, особенно въ старыя времена, жестоко тратились. Караванъ ежеминутно принимаетъ болѣе и болѣе обширные размѣры, увеличиваясь по дорогѣ постоянно примыкающими къ нему Калмыками.

Поѣздъ останавливается передъ большою-кибиткою, то-есть передъ кибиткою отца и матери невѣсты, вытягиваясь почти въ одну линію;

гости слѣзаютъ съ коней, треножатъ ихъ и разставляютъ молодую-кибитку, или кибитку, назначенную для будущаго сожительства молодыхъ; между обѣими этими кибитками они разставляютъ привезенные бурдюки и мѣшки съ мясомъ и виномъ, а сами садятся позади, длинными, растянутыми въ линію группами, старики особо, женщины особо, и молодежъ особо. Гелюнгъ съ прислугой сидитъ въ пустой кибиткѣ молодыхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, отъ невѣсты является къ гостямъ посланный и проситъ почетнѣйшихъ изъ нихъ пожаловать въ большую кибитку; туда отправляются всѣ пожилые люди, мужчины и женщины, но не молодежъ, которая остается пока здѣсь, на открытомъ воздухѣ, вмѣстѣ съ женихомъ. Когда старики начнутъ пировать у невѣсты, то посылаютъ звать къ себѣ и жениха. Оставшаяся одна молодежъ забирается въ два-три вновь раскинутые коша; начинается общій разгулъ, и продолжается до утра слѣдующаго дня: старики ѣдятъ, пьютъ, играютъ въ шахматы, ведутъ серьозныя бесѣды, а молодые люди затѣваютъ игры и танцы

Наутро, женщины, родственницы и гостьи невѣсты, убираютъ кибитку молодыхъ, ставятъ постель, приводятъ въ порядокъ баранъ и прочее; а жениховы старики просятъ гелюнга назначить самую благопріятную минуту для совершенія брачнаго обряда, и получивъ на это отвѣтъ, приготовляютъ мѣсто, на которомъ обрядъ будетъ совершаться, а объ отзывѣ зурхачи оповѣщаютъ невѣстиныхъ стариковъ.

Мѣсто для обряда прибирается такимъ образомъ. Передъ входомъ въ кибитку молодыхъ, по землѣ разстилается коверъ, болѣе или менѣе богатый, смотря по достатку; поверхъ него раскладываютъ «ширдыкъ», или, какъ уже сказано, бѣлый, чистый простеганный войлокъ, безъ украшеній; этотъ ширдыкъ составляетъ для Калмыка, какъ предметъ его родной старины, самую драгоцѣнную вещь. За ширдыкомъ и за ковромъ ставится столикъ съ бурханами. Подлѣ него садится гелюнгъ. На жертвенную чашечку, поставленную передъ бурханами полагается, по обыкновенію, лучшій кусокъ, именно «шага-чимгенъ», баранья лопатка.

Въ это самое время, мать, тетки и молоденькія женщины снимаютъ съ невѣсты дѣвичій нарядъ до послѣдней мелочи, и надѣваютъ новенькія, съ иголочки, принадлежности полной женской одежды. Не-

вѣста принимается плакать, и когда туалетъ ея будетъ готовъ, начинаетъ прощаться съ родительскимъ домомъ: долго молится передъ бурханами, полагая земные поклоны, горько плачетъ о дѣвичьемъ веселья и даетъ прощальные поцалуи отцу, матери, братьямъ и сестрамъ. Родная и женихова мать выводятъ ее отсюда подъ руки, въ сопровожденіи близкихъ родственницъ, вводятъ въ кибитку молодыхъ и сажаютъ у малаго-барана.

Послѣ того зовутъ жениха; онъ садится у изголовья постели. Нѣсколько минутъ спустя, являются въ эту кибитку оба отца, жениховъ и невѣстинъ, и приказываютъ дѣтямъ привстать. Въ это самое время сестра, а если ее нѣтъ, то ближайшая родственница, подаетъ жениху чистый бѣлый платокъ; тотъ накидываетъ его на лицо своей невѣсты, какъ объясняютъ Калмыки, для того, чтобы она не конфузилась, и взявъ лѣвой своей рукой ея правую руку, выходитъ съ ней изъ кибитки и становится на ширдыкѣ передъ бурханнымъ столикомъ: невѣстина сторона — лѣвая, а женихова — правая; отсюда нѣсколько вправо стоитъ гелюнгъ съ манжикомъ и гецюлемъ, а всюду кругомъ — народъ.

Всѣ снимаютъ шапки, и мужчины и женщины, начинается обрядъ.

Прочитавъ нѣсколько вступительныхъ молитвъ, гелюнгъ велитъ жениху съ невѣстой садиться, что тѣ и исполняютъ, все-еще держась за руки. Гелюнгъ снимаетъ съ невѣсты накинутый ей на лицо, въ видѣ покрывала, платокъ; беретъ съ жертвенника «шага-чимгенъ», обвертываетъ его этимъ покрываломъ и передаетъ брачущимся; они держатъ кость за оба конца, женихъ лѣвой рукой, а невѣста правой.

Прочитавъ новыя молитвы, гелюнгъ велитъ жениху и невѣстѣ встать и сдѣлать три земные поклона, не выпуская изъ рукъ «шага-чимгена». Калмыки молятся обыкновенно такимъ образомъ: снявъ шапку и положивъ ее наземь, они творятъ поклоны, сложивъ руки ладонь съ ладонью, и приподнявъ ихъ къ лицу; потомъ они наклоняются и обѣими руками касаются до земли; земные же поклоны совершаются на колѣняхъ. Жениху съ невѣстой, не выпуская шага-чимгена, нельзя такъ молиться: они дѣлаютъ земные поклоны, приподнявъ къ лицу одну только руку, женихъ правую, а невѣста лѣвую. При этомъ и женихъ и невѣста произносятъ оба вмѣстѣ, на

старинномъ богослужебномъ языкѣ, моленія и клятву, по переводу самихъ Калмыковъ, значащія по-русски слѣдующее:

1. «Покланяюсь я первымъ поклономъ Господу-Богу, отцу-матери моему!»

2. «Покланяюсь я вторымъ поклономъ свѣтилу моему дорогаго дня—солнцу моему, и свѣтилу моему дорогой ночи—лунѣ моей».

3. «Даемъ клятву любить другъ друга, почитать, уважать и вмѣстѣ дѣлить всѣ горести и радости жизни».

По произнесеніи этихъ словъ женихомъ и невѣстой, гелюнгъ берется за середину «шага-чимгена», все-еще молодыми изъ рукъ не выпускаемаго. Они низко преклоняютъ голову, опираясь въ колѣно, женихъ правой рукой, а невѣста лѣвой, и гелюнгъ, взявъ со стола изображеніе бурхана-бакшй, прикасается имъ сперва до головы жениха, а потомъ до головы невѣсты. Этимъ окончательно совершается обрядъ калмыцкой свадьбы.

Гелюнгъ, поставивъ бурхана-бакшй на мѣсто, вноситъ бурханный столикъ въ кибитку молодыхъ, убираетъ все какъ слѣдуетъ передъ большимъ-бараномъ, и возвратившись къ молодымъ, вводитъ ихъ въ ихъ кибитку, взявшись по-прежнему за середину шага-чимгена.

При входѣ въ кибитку, гелюнгъ беретъ у нихъ изъ рукъ шага-чимгенъ, возлагаетъ попрежнему на дееджинъ-цёкцó и велитъ сдѣлать передъ большимъ-бараномъ три земные поклона.

Затѣмъ всѣ молятся, надѣваютъ шапки и входятъ въ кибитку. Молодые занимаютъ принадлежащія имъ мѣста: у него — въ изголовьи постели, у нея — въ ногахъ. Если въ числѣ гостей самъ владѣлецъ, то его мѣсто, на этотъ разъ, вправо отъ изголовья, между женихомъ и гелюнгомъ, который садится подъ бурханами; по правой сторонѣ отъ входа садятся женщины, по лѣвой — мужчины. На постели, между женихомъ и невѣстой, мѣста нѣтъ ни для кого.

Когда всѣ разсядутся по мѣстамъ, гелюнгъ беретъ съ жертвенной чашечки шага-чимгенъ, срѣзываетъ съ него все мясо и раздаетъ его жениху, невѣстѣ и ихъ родителямъ. Женихъ дѣлаетъ передъ бурханами новые три поклона, съѣдаетъ мясо, дѣлаетъ подарокъ гелюнгу, обыкновенно даетъ деньгами, рублей пять серебромъ, принимаетъ отъ него поздравленіе и приличныя молитвы и отправляетъ его домой, къ хурулу, съ провожатыми Калмыками.

«Ширдыкъ», на которомъ совершался брачный обрядъ, вносится

въ кибитку и разстилается поверхъ постели, а «шага-чимгенъ» навсегда хоронится въ сундукѣ, поставляемомъ подъ большимъ-бараномъ.

За симъ начинается брачное пированье, но женихъ ничего не пьетъ. Онъ выбираетъ изъ всѣхъ сортовъ мяса лучшіе куски и, вмѣстѣ съ нѣсколькими «бортогò», бурдюками, арзы и кумыза, несетъ къ нойòну, если кибитка его близко; въ противномъ случаѣ, и какъ бы владѣлецъ далеко отъ жениха ни жилъ, всѣ эти подарки шлются къ нему немедленно, съ нарочными верховыми. Нойòнъ отдариваетъ молодыхъ и иногда самъ лично принимаетъ участіе въ томъ, чтобъ справить жениха разными надобностями.

Когда у молодыхъ кончится ужинъ, всѣ отъ нихъ расходятся въ другія кибитки, гдѣ общее веселье продолжается попрежнему.

При молодыхъ остаются только двѣ молодыя женщины изъ самыхъ близкихъ родственницъ, но не мать и не тётка, а замужнія сестры, или кто-нибудь другой.

Молодой выходитъ, на короткое время, вонъ изъ кибитки; въ его отсутствіе женщины расплетаютъ молодой ея дѣвичью косу, заплетаютъ двѣ косы и надѣваютъ на нихъ бархатные чахлы.

Возвратившись назадъ, молодой моетъ руки, полощетъ ротъ, и начинаетъ молиться. Молодая въ это время ставитъ на мѣсто семейный ночникъ и зажигаетъ его; а пріятельницы ея, покончивъ свои занятія, прощаются, уходятъ изъ кибитки, припираютъ дверцы на колышекъ, идутъ туда, гдѣ пирушка и оставляютъ юную чету наединѣ другъ съ другомъ.

Узнавъ объ этомъ, родители молодой рѣжутъ, при ближайшихъ родственникахъ, барана и совершаютъ «галтеахò» или жертвоприношеніе огню: объ этомъ жертвоприношеніи говорится въ своемъ мѣстѣ.

Утромъ, на зарѣ, молодой просыпается, одѣвается, самъ отворяетъ кибитку, сѣдлаетъ коня и ѣдетъ въ табунъ. Молодую навѣщаютъ двѣ ея родственницы, болѣе или менѣе усердно поздравляютъ ее и родителей молодыхъ съ законнымъ бракомъ. Ширдыкъ сохраняется вмѣстѣ съ шага-чимгеномъ.

Къ вечеру, молодой возвращается изъ табуна прямо въ кибитку къ женѣ и потомъ уходитъ на время пировать къ товарищамъ.

Пирушка, въ полномъ разгарѣ веселья, продолжается три дня сряду; молодой каждое утро на зарѣ уѣзжаетъ въ табунъ и возвра-

щается только къ ночи; но молодая во все это время никому, кромѣ своихъ и мужниныхъ родителей, не показывается; даже занавѣсы и пологъ брачной постели во все это время не раздвигаются и бываютъ спущены на́-глухо.

На слѣдующій день молодой остается дома; проснувшись послѣ вчерашняго празднованья, всѣ гости идутъ къ нему въ кибитку. Его отецъ и мать снимаютъ съ постели занавѣски, оставляютъ одинъ пологъ, подвязываютъ его фестонами и рекомендуютъ гостямъ мужа и жену. Начинается питье за здоровье — и новое веселье; наконецъ весь поѣздъ сбирается въ дорогу: везутъ молодую въ хото́нъ мужа.

Если у новобрачнаго нѣтъ роднаго отца, то его мѣсто занимаетъ молодой парень изъ женатыхъ Калмыковъ, и тогда онъ, съ матерью жениха, снимаетъ у постели занавѣски. Съ этого времени чужой Калмыкъ, заступившій мѣсто отца при свадьбѣ, состоитъ въ семьѣ на счету самыхъ близкихъ родственниковъ.

Въ этотъ день молодая въ первый разъ является настоящею хозяйкой своей кибитки: она укладываетъ въ сундуки все имущество, наблюдаетъ за навьючиваньемъ верблюдовъ и своими руками надѣваетъ на нихъ разноцвѣтные недоуздки, только при свадебныхъ церемоніяхъ употребляющіеся Верблюдовъ съ приданнымъ вьючится шесть: три жениховыхъ и три невѣстиныхъ.

Въ сундуки кладутъ деньги въ качествѣ приданнаго, или вѣрнѣе родительскаго благословенія, потому-что собственно о приданномъ условій никогда не бываетъ: этимъ и рознится калмыцкая свадьба, какъ отъ нашего приданнаго со стороны невѣсты, такъ и отъ татарскаго калыма, вносимаго женихомъ. Составныя части кибитки молодыхъ также вьючатся на верблюдовъ, которыхъ, поверхъ всѣхъ вьюковъ, покрываютъ разноцвѣтными коврами.

Новобрачной подводятъ осѣдланнаго коня; она садится на него, принимаетъ чумбуръ передняго верблюда, и предшествуемая мужемъ, окруженная родными и сопровождаемая многочисленною толпою всѣхъ гостей, громко распѣвающихъ пѣсни, ѣдетъ въ хото́нъ мужа.

Сзади поѣзда гонятъ барановъ, рогатый скотъ и лошадей, которыми родители молодой награждаютъ юную чету.

Но этимъ свадебные обряды еще не кончаются: есть много условій, которыя должны быть совершены молодыми при возвращеніи новобрачныхъ къ себѣ домой; именно обрядъ «ецыге-еке́нъ-гыртю-би-

рè-мюргюкю», по-русски слово-въ-слово «поклоны невѣстки въ дому отца и матери».

Въ то время, когда поѣздъ приблизится версты на двѣ къ мужнину хотòну, молодежь пускается впередъ, чтобъ повѣстить тамъ о приближеніи новобрачныхъ и помочь убрать отцовскую кибитку. Одинъ изъ молодыхъ людей отдѣляется отъ прочихъ и несется во весь опоръ, размахивая бѣлымъ платкомъ, полученнымъ отъ молодой: кто перегонитъ передоваго, тому этотъ платокъ дается въ награду.

Когда большая-кибитка приберется, то изъ нея выносятъ чистый ширдыкъ и разстилаютъ его саженяхъ въ пятнадцати или двадцати отъ кибитки, прямо противъ ея дверей.

Сопровождающая молодыхъ свита несется впередъ такимъ образомъ, чтобы и кибитку и разостланный ширдыкъ объѣхать непремѣнно съ лѣвой стороны и встать на назначенное мѣсто вправо отъ отцовской кибитки, или съ лѣвой ея стороны, если смотрѣть изъ кибитки.

Тутъ разставляютъ кибитку новобрачныхъ и прибираютъ въ ней все по обычнымъ мѣстамъ Въ ожиданіи этого, молодые садятся вдвоемъ на разостланный ширдыкъ. Когда нужныя приготовленія будутъ приведены къ концу, отецъ входитъ въ свою кибитку, а мать новобрачнаго подходитъ къ молодой, беретъ невѣсту за руку и ведетъ ее къ отцу; самъ новобрачный тоже слѣдуетъ за ними, но позади ихъ.

Молодая входитъ туда одна и въ первый разъ: поэтому, какъ бы испрашивая благословенія новыхъ родителей, она, еще въ дверяхъ, кладетъ три земные поклона.

Послѣ этого обряда, родные входятъ въ отцовскую кибитку обыкновеннымъ порядкомъ, впереди мать, за нею сынъ, сзади его молодая невѣстка, за ними остальные гости.

Новобрачной указываютъ ея мѣсто — между ногами кровати и малымъ-бараномъ; отецъ садится въ изголовье своей постели, мать въ ногахъ, молодой вправо отъ него, за большимъ-бараномъ, между гостями. Если всѣ родные и знакомые, мужчины и женщины, старые и молодые, тутъ не помѣстятся, то садятся снаружи кибитки и у дверей. Въ это время, среди кибитки, въ котлѣ, варится уже лучшій баранъ для совершенія, и со стороны новобрачнаго, жертвоприношенія огню, «галтеахò». Въ ожиданіи пока мясо сварится, начинаются иг-

ры, участвующіе въ которыхъ раздѣляются на двѣ партіи, на партію молодаго и на партію молодой.

По окончаніи жертвоприношенія гости ужинаютъ и расходятся на отдыхъ, а молодая, уложивъ спать мужниныхъ отца и мать, идетъ въ свою кибитку.

На слѣдующій день тѣ, которые, играя въ свадебныя игры, проиграли, угощаютъ выигравшихъ; день заключается общей попойкой и разъѣздомъ гостей по хотонамъ. Съ слѣдующаго затѣмъ утра, все принимаетъ будничній видъ [1].

—

[1] Ср. у Палласа: Ueber die mongolischen Völkerschaften. Th. II, pag. 235—241, о свадьбѣ, и тамъ же, стр. 228 и слѣд., объ астрологіи.

XI

Дополненіе къ свадебнымъ обычаямъ — и о разводѣ.

Съ соблюденіемъ всѣхъ разсказанныхъ обрядовъ совершаются браки чистыхъ степныхъ Калмыковъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ неизмѣнившихъ ни въ чемъ своей старинѣ, роднымъ обычаямъ и предписаніямъ своей религіи, повелѣвающей имъ только единоженство и запрещающей брачное сожительство гелюнгу, первою обязанностію котораго есть соблюденіе чистоты и цѣломудрія.

Но и здѣсь, какъ и во всемъ, есть исключенія. У Калмыковъ, живущихъ ближе къ Волгѣ и ближе къ проѣзжимъ дорогамъ, мы весьма часто можемъ найдти, кромѣ законной жены, еще и наложницу; иногда у нихъ вовсе нѣтъ жены, соединенной съ ними при посредствѣ религіозныхъ молитвословій, а есть однѣ наложницы, нѣсколько, или одна только; онѣ пользуются всѣми правами жены, вслѣдствіе вошедшаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ обычай обряда похищенія, что́ у Калмыковъ и называется «булахо̀».

Похищеніе это дѣлается съ согласія однакожъ невѣсты, а часто и ея родителей; причина допущенія похищеній — желаніе сократить расходы, поддерживаемое нетвердостью въ вѣрѣ. Если у Калмыка, который женится такимъ образомъ, есть уже законная жена, то вторая жена будетъ считаться, въ глазахъ Калмыковъ, наложницей, не больше. Какіе бы знаки уваженія мужъ этой наложницѣ ни оказывалъ, посторонній Калмыкъ, изъ числа людей порядочныхъ, въ кибитку такого мужа не взойдетъ; если же кто и будетъ навѣщать наложницу, то первые знаки обычнаго почтенія окажетъ женѣ, соединенной съ Калмыкомъ религіозными обрядами.

Этихъ обрядовъ не соблюдается только со вдовами; всѣ церемоніи ихъ брака съ холостыми Калмыками ограничиваются пиршествами и торжественнымъ препровожденіемъ невѣсты въ хотонъ мужа.

Увозъ невѣсты вообще дѣлается такимъ образомъ.

Въ назначенный для свадьбы день, женихъ, съ родственниками и знакомыми, является къ невѣстѣ, родители или родственники которой

навьючиваютъ на верблюда приданое и кибитку; когда все къ отъѣзду будетъ готово, женихъ идетъ за невѣстой. Подруги ея обступаютъ входъ кибитки, и вооружившись чѣмъ ни-попало, не пускаютъ жениха. Перенося толчки и удары, онъ откупаетъ право входа разными лакомствами, которыя кидаетъ защитницамъ. Онъ входитъ въ кибитку, схватываетъ невѣсту, выноситъ ее вонъ, садится съ нею на лошадь, и перекинувъ черезъ сѣдло, мчится изъ хотóна; въ томъ мѣстѣ, откуда кибитокъ уже невидно, невѣстѣ подаютъ другую лошадь, заранѣе приготовленную, и затѣмъ молодые слѣдуютъ до своего хотóна спокойно.

На томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть разбита кибитка новобрачныхъ, при приближеніи ихъ, раскладываютъ огонь и ставятъ таганъ, въ знаменіе домашняго довольства въ будущемъ. Когда новобрачные совсѣмъ сюда подъѣдутъ, тогда начинаютъ разставлять ихъ кибитку, вводятъ туда невѣсту, убираютъ постель, и въ то время, когда женихъ, къ вечеру, выйдетъ изъ своей кибитки къ отцу или къ родственникамъ, молодой заплетаютъ косы и укладываютъ въ постель.

Нойóны справляютъ свои свадьбы совершенно такъ, какъ описано въ предшествовавшей главѣ, и поддерживаютъ старинные обычаи во всемъ, касающемся собственно до свадебныхъ обрядовъ Но иногда они дѣлаютъ нѣкоторыя измѣненія, дополненія и лишнія украшенія.

Такъ одинъ изъ русскихъ очевидцевъ владѣльческой свадьбы разсказываетъ, что одинъ изъ нойóновъ, покончивъ письменные переговоры съ родственниками невѣсты, отправилъ за нею своего родственника; невѣста отправилась съ нимъ къ жениху изъ своего дома на богато убранной верховой лошади, нарочно для того присланной женихомъ. Впереди ея везли растянутую на двухъ шестахъ широкую шелковую матерію, въ видѣ запавѣса, мѣшавшаго невѣстѣ видѣть предлежащую ей дорогу: это изображало какъ-бы безвѣстность ея будущей участи.

Когда поѣздъ приблизился къ кочевью жениха, то онъ, будучи о томъ предварительно извѣщенъ, выѣхалъ къ ней навстрѣчу, къ мѣсту, у котораго уже былъ разложенъ огонь и разостланы два ковра; на одинъ сѣли женихъ съ невѣстою, на другой гелюнгъ. Гелюнгъ сталъ читать молитвы, а въ это время прислужники его возливали на огонь масло.

По окончаніи молитвословія, женихъ сѣлъ на лошадь и, въ сопровожденіи своей свиты, отправился впередъ; за нимъ слѣдовала невѣста съ своею свитою въ прежнемъ порядкѣ. Тамъ, гдѣ должна быть разставлена кибитка новобрачныхъ, сначала разложили новый огонь и поставили на него таганъ.

Не доѣзжая еще до этого мѣста, молодежъ изъ свиты жениха занялась скачками («уралдàнъ» — опереживаніе) отъ невѣсты до будущей ея кибитки и обратно; платокъ, или другаго рода подарокъ невѣсты служилъ наградою первому наѣзднику, совершившему опереживанье; затѣмъ слѣдовала вторичная скачка и новый призъ отъ невѣсты, и такъ продолжалось до тѣхъ-поръ, пока весь поѣздъ не подъѣхалъ къ жениховой ставкѣ.

Когда невѣста достигнетъ до костра и поставленнаго на него тагана, она до-тѣхъ-поръ не слѣзаетъ съ коня и остается за пологомъ, пока все приданное не развьючится и пока кибитка не будетъ разставлена и прибрана какъ слѣдуетъ. По окончаніи этого, завѣсу отнимаютъ, у невѣсты принимаютъ коня, и разсѣдлавъ его, пускаютъ въ степь, на полную свободу, невѣсту вводятъ въ кибитку, сѣдло и весь верховый приборъ ея несутъ туда же. Молодежъ пускается въ погоню за конемъ, который и достается тому, кто его поймаетъ. Лишеніе невѣсты коня служитъ выраженіемъ того, что со входомъ въ кибитку мужа, — ей нѣтъ уже оттуда возврата. — Затѣмъ начинаются обычные обряды и пированье.

У Калмыковъ существуетъ и расторженіе брака. Надо имѣть сильныя причины къ тому, чтобъ совершить разводъ мужа съ женой или жены съ мужемъ: оба они имѣютъ право этого требовать, съ тою разницею, что въ отношеніи къ мужчинѣ, разводъ есть дѣло совѣсти и собственнаго произвола; требованія же женщины о разводѣ передаются суду родныхъ, и могутъ, по особеннымъ причинамъ, быть уважены въ такомъ только случаѣ, когда у супруговъ нѣтъ дѣтей.

Если жена небездѣтна, но или совершила противъ мужа проступокъ, или оказывается неисправимою въ пренебреженіи обязанностей доброй хозяйки, когда мужъ, впродолженіе долгаго времени, убѣдится, наконецъ, что сожительство съ такою женою для него совершенно нестерпимо, то приглашаетъ гелюнговъ. Гелюнги своею властію не могутъ остановить развода, но они принимаютъ всѣ мѣры къ примиренію супруговъ; если же убѣжденія ихъ окажутся тщетными — присту-

пають къ исполненію обряда, для котораго призваны. Обряды эти сопровождаются жертвоприношеніемъ и небольшимъ угощеніемъ. Тѣмъ дѣло и кончается; дѣтей, смотря по уговору, или отдаютъ матери, или оставляютъ у отца.

Разведенную жену приличнымъ образомъ провожаютъ въ хотонъ ея родителей и возвращаютъ ей рѣшительно все, что принесла она съ собою въ качествѣ приданнаго.

Возвратившаяся отъ мужа къ родителямъ дочь принимаетъ названіе «хариджа-ирсынъ-кююкюнь» то-есть назадъ-пришедшая дѣвушка; ей предоставляется полное право вступить въ новый бракъ; но онъ совершается во второй разъ безъ соблюденія уже всѣхъ религіозныхъ обрядовъ.

Говорятъ, что въ стародавнія времена жену, проступившуюся передъ мужемъ въ нарушеніи брачныхъ своихъ обязанностей, везли въ хотонъ къ отцу-матери на паршивой кобылѣ съ обрѣзаннымъ хвостомъ. Нынче объ этомъ вовсе неслышно.

—

XII.

Родины.

Женщина, почувствовавшая, что она готовится сдѣлаться матерью, объявляетъ о своей радости мужу: съ этой минуты супруги не *раздѣляютъ* ложа вмѣстѣ

При исходѣ беременности супруги, на всякій случай, приглашаютъ къ себѣ бабку и медика-гелюнга: разумѣется, эти мѣры предосторожности доступны могутъ быть только зажиточной семьѣ.

Въ минуту, когда настаютъ первые потуги, мужъ уѣзжаетъ въ табунъ, въ гости, или куда случится: во-время родинъ онъ дома не бываетъ.

Если роды очень трудны, то бабка и гелюнгъ призываютъ постороннихъ мужчинъ, соглашающихся подать родильницѣ помощь. Помощь эта состоитъ въ томъ, что когда мучающаяся родами женщина сидитъ на коврѣ, то сострадательные къ ея мукамъ люди, сильно обхватываютъ ее сзади нѣсколько ниже пояса и стягиваютъ ее руками, сколько силъ хватитъ. У Калмыковъ, славящихся атлетическимъ сложеніемъ и тѣлесную силу считающихъ за особенный талантъ, ходитъ повѣрье, что помощь родильницѣ совершенно и навсегда истощаетъ силы мужчины и что Калмыкъ, какой бы онъ силачь ни былъ, теряетъ эту способность навсегда. Вслѣдствіе такого предразсудка, Калмыки съ чрезвычайнымъ уваженіемъ смотрятъ на людей, вызывающихся помочь женщинѣ при родахъ и почитаютъ ихъ, какъ истинныхъ спасителей человѣческой жизни.

Отнятіе пуповины у младенца совершается особо-приготовленнымъ для этого случая и весьма тщательно-наточеннымъ простымъ калмыцкимъ поясньмъ ножомъ; мать бережетъ послѣ этотъ ножъ въ завѣтномъ своемъ сундукѣ, какъ святыню. Для каждыхъ родовъ приготовляютъ особый ножикъ.

Ребенка сейчасъ же обмываютъ теплой водой и обертываютъ его, лѣтомъ—въ холстину, а зимой—въ саксакъ (слово, заимствованное съ тюркскаго), то-есть, въ молодую овчину съ нѣжною и длинною вол-

ной Ребенка, для того, чтобъ его можно было осторожно держать на рукахъ, кладутъ на лубокъ и, во ожиданіи появленія матерняго молока, даютъ ему полусваренный бараній курдюкъ, обточенный въ такомъ видѣ, чтобъ ребенку легко было его сосать.

Между-тѣмъ посылаютъ нарочнаго въ хурулъ и приглашаютъ гелюнга-зурхачи. По пріѣздѣ зурхачи, ему объявляютъ о времени появленія ребенка на свѣтъ. Зурхачи, получивъ такое свѣдѣніе, открываетъ книгу «Зурханъ-Нўмъ» или «Зурханъ-Нонъ» (это собственно астрологическая книга), и сообразивъ всѣ подробности, назначаетъ цвѣтъ матеріи изъ которой долженъ быть сшитъ, «бу», тѣльникъ, и объявляетъ какого именно «шутѐна» изображеніе должно быть въ тѣльникъ вложено. Изображеніе шутѐна зашиваютъ въ маленькій опредѣленнаго заранѣе цвѣта шелковый мѣшочекъ, испещренный избранными словами молитвы, и тѣльникъ этотъ, послѣ принесенія жертвы бурхану-бакши, надѣваютъ на ребенка на одинъ только день, предназначенный гелюнгомъ-зурхачи. Послѣ, тѣльникъ подвязывается къ зыбкѣ, въ которую современемъ переложатъ ребенка съ прежняго лубка; а когда ребенку минетъ года два-три, тѣльникъ этотъ надѣваютъ ему на снурочкѣ или на шею, или черезъ плечо, и уже навсегда; съ тѣльникомъ Калмыкъ не разстается во всю жизнь.

Когда пуповина отпадетъ, а у матери появится первое молоко, она является къ мужу и подноситъ ему, изъ своихъ рукъ, чашку арзы: обычай этотъ называется «юсўнъ-арзà»; первое молоко, «уурўкъ», сначала обыкновенно нѣсколько сгустившееся, мать тутъ же даетъ ребенку.

Ребенокъ, какъ замѣчаютъ Калмыки, съ жадностію принимаетъ эту питательную пищу, и эта примѣта послужила къ тому, что извѣстная брань, въ которой говорится объ материномъ молокѣ, считается у Калмыковъ самымъ обиднымъ ругательствомъ, въ сравненіи съ которымъ всѣ извѣстныя Калмыкамъ поносительныя брани считаются ни во что. Надо быть въ большихъ сердцахъ и видѣть въ непріятелѣ кровнаго врага, чтобъ рѣшиться сказать ему: «уурук-тáнъ-элѐ-цадыксынъ ельмыръ», то-есть «ты жаденъ: не насытился даже грудью матери».

Имена даются иногда двойныя: одно священное имя, бакшòй, другое, собственно прозвище—роднымъ отцомъ, особенно если онъ долгими опытами убѣдится, что дѣти его неживущи и что даже «мáни»

не помогаетъ. Вторыя имена даются вслѣдствіе предразсудка, или по первому встрѣчному, напримѣръ «Яшка», «Купцё», «Майоръ», «Приставъ», или по мѣстности, гдѣ послѣдовало разрѣшеніе отъ бремени, напримѣръ: «Ордликъ», «Ясынъ», «Затонъ» и тому подобныя. Русскіе зовутъ Калмыковъ и по отчеству, но и здѣсь они, какъ и въ чествованіи мухаммеданъ, руководствуются одною фантазіей. Такъ, напримѣръ, особу, которой имя Гайнйль-Джамáль, зовутъ — Марья Васильевна, Мухибъ-Зямаль звали Варварой Петровной, Бóкишь прозывали Катериной, въ Астраханскомъ краѣ моего знакомца именовали Затономъ-Антоновичемъ.

Когда изъ хурула получится письменное извѣстіе о нарѣченіи имени, то родильница несетъ своего ребенка въ большую кибитку, къ мужниннымъ отцу и матери. Это первый ея выходъ къ старшимъ роднымъ Она должна принести съ собою три домбó калмыцкаго чаю, три тавы́ка (блюда) боорцýкъ, то-есть хлѣбнаго-пряженаго, нѣсколько бортогó арзы́ и цѣлаго барана, свареннаго совсѣмъ, съ головой, съ ногами и съ внутренностями. Прежде чѣмъ она подойдетъ къ кибиткѣ, прислуга должна уже разставить въ рядъ эти приношенія передъ большимъ-бараномъ.

Родильница, держа ребенка въ зыбкѣ, «юлгè», въ которую ребенка положили теперь въ первый разъ, останавливается передъ раскрытыми дверьми большой-кибитки: до-тѣхъ-поръ, пока старшіе не разрѣшатъ ей войти, она не двигается съ мѣста и не смѣетъ переступить порога. Наконецъ она входитъ.

Передъ большимъ-бараномъ, между жертвенной чашечкой, «деджйнъ-цёкцò», и рядомъ принесенныхъ подарковъ, мать прислоняетъ зыбку къ шесту, на которомъ поставлена жертвенная чашечка и, установивъ зыбку въ отвѣсномъ положеніи, кладетъ передъ бурханами три земные поклона. Мать, или отецъ, родильницына мужа, тоже подходитъ къ этому мѣсту, и положивъ три земные поклона, наклоняется къ зыбкѣ и громко говоритъ ребенку: «по Божьей милости, съ этого дня ты именуешься такъ-то»; это воззваніе новторяется три раза сряду.

Потомъ старшій молящійся вынимаетъ изъ варенаго барана сердце, отрѣзываетъ отъ него первый кусокъ и возлагаетъ его не на жертвенникъ, а кладетъ прямо въ ротъ ребенку, какъ грустное привѣтствіе до сей минуты еще невинному младенцу. Остальная часть

бараньяго сердца ставится на жертвенникѣ. Религія запрещаетъ Калмыку убивать все живущее жизнью, запрещаетъ губить душу; но такъ-какъ баранъ зарѣзанъ исключительно для ребенка, то положеніемъ ему на уста перваго куска мяса для него убитаго животнаго и провозглашается первое невольное преступленіе младенца на землѣ: съ этой минуты новорожденный дѣлается грѣшнымъ человѣкомъ. Таково объясненіе самихъ Калмыковъ.

Послѣ этого обряда, родильница беретъ зыбку, переходитъ на женскую половину, къ малому-барану той же кибитки, и садится возлѣ матери. Родители ее поздравляютъ, даютъ деньги «на зубокъ» и дѣлаютъ различные подарки.

День, въ который ребенку даются имена, извѣстенъ родителямъ заранѣе; въ этотъ день торжествуютъ самый день рожденія, совершаютъ, въ присутствіи гелюнговъ, моленія, приносятъ жертвы, собираютъ къ себѣ родственниковъ и знакомыхъ, дѣлаютъ игрища и рѣжутъ, на угощеніе созванныхъ для пира гостей, обыкновенно трехъ барановъ и кобылицу. Все это варится въ большой кибиткѣ, то-есть у отца или у дяди молодыхъ родителей. Кромѣ арзы, покупаютъ еще ведра три русскаго вина. День этотъ называется «мелягудынъ-хюрюмъ». Если гости къ этому дню не съѣдутся, то пиръ откладывается, но всѣ кушанья и угощеніе приготовляются непремѣнно въ назначенный для нарѣченія имени день.

Пиршество бываетъ болѣе или менѣе великолѣпно: семья старается не щадить ничего для такого праздника. У богатыхъ людей дѣлается угощенье на весь міръ, учреждаются скачки, назначаются призы; всѣ веселятся и пьютъ, пока есть что пить.

Если родильница принесетъ двойни, то первый явившійся на свѣтъ ребенокъ считается младшимъ, старшимъ же почитается второй ребенокъ.

Это правило не можетъ служить доказательствомъ, что Калмыки сознательно понимаютъ физіологическіе законы. Они объясняютъ дѣло по-своему, такимъ образомъ:

Въ кибиткѣ сидятъ двое, два брата, отецъ съ сыномъ, дядя съ племянникомъ, или старикъ съ молодымъ—все равно, только одинъ старшій, другой младшій. Обоимъ имъ нужно выйдти изъ кибитки и ѣхать въ табунъ, заняться своимъ дѣломъ. Кто первый, по обычаю, выходитъ? Младшій: онъ долженъ раскрыть дверцы кибитки, перей-

ти черезъ порогъ, взять коня подъ устцы и подвести его къ кибиткѣ. Если коня ненужно, все-таки младшій долженъ прежде выйти вонъ и выждать у порога старшаго. Такъ точно и здѣсь, при двойняхъ: кто вышелъ на свѣтъ Божій первымъ — тотъ и младшій [1].

—

[1] Ср. у Палласа Ueber die mongolischen Völkerschaften, Th. I. S. 164 и Th. II. S. 242.

XIII.

Уходъ за дѣтьми и ихъ воспитаніе.

Въ тотъ самый день, когда ребенку даютъ въ первый разъ груди, и онъ перестаетъ сосать курдючное сало, его изъ лубка, въ которомъ его первое время няньчили, перелагаютъ въ зыбку, «юлгѐ».

Лубокъ лѣтомъ обвертывается сафьяномъ, или простой кожей, зимой — овчиной или кошмой. Кормилицы, по здоровому сложенію калмыцкихъ женщинъ, весьма рѣдко бываютъ; но если недостатокъ молока припудитъ мать прибѣгнуть къ посторонней помощи, то взятая ею кормилица считается уже родней.

Люльки у Калмыковъ не бываетъ, у нихъ только зыбка.

Зыбка калмыцкая весьма замѣчательна. Она невысока и неширока; дѣлается она изъ двухъ деревянныхъ рамокъ, скрѣпленныхъ между собою деревянными распорками, и съ выходящими концами въ нижнемъ основаніи, у ногъ: этими-то концами зыбка и упирается въ полъ, когда ее прислоняютъ къ стѣнкѣ. Рамки обтягиваются какой-нибудь матеріей, обыкновенно синей нанкой.

Въ дощечкѣ, вставленной въ ногахъ, дѣлаютъ круглое отверзтіе и въ него вставляютъ деревянный приборъ, по наружному виду имѣющій нѣкоторое сходство съ туфлей безъ задковъ. Снарядъ этотъ называется «цоргó».

«Цоргò» состоитъ изъ двухъ составныхъ частей: нижней дощечки, съ жолобками по краямъ, называемой «тавы́къ», и верхней, выпуклой, внутри пустой, деревянной коробки, съ одного конца раструбомъ, а съ другаго съуживающейся, и называющейся «цоргò», въ тѣсномъ смыслѣ. Это послѣднее цоргó вставляется въ тавы́къ и вмѣстѣ съ нижнею его половиною составляетъ неправильную трубку: родъ выдолбленнаго внутри, деревяннаго колодочнаго носка. Оставшаяся свободною верхняя часть тавы́ка представляетъ гладенькій четыре-угольникъ. Въ этомъ видѣ все цоргó и вставляется въ зыбку, поверхъ маленькаго тюфячка, такимъ-образомъ, что болѣе широкая часть остается внутри зыбки, а узкій конецъ коробки, черезъ отверзтіе въ ногахъ зыбки, выходитъ немного наружу.

На четыре-угольную дощечку тавы́ка накидываютъ конскихъ волосъ, изъ мягкихъ гривокъ молоденькихъ жеребятъ. Ребенка, безъ

всякой одежды, кладутъ въ зыбку такимъ-образомъ, чтобъ онъ, опираясь головкой въ миніатюрную подушку, лежалъ на тюфячкѣ только спинкой, и сейчасъ же подъ нимъ начинается дощечка съ конскими волосами, а затѣмъ и жолобъ коробки Такимъ-образомъ зыбка всегда чиста, гривки подкладываютъ новенькія и ребенка не безпокоитъ ничего, ни даже сырость, которая, сквозь трубу коробки, вся стекаетъ прочь.

Коробка эта приходится совершенно между ногъ ребенка: онѣ обнимаютъ цорго, почти скрещаются на немъ и, отъ неправильнаго положенія, постояннаго прижатія къ широкой сторонѣ дерева и крѣпкаго пеленанія, постоянно все болѣе и болѣе выгибаются. Вотъ причина, почему Калмыки всегда кривоноги и почему они такъ крѣпко сидятъ въ сѣдлѣ, совершенно безсознательно держась въ немъ голенями. Когда Калмыкъ пьянъ, такъ-что ничего не помнитъ, ноги его, по естественному побужденію, вслѣдствіе привычки, укорененной съ первыхъ минутъ жизни, сами невольно стискиваютъ бедра лошади; всадникъ нисколько не тратитъ на это силъ, не напрягаетъ мускуловъ.

Въ головахъ зыбки придѣлывается небольшой зонтикъ; ободъ его, то есть полуобручъ, приходится прямо надъ лицомъ ребенка. Съ внутренней стороны къ обручу привѣшены: тѣльнйкъ, который на младенца только однажды надѣвали и, въ видѣ игрушекъ, раковинки, тоненькія бараньи косточки и лоскутокъ мѣху. Цѣль этихъ привѣсокъ та, чтобъ забавлять ребенка и изощрять его зрѣніе.

Зыбка виситъ обыкновенно на уннахъ, въ изголовьи супружескаго ложа, близъ большаго-барана, и, на привѣскѣ, качается изъ стороны въ сторону. Мать беретъ зыбку на колѣни и укачиваетъ въ ней ребенка, на рукахъ. Во-время перекочевки, зыбку, въ корзинѣ, вьючатъ на верблюда, отличающагося неравномѣрностью движеній; отъ этихъ движеній дѣтскія игрушки болтаются во всѣ стороны; ребенокъ слѣдитъ за ними, зорко на нихъ смотритъ и, дѣйствительно, изощряетъ зрѣніе, но вмѣстѣ съ мѣткостію взора, онъ пріобрѣтаетъ и косоватость и узковатость глазъ. Само-собой разумѣется, что сильная, неиспорченная натура степнаго Калмыка, въ самомъ зародышѣ ребенка наложитъ уже на него печать своей собственной личности, во всѣхъ оттѣнкахъ чисто-калмыцкаго типа, но, кажется,

не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что косоватость глазъ и кривизна ногъ у Калмыка находятся въ зависимости и отъ тѣхъ причинъ, на которыя здѣсь указано.

Съ праваго боку зыбки придѣлываются холстинныя петли, а съ лѣваго — холстинныя тесьмы; ихъ бываетъ по три со стороны: этими тесьмами и пеленаютъ ребенка, или вѣрнѣе сказать, укрѣпляютъ его положеніе, завязываютъ его въ зыбкѣ, у груди, у живота и у ногъ.

Кромѣ одѣяльца, которымъ укрываютъ ребенка въ зыбкѣ, къ зонтику ея пришивается, у обруча, кусокъ бумажной матеріи: онъ служитъ занавѣской, когда дитя спитъ.

Возлѣ этой занавѣски пришивается длинный ремешокъ, снурокъ, или шелковая лента; на нихъ отмѣчаются, посредствомъ узелковъ, недѣли, прожитыя ребенкомъ въ зыбкѣ.

Ребенка отнимаютъ отъ груди когда ему минетъ годъ; тогда же снимаютъ и зыбку и берегутъ ее для другаго ребенка, но не порожнею, а непремѣнно или съ простымъ калмыцкимъ ножомъ, или съ кинжаломъ, будетъ ли дитя мальчикъ или дѣвочка — все-равно.

Ребенокъ растетъ, питается грубой отцовской пищей, дышетъ постоянно чистымъ воздухомъ, по-временамъ знакомится съ непогодой и съ холодомъ, въ-тепло бѣгаетъ нагишомъ, въ стужу забивается въ овчины и войлоки, пріучается помаленьку къ лишеніямъ, усвоиваетъ себѣ по-немногу обычаи и всѣ элементы калмыцкой жизни, и лѣтъ до восьми съ нимъ ничего не случается такого, что́ бы нужно намъ было отмѣтить, какъ особенность.

Когда ребенку, мальчику или дѣвочкѣ, минетъ лѣтъ пять, ему начинаютъ подстригать волосы, не трогая однакожь вовсе висковъ: здѣсь они не обрѣзываются до юношескаго возраста, и называются у Калмыковъ «первородными.»

Лѣтъ восьми ребенка отдаютъ знакомому гелюнгу на-выучку, преимущественно калмыцкой грамотѣ, читать и писать. Прежде грамотѣ учились только тѣ дѣти, которыхъ съ юныхъ лѣтъ предназначали въ гелюнги; но нынче отцы, желающіе сдѣлать дѣтей мірянами, тоже признаютъ грамотность необходимою. Это нововведеніе у нашихъ степняковъ представляетъ явленіе тѣмъ болѣе отрадное, что у нихъ изстари ведется поговорка, показывающая калмыцкую точку зрѣнія на этотъ предметъ. Поговорка эта гласитъ, что «какъ-только

появился на свѣтѣ чорный чертежъ, то у всѣхъ людей души почернѣли».

Простой Калмыкъ ведетъ сына къ гелюнгу и несетъ вмѣстѣ съ тѣмъ домбо чаю, куртъ, масло, чигенъ (кумызъ), арьянъ, боорцукъ и рубля три серебромъ денегъ, если въ-силахъ. Гелюнгъ держитъ мальчика года два-три, ходитъ за нимъ, поитъ его и кормитъ, учитъ грамотѣ и оспопрививанію, которымъ всѣ гелюнги занимаются съ рѣдкимъ усердіемъ. По-временамъ онъ заставляетъ ребенка прислужить въ кибиткѣ, упасти барановъ, изловить коня, объѣздить нёука, то есть небывалую подъ сѣдломъ лошадь, и такимъ-образомъ готовитъ семьѣ грамотнаго и смышленаго работника. Отецъ, только одинъ разъ сдѣлавъ гелюнгу приношеніе, заботится остальное время о томъ, чтобъ ребенокъ былъ одѣтъ какъ слѣдуетъ; вносить денежную плату онъ ужь необязанъ и только по возвращеніи сына въ хотонъ, снова благодаритъ учителя, сколько позволяетъ достатокъ.

У простыхъ Калмыковъ дѣвочки грамотѣ не учатся: это и у богачей лишняя роскошь. Только у нойоновъ можно встрѣтить барышень, прекрасно знающихъ калмыцкую и русскую грамоту, понимающихъ музыку, то есть бренчащихъ на гитарѣ, но вовсе непріученныхъ къ красотамъ и очарованію французскихъ романовъ. Въ этомъ послѣднемъ надо отдать преимущество только нашимъ соотечественницамъ: онѣ далеко опередили Калмычекъ. Въ то время, когда калмыцкая дѣвица бьется только изъ того, чтобъ быть хорошею хозяйкой, богомольною женщиной и мастерской рукодѣльницей — европейская барышня откидываетъ прочь эти ничтожныя заботы и ищетъ отрады въ особенныхъ утѣхахъ, существующихъ въ цивилизованныхъ обществахъ. Отъ такого различія, дочь калмыцкаго нойона совершенная дикарка въ сравненіи съ столичною мѣщанкой, она ни стать, ни сѣсть, ни привѣтливо пококетничать съ мужчинами не съумѣетъ. Но это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ Калмычки вовсе не знали кокетства: женщина вездѣ женщина, только манера нравиться, прельщать и любить у нихъ своя собственная, калмыцкая.

Сыновья богатыхъ людей у Калмыковъ получаютъ образованіе, сообразное состоянію и обтертости отцовъ между оевропеившимися Русскими. Для одного класса Калмыковъ есть «калмыцкое училище» въ Астрахани, для другихъ — гимназіи; есть Калмыки, бывавшіе даже въ университетѣ. А что монгольскій черепъ недурно устроенъ для

воспринятія таинствъ европейской науки — этому блестящимъ примѣромъ и живымъ доказательствомъ служитъ извѣстный своею обширною ученостью Бурятъ, Дорджи Банзаровъ.

Мы здѣсь говоримъ только про европейскую науку: у Калмыковъ есть своя наука, хотя и устарѣлая и остановившаяся въ дальнѣйшемъ развитіи, но все же наука, какъ напримѣръ медицина, астрономія, перемѣшанная съ астрологіей, и богословіе. Представителей, тружениковъ этихъ отраслей знанія можно насчитать довольно, между достопочтенными калмыцкими гелюнгами.

Простой калмыченокъ, учась грамотѣ, знаетъ только калмыцкую книжку и калмыцкую чернильницу: и то и другое устроено совершенно не по нашему.

Калмыцкая чернильница, «бирь», есть продолговатый ящикъ, имѣющій форму усѣченнаго равнобедреннаго треугольника, со всѣхъ сторонъ закругленнаго. Крышка его накладывается отдѣльно и укрѣпляется на ящикѣ мѣднымъ кольцомъ. Внутри ящика выдалбливаются съ верхняго конца двѣ ямки для неразведенной туши, служащей вмѣсто чернилъ; въ серединѣ ящика дѣлаютъ четыре-угольное помѣщеніе для кости, на которой растираютъ тушь, и для храненія кисти, а съ боковъ выдалбливаютъ два или больше продольные жолобка для камышевыхъ перьевъ. Пишутъ и лебедиными перьями, но рѣдко. Кисть бываетъ толстая; она вбираетъ въ себя большое количество разведенной туши; ее держатъ въ лѣвой рукѣ; она собственно служитъ для Калмыка чернильницей, а камышевое перо держатъ двумя пальцами правой руки. Калмыки пишутъ держа бумагу на колѣняхъ.

Старинный форматъ бумаги, на которой писались прежде книги, есть четыре-угольникъ, котораго высота разъ въ пять меньше длины. Манера калмыцкаго писанья отличается отъ китайской манеры тѣмъ, что Китайцы пишутъ сверху внизъ, начиная съ правой стороны листа, а Калмыки пишутъ тоже сверху внизъ, но начинаютъ отъ лѣвой стороны къ правой. У Китайцевъ нѣтъ буквъ, а есть знаки, изображенія понятій; у Калмыковъ существуетъ азбука; калмыцкое письмо имѣетъ большое сходство съ письмомъ стенографическимъ.

Старинная калмыцкая книга сбирается такимъ-образомъ, что листы не складываются на части и не сшиваются вмѣстѣ, а налагаются

одинъ на другой просто, по цифрамъ страницъ. Переплетомъ служатъ двѣ тоненькія дощечки, обрѣзанныя по формѣ листа; онѣ налагаются на собраніе листовъ съ двухъ ихъ сторонъ, именно съ тѣхъ же, съ которыхъ и у насъ налагается на книгу переплетъ. Въ такомъ видѣ калмыцкая книга обвязывается вдоль и поперекъ тесьмами и, въ-заключеніе, для сбереженія отъ пыли, покрывается шелковою матеріей.

Когда мальчику минетъ лѣтъ десять, ему начинаютъ подбривать волосы кругомъ головы и выбриваютъ часть лба. Съ этого времени ребенокъ начиваетъ уже грезить о табунѣ и употребляетъ всѣ хитрости, чтобъ кстати или некстати залѣзть верхомъ на лошадь. Бараны начинаютъ ему наскучать и все самолюбіе его вертится около одного предмета — подрости скорѣй и сдѣлаться табунщикомъ, «адучѝ». Онъ начинаетъ помогать отцу въ его занятіяхъ, подчищаетъ съ нимъ колодцы, поитъ скотъ, сгребаетъ сѣно лѣтомъ и синѣетъ отъ холода, пересчитывая зимой барановъ. Но всѣ его огорченія, ограничиваемыя одними физическими страданіями, забываются быстро, лишь бы позволили ему надѣть шапку-хошоутку, схватить винтовку и выстрѣлить въ цѣль, да велѣли бы, безъ сѣдла, безъ узды, укротить буйнаго нéука. Послѣ этихъ заманчивыхъ плановъ, у мальчишки одно на умѣ — съѣсть лишній кусокъ «махàна», выпить лишнюю чашку арьяна, поиграть въ áльчики съ товарищами, да запрятать пальцы подальше въ коротенькіе рукава овчиннаго тулупа. Но грудь у него, и на морозѣ и на вѣтру, постоянно остается открытою.

Участь дѣвочки безотраднѣе. Едва прикрытая овчинами зимой и лишенная всякаго рубища лѣтомъ, она, то подъ порывистыми буранами, то подъ жгучими лучами лѣтняго степнаго солнышка, сначала рѣзвится и бѣгаетъ, загоняя въ хотòнъ барановъ; но послѣ, подростая, все по-маленьку начинаетъ пріучаться къ трудамъ домашняго хозяйства Она помогаетъ матери доить овецъ и кобылъ, нося взадъ и впередъ кожанныя кринки съ молокомъ, подбираетъ вѐшнюю шерсть съ барановъ, надъ стрижкою которыхъ трудятся родители, вмѣстѣ съ матерью приготовляетъ ковриги кизякá, разводитъ ими огонь, моетъ котлы, ухаживаетъ за братьями и за сестрами, которые еще меньше ея, носитъ за матерью повергаемые въ жертву хуруламъ припасы, убираетъ въ кибиткѣ соръ, сбираетъ по степи коренья, коситъ сѣно, участвуетъ въ стряпнѣ и, въ свободные промежутки времени, зани-

мается нитьемъ, плетеніемъ тесемокъ и позументовъ и учится вышиванью шолкомъ или золотомъ.

Когда дѣвочкѣ исполнится лѣтъ тринадцать или четырнадцать, а мальчику лѣтъ пятнадцать, родители шлютъ гонцовъ за ближайшими родственниками и приглашаютъ къ себѣ гелюнговъ. Совершивъ краткое молитвословіе передъ бурханами, вводятъ сына или дочь въ кибитку старшихъ родственниковъ съ матерней стороны и подвергаютъ тамъ обряду отсѣченія висковъ: такъ называемые первородные волосы, которыхъ никогда еще не касались ножницы, обрѣзываются и, вслѣдствіе этого, дѣвочка становится дѣвицей, мальчикъ юношей.

Она туже и туже стягиваетъ свой корсетикъ, рядится въ бешметъ, по временамъ кокетничаетъ въ хошоуткѣ, разставляетъ свой орундукъ между большимъ-бараномъ и отцовскимъ ложемъ и заманиваетъ въ свои сѣти молодежь На нее теперь обращено всеобщее вниманіе: она теперь невѣста.

Мальчикъ, такъ быстро ставшій въ ряды молодежи, бросаетъ хворостину, съ которою онъ воевалъ противъ барановъ. Онъ съ гордостью хватаетъ въ руку ногайку, закидываетъ за плечи винтовку, заламываетъ шапку набекрень, садится на коня и съ визгомъ кружитъ по степи, или загоняя табунъ, или накидывая арканъ на нѣука, брыкливо ускользающаго отъ накидываемой на него петли. Винтовка и укрюкъ, храбрость и ловкость — вотъ девизы лихаго наѣздника; онъ бросается всюду, гдѣ нужна отвага, сила и проворство; онъ составляетъ себѣ имя и старается доказать, что не даромъ носитъ почетное титло табунщика.

Пристроить дочь и женить сына — большая забота для родителей. Но проходятъ годы — и дочь и сынъ сами уже дѣтей имѣютъ.

—

XIV.

Похороны.

Калмыкъ, чувствующій приближеніе смерти, посылаетъ за гелюнгомъ и созываетъ всю семью. Онъ молится бурханамъ, приноситъ имъ жертвы, припоминаетъ всѣ свои дурные поступки, даетъ наставленія женѣ и дѣтямъ; чувствуя, что наступаютъ послѣднія минуты жизни, отецъ семейства благословляетъ дѣтей тѣльниками съ изображеніями шутёновъ [1] и передаетъ имъ послѣдніе свои поцалуи.

Лишь-только старикъ испуститъ послѣднее дыханіе, всѣ его родные оставляютъ его кибитку и переходятъ въ другую.

При трупѣ остаются одни гелюнги; они обмываютъ его водой, тотчасъ послѣ того обвертываютъ полотномъ и кладутъ или на коверъ у постели, или прямо на постель и покрываютъ бѣлымъ покрываломъ.

Въ такомъ положеніи тѣло лежитъ двое сутокъ. На третій день въ кибитку входятъ, въ первый разъ, всѣ родственники. Они кладутъ передъ покойникомъ по три земные поклона; затѣмъ родные дѣти и внуки по прямой линіи подходятъ къ трупу и касаются лбомъ до ногъ тѣла.

Если покойникъ былъ младшій родственникъ, жена, сестра или не родная мать, тогда этой торжественности при прощаньи не наблюдается.

Похороны бываютъ не для всѣхъ однѣ и тѣ же, и земныя стихіи не всякое тѣло поглощаютъ одинаково.

Нойоновъ мужескаго пола, старшихъ гелюнговъ и простыхъ Калмыковъ, чествуемыхъ въ народѣ прозваніемъ «задычи», то-есть признаваемыхъ за людей, обладающихъ непостижимой силой возрождать или уничтожать дождь, громъ и молнію — у Калмыковъ сожигаютъ.

Сожиганіе происходитъ на четвертый день послѣ смерти; но время

[1] Готовясь къ смерти, а также и въ цвѣтѣ жизни разставаясь иногда съ дѣтьми, отецъ благословляетъ ихъ иногда маленькими литыми бурханами, которые носятся тоже на груди, кромѣ немногихъ исключеній.

или пору дня, въ которую обрядъ долженъ быть совершенъ, предварительно назначаетъ зурхачй.

Покойника одѣваютъ въ полную его одежду, но безъ оружія, даютъ ему положеніе человѣка, сидящаго съ поджатыми подъ себя ногами и въ этомъ видѣ ставятъ его на широкій холстъ, или на коверъ.

Передъ тѣмъ какъ тѣло нужно будетъ выносить, къ кибиткѣ подводятъ любимаго покойникова коня, осѣдланнаго почти совсѣмъ, но безъ подушки и безъ чапрака. Конюхъ покойнаго держитъ лѣвой рукой коня подъ устцы, а правой — завѣтную ногайку умершаго.

Покойника выносятъ четыре человѣка на рукахъ, на холстѣ, или на коврѣ; потомъ ногайку вносятъ въ кибитку, а коня ведутъ за трупомъ; отцовская ногайка достается всегда старшему сыну.

Тѣло сопровождаютъ всѣ родственники и близкіе люди; молодыхъ духовныхъ на похороны не приглашаютъ; тутъ бываютъ только пожилые гелюнги, а у богатыхъ людей и самъ бакшй.

Не доходя до мѣста, гдѣ должно совершиться сожженіе, конюхъ останавливается, и выждавъ окончаніе церемоніи, ведетъ коня въ хурулъ, какъ жертву бурхану. У Калмыковъ есть повѣрье, что на этомъ конѣ покойникъ будетъ ѣздить на томъ свѣтѣ.

На опредѣленномъ мѣстѣ выкапываютъ пять ямъ, одну посерединѣ, а четыре около нея, и во всѣ накладываютъ дровъ, въ середнюю поменьше, а въ остальныя большіе костры. Въ середнюю яму ставятъ, на дрова, большой котелъ: въ этомъ-то котелъ и сажаютъ покойника.

Гелюнги начинаютъ погребальное пѣніе, безъ всякихъ инструментовъ; костры зажигаютъ; котелъ раскаляется до-красна; кожа на трупѣ трескается и онъ весь расплывается; постороннія частицы испаряются и улетучиваются, и въ то время, когда чорный дымъ перестанетъ клубиться, когда погаснутъ и истлѣютъ послѣднія головни, когда котелъ охладится — въ немъ не останется уже ничего, кромѣ горсти пепла.

Пепелъ такъ въ котлѣ и остается; надъ нимъ воздвигается памятникъ, называемый «цацá» или «бумбó». — Случается, что покойниковъ сожигаютъ безъ котла, прямо на дровахъ; въ такомъ случаѣ пепелъ сметается въ одну кучку, не въ сосудъ, а просто на песокъ, на землю, на которой поставятъ цацу.

Калмыцкіе памятники строятся такимъ-образомъ:

Къ востоку отъ котла съ пепломъ ставятъ столикъ съ бурханами и съ жертвенными куреніями и все это обводятъ круглой кирпичной стѣной. Потолокъ дѣлается внутри сводомъ, а снаружи — разными выступами, съ украшеніями въ китайскомъ родѣ. Вершина цацы вѣнчается очиромъ. Съ восточной стороны зданія дѣлается проходъ и на него навѣшиваютъ двери, запираемыя замкомъ.

Религіозные обряды плача продолжаются трои сутки. Когда цаца выстроится, то въ ней совершаются молитвословія и принесеніе жертвъ. Поминки по умершемъ дѣлаются разъ въ недѣлю, во все время траура, продолжающагося семь недѣль.

Близкіе къ покойнику родные, втеченіе этихъ сорока-девяти дней, должны отказывать себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, безпрестанно молиться Богу, никому изъ постороннихъ не показываться, не принимать къ себѣ гостей, все это время не ѣсть мяса, а питаться одними молочными блюдами и беречься, чтобъ какъ-нибудь не убить даже мухи или комара: этотъ грѣхъ можетъ лечь на душу покойника. Въ пятидесятый день совершается седьмое и послѣднее моленіе по усопшемъ, и дни плача прекращаются.

Одинъ разъ въ году, въ день памяти покойнику, всѣ родственники собираются въ цацу; хурулъ со всѣми гелюнгами располагается подъ большой палаткой; передъ бурханами зажигаются куренія, внутренность цацы украшается шолковыми «лаври», пологами.

Послѣ моленій, одаренные разными подарками гелюнги уѣзжаютъ; всѣ прочіе остаются; совершается тризна, состоящая изъ пиршества и скачки.

Женщинъ, родственницъ нойона, зайсанговъ, простыхъ Калмыковъ и младшихъ гелюнговъ, гецюлей, манжиковъ хоронятъ гораздо проще. Для нихъ выкапываютъ яму, и тѣло покойника, обвернутое полотномъ, зарываютъ въ ней. Но и здѣсь дѣло безъ зурхачи обойдтись не можетъ: онъ, смотря въ книгу, опредѣляетъ: гдѣ быть головамъ? на востокъ, на западъ, на сѣверъ, или на югъ?

Все что касается до чествованія праха покойнаго—все это совершается и у простыхъ степняковъ, у бѣдныхъ людей точно также, какъ и у богатыхъ: не бываетъ только сожженія и построенія цацы

Что касается до Калмыковъ отставшихъ, въ патріархальности и въ строгости соблюденія обычаевъ старины отъ степняковъ, но несо-

всѣмъ еще отрѣшившихся отъ всего, съ чѣмъ сроднилась калмыцкая душа, то у нихъ мы встрѣчаемъ смѣсь вѣры съ безвѣріемъ, смѣсь привязанности съ отвращеніемъ, смѣсь любви къ старинѣ съ ненавистью къ ней. У людей этого разряда трудно подмѣтить что-нибудь общее, какую-нибудь рѣзкую черту, придающую цѣлому характеръ особенности. У нихъ покойниковъ хоронятъ и по старинѣ, а случается, что и просто кидаютъ по степи, безъ молитвы: и гелюнга звать дорого стóитъ, и могилу копать времени нѣтъ [2]!

—

[2] Палласъ, «Ueber die mongolischen Völkerschaften» Th. II, pag. 249 и 210.

XV.

Калмыцкое житье-бытье.

Общее мнѣніе о Калмыкахъ, равно какъ и о всѣхъ кочевыхъ народахъ, то, что Калмыкъ лѣнивъ, недѣятеленъ и время проводитъ въ постоянной праздности и что вся его забота состоитъ въ томъ, чтобъ порыскать по степи, попасти свой скотъ и воротиться домой на все готовое, попить, поѣсть и поспать.

Все это дѣйствительно такъ бываетъ; но несмотря на то, что здѣсь много въ словахъ правды условной, общая идея ложна, потому-что она не даетъ вѣрнаго понятія о сущности дѣла; въ основаніи ея лежитъ мысль, или недосказанная по незнанію, или скрытая преднамѣренно.

Все зависитъ отъ того, ка́къ мы согласимся понимать слово трудъ и въ чемъ мы должны находить лѣнь и беззаботность. При тѣхъ понятіяхъ, которыя намъ присущи, вслѣдствіе нами принятыхъ обычаевъ, уходъ за табуномъ и рысканіе по степи, естественно, должны казаться самымъ ничтожнымъ, самымъ пустымъ, даже низкимъ занятіемъ, нетребующимъ особенныхъ усилій умственной дѣятельности и незаслуживающимъ названія труда, какъ и всякій трудъ, почтеннаго.

Точно такъ же и для Калмыка, при его точкѣ воззрѣнія на предметы, объусловливающіе его образъ жизни, нашъ образъ жизни кажется болѣе чѣмъ страннымъ.

Самое тяжелое для Калмыковъ время, по огромности заботъ, лишеній и трудовъ — зима и лѣто для мужчины и круглый годъ для женщины.

При наступленіи весны, какъ-только появится первая травка на степи, Калмыки, отпраздновавъ торжество цага́нъ-сара́, «бѣлаго», перваго мѣсяца года, начинаютъ сбираться на лѣтнюю перекочевку,

которая у Хошоутовъ находится, какъ намъ уже извѣстно, на луговой, заволжской степи.

Въ это время, каждый женатый Калмыкъ, гдѣ бы онъ ни находился, хотя бы на самыхъ дальнихъ урочищахъ зимняго кочевья, является въ главную ставку своего владѣльца и дѣлаетъ ему первый привѣтъ, «деeджи», первое весеннее приношеніе. Калмыкъ объявляетъ нойону, что зиму окончилъ онъ благополучно и, въ ознаменованіе радости наступленія весны, повергаетъ передъ нимъ первыя весеннія произведенія, полученныя отъ скотоводства, первое молоко, перегнанное въ арзу, и цѣликомъ-свареннаго барана; вино приноситъ онъ въ борбё, а барана въ особомъ корытѣ, «тепшè». Владѣлецъ тутъ же вынимаетъ кость «шага-чимгенъ» и возлагаетъ ее передъ бурханами, а всю грудину отъ барана, «епцюнь», непремѣнно отдаетъ своему «мёрчé», первому, главному конюху.

Перекочевка съ зимней улусной земли на лѣтнюю, то есть съ нагорной стороны Волги на луговую, представляетъ чрезвычайно любопытное зрѣлище. Она начинается въ то время, когда вода въ Волгѣ пойдетъ на прибыль. Иные Калмыки приготовляютъ для этого собственные дощаники, а у кого ихъ нѣтъ, тѣ нанимаютъ ихъ у казаковъ и у крестьянъ береговыхъ селеній. На дощаники вводятъ верблюдовъ, коровъ, овецъ и маленькихъ жеребятъ и переправляютъ на противоположный берегъ; что же касается до конныхъ табуновъ, то ихъ косяки, вмѣстѣ съ подросшими уже жеребятами, двухгодовалыми и третьяками, пускаютъ черезъ рѣку вплавь. Способа рѣчной переправы на плотахъ, сдѣланныхъ изъ связокъ камыша и прикрѣпленныхъ къ надутымъ воздухомъ цѣльнымъ шкурамъ овечьимъ или коровьимъ, у Хошоутовъ не бываетъ. Дѣти и жены перебираются по рѣкѣ на дощаникахъ или на лодкахъ, которыя перетаскиваютъ послѣ изъ одной рѣки въ другую — волокомъ, по «гривкамъ», незалитымъ водополью.

Во-время передвиженія съ одного берега на другой по рѣкамъ Волгѣ, обѣимъ Ахтубамъ и по Ашулуку, воды и сочныхъ травъ вездѣ достаточно; погода обыкновенно стоитъ тихая, незнойная; бурановъ не случается: и тутъ труды Калмыка бываютъ очень необременительны. Это время для кочеваго народа — время отдыха, и тутъ Калмыки, дѣйствительно, празднуя радостную для нихъ перекочевку, буквально бо́льшую часть сутокъ проводятъ въ праздности.

Совершенно иное бываетъ, когда калмыцкій хотонъ углубится въ степь за Ордлигнъ-цеке и придвинется къ колодцамъ, снабжающимъ его невкусной водой, вдали отъ проточной рѣки.

Скотоводы встаютъ до восхожденія солнца. Не успѣетъ Калмыкъ протерѣть глаза, какъ уже торопится бѣжать къ худуку; тутъ онъ долженъ отлить старую, застоявшуюся и, слѣдовательно, испортившуюся воду, поправить колодезь и укрѣпить его стѣнки, чтобъ бока не обвалились. Колодецъ не одинъ—одного недостаточно для всего скота, пасомаго въ окрестности—ихъ много и очищеніе ихъ занимаетъ у хозяина два-три часа времени. Возобновлять воду, то-есть очищать колодцы и отливать изъ нихъ старую воду нужно непремѣнно чрезъ двое сутокъ въ третьи

Потомъ онъ отправляется домой, въ кибитку и тутъ только умывается, молится бурханамъ, пьетъ чай, который долженъ быть уже готовъ къ его приходу, а при бѣдности довольствуется и однимъ арьяномъ. Затѣмъ Калмыкъ сѣдлаетъ коня и, въ сопровожденіи сына или брата, ѣдетъ въ табунъ, запасшись арканомъ и «урго», то есть укрюкомъ, жердью, которою онъ закидываетъ арканъ. Табунъ, во-время ночи разбредшійся врознь, онъ собираетъ въ одну кучку, разсматриваетъ, озираетъ его наружный видъ, повѣряетъ счетъ головъ въ косякъ, и замѣтивъ, что одного коня нѣтъ, что онъ не можетъ его досчитаться, кидается въ степь отъискиватъ пропажу по слѣдамъ. При неблагополучіи, онъ посылаетъ товарища изловить забѣжавшаго въ даль коня и во всякомъ случаѣ самъ гонитъ свой табунъ на водопой. Онъ не полагается на работниковъ и за табуномъ своимъ зорко присматриваетъ собственными глазами.

Лошадь не можетъ сама достать воды изъ колодца; пойло для нея должно быть налито въ особое длинное и глубокое корыто, колоду; скота много и чтобъ всѣмъ воды достало, такихъ корытъ бываетъ много: у десяти смежныхъ колодцевъ непремѣнно до полусотни колодъ для водопоя.

Вода добывается изъ глубины колодца посредствомъ длиннаго шеста, къ концу котораго привѣшивается «утхуцá», мѣшокъ изъ кобыльей кожи, каждый мѣрой около полуведра; обыкновенно въ водопойную колоду вливается до-сорока утхуцà и чѣмъ болѣе у хозяина скота, тѣмъ болѣе онъ долженъ заготовить для него колодъ съ припасенной уже въ нихъ для стадъ и для табуновъ водой. Уже изъ

одного этого можно видѣть, какихъ утомительныхъ заботъ стоитъ Калмыку его скотоводство. Одному человѣку невозможно справиться съ такой работой, и потому надъ колодцами трудятся всѣ мужчины, необязанные какимъ-либо другимъ занятіемъ. Надобно прибавить еще и то, что колодцы бываютъ аршина четыре или и пять глубиною: доставать воду тяжело, а выливать ее въ колоду безъ помощи товарища трудно — того и гляди прольешь мимо. На водопой, при невыносимой степной жарѣ, особенно при тощихъ колодцахъ, надо употребить хозяину отъ шести до восьми часовъ времени, подливая безпрестанно воду въ колоды, слѣдя за всѣми движеніями табуна и внимательно наблюдая за каждою лошадью.

Вслѣдъ за лошадьми, приходятъ съ пастбищъ сперва бараны, потомъ рогатая скотина, и послѣ уже всѣхъ верблюды. Ихъ тоже надо напоить, за ними тоже нужно присмотрѣть. Кто отопьетъ свою порцію, тотъ идетъ въ сторону, травку щипать, между-тѣмъ другіе ждутъ своей очереди.

Нажарившись, почти совершенно испекшись на солнцѣ, мужчины распускаютъ и направляютъ скотъ на старыя мѣста, а сами возвращаются домой обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, и отдохнуть послѣ трудовъ. Предоставивъ всѣ хозяйственныя заботы о мелочахъ женщинѣ, хозяинъ вѣритъ, что ему, послѣ исполненія важнѣйшихъ своихъ обязанностей, можно теперь спать беззаботно, чтобъ собраться съ новыми силами.

Къ вечеру онъ снова ѣдетъ въ табунъ и опять пригоняетъ его къ худуку; но на этотъ разъ ему ненужно уже расчищать колодца и снова наполнять всѣ колоды. Утромъ ихъ безпрестанно доливали свѣжею водой и отъ утренняго водопоя они остались еще неосушенными. Вечеромъ скотъ пьетъ немного, и Калмыкъ, пересмотрѣвъ свое хозяйство, направляетъ табунъ на ночь въ степь, на подножный кормъ, а барановъ и рогатый скотъ загоняетъ въ хотонъ.

Затѣмъ хозяинъ садится ужинать, выпиваетъ чашку арзы, плотно закусываетъ чѣмъ случится, и тотчасъ же ложится спать, вплоть до утра—и завтра идетъ у него опять такъ же, какъ сегодня.

Каждый членъ семьи, какъ бы онъ прилежно, впродолженіе цѣлаго дня, ни трудился, непремѣнно долженъ, въ свою очередь, одну ночь прободрствовать въ хотонѣ, карауля мелкій скотъ, а другую ночь провести въ степи, вдали отъ хотона, и ни на шагъ не

удаляться отъ табуна: ни дождь, ни гроза, ни бураны, ничто не избавляетъ Калмыка отъ этой обязанности.

Но въ буранѣ зги Божьей невидно; мятелица крутитъ; вихремъ разбиваетъ косяки матокъ и гонитъ испуганныхъ животныхъ по вѣтру дотолѣ, пока или погода стихнетъ, или табунъ припретъ къ мѣсту, съ котораго ему дальше некуда уже сдвинуться. Калмыкъ-караульщикъ здѣсь лицо безполезное: ему не удержать быстро мчащихся и оробѣвшихъ коней. Они несутся вихремъ, кидаются въ стороны, опять сворачиваютъ на прежній путь, и съ каждымъ новымъ порывомъ урагана, съ каждымъ новымъ измѣненіемъ его направленія, снова уклоняются въ тотъ или другой край необозримой степи.

Калмыкъ не успѣетъ еще кинуться за ними въ погоню, какъ отецъ или старшій братъ, при первой вѣсти о шурганѣ, является къ нему на помощь изъ хотона. Иногда брата нѣтъ, или отецъ боленъ и за «исканіемъ шляховъ» является дѣвушка-Калмычка. Она подберетъ косы подъ тулупъ, и надвинувши на брови малахай, летитъ стрѣлой на подмогу караульщику.

Табуна нѣтъ тамъ, гдѣ его оставили къ вечеру; онъ убѣжалъ; его шляхи, слѣды, заметены снѣгомъ. Надо однакожь узнать, въ какую сторону табунъ бросился: и богатырь-табунщикъ кидается на-земь, разгребаетъ рукавами тулупа снѣгъ, ощупываетъ голыми руками въ разныхъ мѣстахъ слѣды отъ конскихъ копытъ, иногда бьется за этимъ по нѣскольку часовъ, нападаетъ на слѣдъ, пускается впередъ по этому направленію дальше, снова его теряетъ, снова разъискиваетъ шляхи и часто безъ отдыху, безъ хлѣба, почти безъ сна, скитается долго, иногда нѣсколько сутокъ, отыскивая свое единственное достояніе. Во-время булановъ, нерѣдко вихрь угоняетъ табуны на огромныя пространства, напримѣръ изъ Енотаевскаго Уѣзда въ мочаги [1].

[1] Уходъ за скотомъ доведенъ до совершенства въ Англіи; знакомые съ заграничнымъ скотоводствомъ путешественники предлагаютъ завести въ нашихъ степяхъ хорошія конюшни и удобные хлѣвы на англійскій манеръ. Люди съ умѣренными требованіями хлопочутъ только о томъ, чтобъ у нашихъ кочевниковъ зимовки были порядочныя и скотъ хотя бы на зиму не подвергался бѣдствіямъ. Третьи, наконецъ успѣвшіе приглядѣться къ скотоводству и въ Малороссіи, и въ Новороссійскомъ-краѣ, и въ закавказскихъ губерніяхъ, и въ заволжскихъ, и въ зауральскихъ степяхъ, и на равнинахъ дальней Сибири, убѣждаются въ необходимости statu quo:

Если попадется на дорогѣ чужой хото́нъ, Калмыкъ зайдетъ въ кибитку, и воспользовавшись гостепріимствомъ, поѣстъ чужаго хлѣба. А иногда нужда доводитъ до того, что хозяинъ, отыскавъ табунъ, рѣжетъ, съ-голоду, перваго попавшагося подъ руку жеребенка, или жирную кобылицу, отрѣзываетъ ей голову, и срубивъ часть шеи толщиною пальца въ три, сосетъ жиръ съ этого куска; онъ этимъ только и питается, а все прочее кидаетъ — везти некуда: съ отъисканнымъ табуномъ нужно скорѣе возвратиться домой, да и съ собой нѣтъ ничего, на чемъ можно бы часть убитаго животнаго сварить или испечь.

Калмыку уходъ за его табуномъ тягостенъ. Лѣтомъ его безпрестанно мучитъ жажда, мучатъ жары и зной, мучитъ тяжелый трудъ очищенія колодцевъ и водопой скота; мучатъ его и комары, изобиліе которыхъ сдѣлало нѣкоторыя мѣстности, какъ напримѣръ устья рѣки Кумы, вовсе необитаемыми; въ мочага̀хъ лѣтомъ тоже отъ комара почти житья нѣтъ. Зимой его ожидаютъ новыя лишенія: стужа, морозъ, безкормица, гололедица, или совершенное отсутствіе снѣгу, при которомъ онъ снова долженъ очищать колодцы. Всѣ свои работы онъ производитъ голыми, ничѣмъ несогрѣваемыми, руками: хорошій табунщикъ, гордящійся своимъ званіемъ, до страсти любящій свое занятіе, не допуститъ себѣ мысли, чтобъ можно было рѣшиться надѣть рукавицы и при посредствѣ ихъ закинуть арканъ на нѐука. Въ кибиткѣ у Калмыка тоже нѣтъ тепла; двойные кошомные пологи спасаютъ его только отъ порывистыхъ вѣтровъ, но обогрѣться степняку нечѣмъ. Огонь горитъ подъ котломъ только два раза въ сутки, когда готовятъ кушанье; потомъ его тушатъ; дровъ нѣтъ, кизяку жаль: надо сберечь его на всю зиму; морозъ знобитъ чле́ны; и старые и малые кутаются въ овчины, прячутся подъ ко́шмы и мѣха̀.

Женщинѣ въ калмыцкой семьѣ тоже хлопотъ много. Она встаетъ въ одно время съ мужемъ. Пока мужъ справляется съ колодцемъ, жена варитъ для него чай, доитъ коровъ, овецъ и готовитъ арь-

при огромности нашего степнаго скотоводства, при безлѣсіи страны, при дешевизнѣ цѣнъ на скотъ, при дороговизнѣ, существующей на многіе необходимые предметы потребленія, и при моральномъ и матеріальномъ состояніи нашихъ скотоводовъ, ничего дѣльнаго нельзя придумать безъ строгаго, безупречнаго и практическаго изученія дѣла на самыхъ пастбищахъ.

янъ. Когда мужъ отправится въ табунъ, чтобы погнать его на водопой, она выпускаетъ изъ хотона, тоже на водопой, телятъ и дойныхъ коровъ, за которыми сама надсматриваетъ, не довѣряясь меньшому сыну или дочери. Потомъ принимается она за домашнія работы, прядетъ шерсть, свиваетъ арканы, валяетъ кошмы, чинитъ кибитку, готовитъ кизякъ для топлива. Если есть въ домѣ обиліе и можно мужу изготовить вареннаго мяса, она хлопочетъ припасти для него сытный обѣдъ; а если достатки не позволяютъ такого роскошества, то обѣдъ семьи ограничивается немногимъ, шюйрмыкомъ, масломъ и арьяномъ.

Главную заботу хозяйки, впродолженіе лѣта, составляетъ доеніе овецъ и коровъ по два раза въ сутки, а кобылицъ и еще чаще, разъ восемь въ сутки и больше: не пройдетъ часу, чтобъ кобылицъ не доили. Это называется «саахà», частое повтореніе которой даже служитъ у Калмыковъ условнымъ терминомъ для опредѣленія времени: говорятъ, напримѣръ, «это было недавно, не дальше какъ за двѣ саахà». Эта часть домашняго хозяйства требуетъ весьма продолжительнаго времени, и главной хозяйкѣ семьи помогаютъ всѣ женщины, меньшія снохи и дочери. Иногда у семьи бываетъ до полусотни дойныхъ кобылицъ, столько же коровъ и около двухъ сотъ овецъ: весьма естественно, что уходъ за ними требуетъ много рукъ и безпокойства.

Коровъ доятъ Калмыки такъ же, какъ доятъ ихъ и вездѣ; молоко сцѣживаютъ въ ведерко, сшитое, какъ и вся калмыцкая посуда, изъ конской кожи.

Дойная кобылица гуляетъ всегда съ своимъ жеребенкомъ. Когда приступитъ саахá, жеребенка подводятъ къ маткѣ, чтобъ удобнѣе начать процессъ доенія; потомъ вѣшаютъ ему на шею, на небольшомъ арканѣ, длинный шестъ, который, раздѣляя его отъ матери, служитъ для него преградою, еслибъ онъ захотѣлъ помѣшать доенію.

Овецъ для этой цѣли сбираютъ не въ кучку, а разставляютъ въ двѣ линіи, по обѣ стороны длиннаго аркана, такимъ образомъ, что голова одной овцы приходится между двухъ головъ противъ нея стоящихъ овецъ. Овцы, при всемъ своемъ смиреніи и незлобивости, очень упрямы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень просты; доброй волей овца не встанетъ въ шеренгу; но стоитъ положить начало и привязать первыхъ овецъ къ крайнимъ пунктамъ шереногъ, какъ обѣ линіи укомплектуются совершенно. Одна хозяйка начинаетъ доить ихъ съ одного

конца передней линіи, другая съ противоположнаго конца задней линіи. Когда операція совершится, недостаточно отвязать крайнихъ овецъ, надо оттащить ихъ отъ аркана, иначе остальныя не разойдутся и долго простоятъ на одномъ мѣстѣ, будто прикованныя.

Кромѣ этихъ ежедневныхъ заботъ, на женщинѣ же лежатъ рѣшительно всѣ хлопоты по домохозяйству. Она должна во́-время гнать арзу̀, во́-время заготовить «шитвб», то есть и одежду, и обувь, и посуду, и всѣ мелочи, изготовляемыя при помощи швейнаго искусства; кухня, освѣщеніе, отопленіе, призоръ за дѣтьми, надсмотръ за мелкой скотиной, ухаживанье и прислуга за мужемъ и сыновьями столько отнимаютъ у хозяйки времени, что нельзя не подивиться, какъ бѣдныя Калмычки успѣваютъ еще управиться съ хозяйствомъ. Одно доеніе животныхъ, изготовленіе пищи, кумыза, арьяна, вина, и мелкія заботы о домашней расправѣ, судъ надъ перессорившимися ребятишками, распредѣленіе занятій между младшими взрослыми членами семьи, такъ много требуютъ безпрестанной дѣятельности, что старшей хозяйкѣ рѣшительно трудно улучить минуту, нетолько чтобъ прибрать большую кибитку и освободить ее отъ накопившейся грязи: ей нѣкогда почти заплести себѣ косы.

Калмыки-рыболовы — круглый годъ въ тяжелой работѣ. Возвратившись, въ перемежныя недѣли, въ хотоны, они, если можно только, улучшаютъ помаленечку небольшое свое хозяйство; жены ихъ однѣ исправляютъ всѣ домашнія работы и, по бѣдности въ стадахъ, болѣе занимаются изысканіемъ способовъ продержать свои семьи не въ крайности, въ ожиданіи того вожделѣннаго дня, когда Калмыки, мужья ихъ, воротятся съ ватагъ [2], съ заработками.

Лучше всѣхъ живутъ мастеровые изъ кётечинеровъ владѣльческаго ёргё. Выточитъ онъ трубку и придѣлаетъ къ ней коротенькій чу-

[2] Ватага и промыселъ, обозначая рыбопромышленое заведеніе, какъ бы сказать, родъ фабрики, гдѣ «раздѣлывается» рыба и приготовляются всѣ виды рыбнаго товара, рознятся одно отъ другаго тѣмъ, что *ватага* есть заведеніе на рѣкѣ, а *промыселъ* — заведеніе на морѣ. Промыселъ имѣетъ еще иное значеніе, именно — извѣстный участокъ рыболовныхъ водъ, находящійся въ полномъ правѣ собственности, или только на правѣ временнаго пользованія у капиталиста, именующагося промышленникомъ. Извѣстнѣйшіе изъ послѣднихъ суть графъ Безбородко, князь Юсуповъ, Всеволожскіе, Сапожниковы, Голиковъ, Терликеловъ и другіе.

букъ — онъ продастъ свою работу за четвертачокъ дальнему скотоводу; за выдолбленную чашку непремѣнно возьметъ полбарана; за издѣлія болѣе значительныя, за желѣзныя и стальныя подѣлки съ серебряными насѣчками — богатый Калмыкъ не пожалѣетъ и коня отдать. И потому у заботливаго и работящаго кётёчинера есть и косячокъ лошадей, и стадо рогатаго скота, и маленькій наличный капиталецъ; вода у него подъ бокомъ, рыть колодцевъ ненужно; заботы по небольшому хозяйству невелики, и такой семьѣ можно нетолько прищегольнуть чистотой внутренняго убранства кибитки, можно заняться даже постороннимъ дѣломъ, и можно ближе свыкнуться съ обычаями горожанъ, съ которыми имъ приходится, по мелкимъ торгамъ, вступать въ сдѣлки.

Такимъ-образомъ и здѣсь мы находимъ новое подтвержденіе весьма старой истины, что чѣмъ непосредственнѣе, первобытнѣе и, слѣдовательно, грубѣе народъ, чѣмъ менѣе доступно ему благодѣтельное раздѣленіе занятій, тѣмъ болѣе переноситъ онъ трудовъ и лишеній, и тѣмъ менѣе испытываетъ удобствъ въ образѣ жизни.

—

XVI

Особенности быта.

Въ этомъ отдѣлѣ мы обратимъ вниманіе на тѣ особенности общественнаго быта, которыя замѣчаемъ у Калмыковъ въ отношеніи раздѣла имѣнія, наказаній за провинности, присяги и обхожденія съ женщинами. Мы не упоминаемъ здѣсь про родовыя сборища, «отыгӧнъ-хурӧнъ», которыя нынче замѣнены *мірскими* аймачными *сходками*, на общемъ основаніи.

Что̀ касается до раздѣла имѣнія, то «юсӱнъ», обычай, ведущійся издревле, преподаетъ на этотъ предметъ слѣдующія правила:

1) Родители при жизни своей имѣютъ полное право дѣлать съ своимъ имуществомъ что̀ имъ угодно и раздѣлить его между сыновьями по собственному произволу.

2) По смерти родителей, умершихъ безъ завѣщанія, девять-десятыхъ частей оставшагося послѣ нихъ имущества раздѣляются по-ровну между всѣми сыновьями; а старшему изъ нихъ, независимо отъ доли, полученной имъ по этому разчету, достается и остальная десятая часть всего наслѣдства, выдѣляемая послѣ смерти отца немедленно. Такимъ-образомъ, если наслѣдство заключается въ табунѣ изъ двухъсотъ пятидесяти лошадей и въ стадѣ въ тысячу барановъ, то изъ троихъ сыновей-наслѣдниковъ, старшій братъ получаетъ на свою долю сто лошадей и четыреста барановъ, а двумъ остальнымъ приходится по семидесяти пяти лошадей и по триста барановъ.

3) Наслѣдники должны удѣлить отъ себя часть наслѣдства хурулу, по общему согласію.

4) Дочерямъ безъ братьевъ отцовское имѣніе дѣлится всѣмъ поровну, на одинаковыя части.

5) Сестры, при братьяхъ — не наслѣдницы.

6) При выдачѣ сестеръ въ замужство, братья, хотя бы они и врознь жили, обязаны, сообразно своимъ средствамъ, общими силами снабдить сестру приличнымъ имуществомъ и отпраздновать ея свадьбу.

7) Если у сестры родится сынъ, то дядья обязаны выдѣлить пле-

мяннику, общими силами, часть, равную, въ общей сложности, части наслѣдства каждаго изъ нихъ.

8) Невыдѣленный или ненагражденный дядьями племянникъ, точно такъ же какъ и внукъ по женской линіи, имѣетъ право приступить къ насильственному выдѣлу, называющемуся у Калмыковъ «зе-бярьдыкъ-юсу́нъ».

Это право очень любопытно, во-первыхъ потому, что оно совершенно не въ нашихъ нравахъ, а во-вторыхъ потому, что въ прежніе годы служило началомъ безпрерывныхъ отгоновъ скота. Отгонъ скота, или такъ-называемая баранта́, совершенно не такой предметъ, съ идеею котораго соединяется понятіе о грабежѣ и насильствѣ: основаніе его самое легальное и дѣйствіе его вовсе непреступно въ понятіяхъ Киргизовъ или Калмыковъ; у первыхъ баранта́ есть слѣдствіе неокупленнаго «ку́на», какъ называютъ Киргизы цѣну за кровь убитаго родственника [1]; у послѣднихъ она есть слѣдствіе законнаго права на наслѣдство. Весьма понятно, что собственно *хищничество* и *кража* чужой собственности вездѣ, и у Киргизовъ, и у Калмыковъ, считается преступленіемъ, но *баранта́* подъ эту категорію вовсе не подходитъ.

«Зе-бярьдыкъ-юсу́нъ» совершается обиженнымъ племянникомъ или внукомъ съ такими условіями: онъ долженъ явиться въ хото́нъ того родственника, съ которымъ хочетъ разсчитаться; тайно отъ всѣхъ изъявить о своемъ намѣреніи хотонному старшинѣ, или лучшему въ хото́нѣ человѣку, обязанному секретъ его никому не выдавать, и насильственный выдѣлъ произвести непосредственно самъ, или и съ товарищами, но подъ личнымъ этого старшины распоряженіемъ. Выдѣлъ этотъ состоитъ въ простомъ отгонѣ части табуна или стада; это дѣйствіе производится совершенно безнаказанно и можетъ повторяться до трехъ разъ, какъ законное пользованіе своимъ правомъ; пострадавшій отъ убытка дядя, или дѣдъ, не имѣетъ права приносить жалобы и остается въ обыкновенно-дружескихъ, съ разсчетливымъ родственникомъ, отношеніяхъ. Почтительный къ старшимъ, отгонщикъ не злоупотребляетъ своимъ правомъ; если онъ въ первый

[1] Киргизы это слово выговариваютъ «куна́»; корень его, какъ мнѣ объясняли, есть турецко-татарское слово *хунъ*, означающее кровь. — Вотъ новая задача изслѣдователямъ древнихъ нашихъ лѣтописей, въ которыхъ куны играютъ столь важную и доселѣ неразъясненную роль.

разъ мало отогналъ скота и скоро его прожилъ, онъ повторяетъ *операцію* въ другой и въ третій разъ, но общая численность пріобрѣтеннаго имъ такимъ образомъ достоянія никогда не превышаетъ одной шестой части имущества, изъ котораго онъ дѣлаетъ выдѣлъ. Впрочемъ, на этотъ предметъ нѣтъ никакого общаго правила — это дѣло произвола и обстоятельствъ. Обыкновенно къ такому подвигу прибѣгаютъ только совершенные бѣдняки, истинно нуждающіеся въ пособіи; изъ небольшаго косяка лошадей они уводятъ двѣ-три головы, а изъ стада — изъ ста штукъ головъ десять.

Что касается до наслѣдованія зайсанговъ цѣлымъ аймакомъ, то оно принадлежитъ старшему сыну: никогда не было примѣра, чтобъ аймакомъ владѣли женщины, тогда-какъ насчитываютъ до четырехъ случаевъ, что женщины управляли улусами.

Наказанія провинившимся въ проступкахъ или преступленіяхъ производятся отъ имени нойона, рода или хотона, смотря по степени важности содѣяннаго проступка; они изложены въ калмыцкой «Судебной-Книгѣ», «Цааджинъ-бичикъ».

Въ прежнія времена наказаніями были: физическая боль, для того, чтобъ впредь не повадно было тоже дѣлать, денежныя пени и осрамленіе виноватаго предъ цѣлымъ хотономъ и даже родомъ. Число девять, однажды, или девять разъ, или девятью девять разъ взятое, во всѣхъ взысканіяхъ играло важную роль; тоже самое мы находимъ и у Киргизовъ.

Виноватыхъ въ неповиновеніи родителямъ, грубости и дерзости родственникамъ и старшимъ, по лѣтамъ и званію, людямъ, наказывали ногайками, и вымаравъ лицо сажей, водили, съ таганомъ на шеѣ, по хотону, кругомъ каждой кибитки. Это наказаніе носило названіе «тавынъ-ямà-татхó», «осрамленіе посредствомъ пятерни», потому-что наказывающій бралъ на руку сажи изъ-подъ котла и цѣлой пригоршней размазывалъ ею по лицу виноватаго.

За кражу наказанія тоже были посрамительныя: верховой наѣздникъ накидывалъ на преступника арканъ и водилъ его въ такомъ видѣ по хотону; всѣ зрители стегали виноватаго прутьями по обнаженному тѣлу, а нѣкоторые стрѣляли въ него, для смѣха, холостыми зарядами.

За соблазнъ чужой жены или за неблагоприличное обхожденіе съ дѣвицей, на виноватаго налагали пеню и брали съ него йесынъ-йе-

сынъ (девятью девять) головъ скота и, кромѣ-того, раздѣвъ его въ собраніи мужчинъ до-гола́, наказывали тѣлесно.

Нынче эти старинныя наказанія, какъ и всякій анахронизмъ, выводятся, и Калмыковъ судитъ русское начальство по общимъ для всѣхъ Русскихъ законамъ.

Въ прежнія времена, у Калмыковъ въ хото̀нѣ, въ аймакѣ и въ родѣ, судъ представлялъ семейный разборъ взаимныхъ обидъ и неудовольствій. Формальный судъ, «заргó», являлся въ улусѣ; онъ составлялся изъ зайса̀нговъ, подъ предсѣдательствомъ владѣльца; въ него избиралось столько членовъ, сколько въ улусѣ было родовъ, и судъ этотъ носилъ названіе «нутугѝнъ-заргó», улуснаго суда; члены суда носили титулъ «заргачѝ» или судей, между которыми различія въ старшинствѣ не было.

Высшій судъ составлялся изъ нойо́новъ-владѣльцевъ, и въ немъ предсѣдательствовалъ сначала ханъ, а потомъ намѣстникъ. Судъ этотъ назывался «наймáнъ-заргó», «восьмичленнымъ», по числу судей.

Въ немъ рѣшались, безъ различія гражданскихъ отъ уголовныхъ, всѣ вообще дѣла и по всѣмъ родамъ преступленій. Но такъ-какъ въ немъ произволъ судей былъ почти ничѣмъ неограниченъ, а письменные законы замѣнялись, по волѣ самихъ судей, многозначительнымъ юсуномъ, или обычнымъ правомъ, подвергавшимся, по разнымъ случаямъ, произвольнымъ толкованіямъ и примѣненіямъ, то съ 1825 года права наймáнъ-заргò были сначала ограничены тѣмъ, что ему предоставлено было, подъ наблюденіемъ русскаго чиновника, рѣшеніе дѣлъ по отгонамъ скота и кражамъ до четырехъ сотъ рублей ассигнаціями; потомъ составъ суда заргó былъ измѣненъ—его присутствіе состояло изъ предсѣдателя, двухъ совѣтниковъ и ассессора отъ короны и двухъ засѣдателей отъ калмыцкаго народа; засѣдатели эти, вслѣдствіе степной системы воспитанія, ни законовъ русскихъ не понимали, ни языка русскаго порядочно не знали; наконецъ и самое названіе этого суда уничтожено: Калмыки подчинены общему для всѣхъ обитателей Имперіи источнику правосудія — «Своду Законовъ».

Высшимъ преступленіемъ у Калмыковъ, по правиламъ собственнаго калмыцкаго вѣроисповѣданія, почитается смертоубійство; преступленіе это называется у нихъ грѣхомъ «забсыръ угá нюю́ль»[2], то есть

[2] Вслѣдствіе этого-то нююль, или нюль, и всѣ старанія наши *добыть*

безпромежуточнымъ, безотраднымъ, непростимымъ или, по нашимъ убѣжденіямъ, тяжкимъ, смертнымъ грѣхомъ. Калмыцкое законоположеніе опредѣляло ему рода наказанія, гражданское и религіозное.

За смертоубійство, въ первый разъ совершенное, на преступника налагалась большая пеня, въ видѣ вознагражденія и обезпеченія родственниковъ и дѣтей, оставшихся послѣ убитаго и, кромѣ-того, виновный обязанъ былъ отречься, на опредѣленное время, отъ всѣхъ удовольствій міра, носить «оркомжи», красную перевязь черезъ плечо, и выжить извѣстный срокъ при хурулѣ постникомъ, «убуши». За повторенное смертоубійство наказаніе усиливалось, какъ въ отношеніи вещественнаго вознагражденія, такъ и относительно времени заключенія при хурулѣ и, сверхъ-того, на лицѣ виновнаго выжигалось клеймо. За третье убійство преступнику выжигалось другое клеймо и онъ навсегда изгонялся изъ среды своего народа. Такіе изгнанники назывались у Калмыковъ «андынами».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный былъ не въ состояніи выполнить положенную на него пеню, онъ нетолько самъ, но цѣлой семьей отдавался въ кабалу тому, кому принадлежало возмездіе: истецъ вправѣ былъ употребить кабальныхъ людей въ работу по произволу, продать постороннему лицу или вымѣнять своего должника на стадо барановъ.

Очень понятно, что такія юридическія начала не могли быть терпимы въ образованномъ государствѣ; коренное измѣненіе ихъ было необходимо.

Во всѣхъ дѣлахъ, даже въ дѣлахъ по смертоубійству, тѣ случаи, въ которыхъ не было сознанія и ясныхъ уликъ для составленія полнаго доказательства виновности подозрѣваемаго, судъ оканчивался очистительною присягою.

Важнѣйшимъ видомъ такой присяги былъ «шаханъ», который нынче давно уже вывелся изъ употребленія.

Для исполненія шахана, обвиняемый избиралъ изъ числа однородцевъ своего противника, лицо, пользующееся репутаціею самаго честнаго человѣка, въ совѣстливости котораго никто не сомнѣвается; и этотъ избранный долженъ былъ выполнить обрядъ, состоявшій въ слѣдующемъ:

по парѣ череповъ чистыхъ Дзюнгарцевъ, Хошоутовъ, Хоитовъ и Торгоутовъ остались совершенно безплодными.

Въ особой кибиткѣ, на нарочно устроенномъ возвышеніи ставится бурханъ, передъ которымъ, на уступѣ, воскуряется благовонная свѣча, «кюджё». По сторонамъ бурхана развѣшиваются религіозныя изображенія высшихъ карательныхъ существъ; мѣста подъ ними занимаются гелюнгами, собравшимися сюда вмѣстѣ съ инструментами, при звукахъ которыхъ они обыкновенно совершаютъ свои торжественныя молитвословія. На полу кибитки разстилается снятая съ убитой, на счетъ обиженнаго, чорной, совершенно безъ отмѣтинъ, коровы кожа, облитая кровью этого животнаго. Кожу подсовываютъ подъ двери кибитки и растягиваютъ ее на землѣ колышками такимъ образомъ, чтобы одна половина ея приходилась внутри, а другая внѣ кибитки.

Внутри кибитки, сверху надъ дверьми, немного вправо, прикрѣпляется голова зарѣзанной для шахàна коровы; глаза у нея раскрыты, языкъ вытянутъ и завернутъ на сторону, кожа съ черепа содрана и вся голова вымазана кровью. Рядомъ съ скотской головой, но по другую сторону дверей, привѣшивается человѣческій черепъ. Внизу разставляется на сошкахъ заряженное ружье съ взведеннымъ куркомъ.

Внѣ кибитки, влѣво и вправо отъ дверей, становятся посредники и при нихъ съ одной стороны обвиняемый, съ другой истецъ.

Избранное къ исполненію шахáна лицо, прежде всего предлагаетъ обѣимъ сторонамъ не доводить его до предстоящаго ему великаго дѣла и поспѣшить хотя теперь покончить его миромъ. Если враждующія партіи не рѣшаются покончить дѣло дружелюбно, обрядъ шахана долженъ совершиться.

Присягающій снимаетъ съ себя все платье и, оставаясь только въ одной рубахѣ и исподнемъ бѣльѣ, босыми ногами становится передъ дверьми на растянутую кожу, дѣлаетъ три земные поклона и переступаетъ черезъ порогъ. Въ эту минуту, гелюнги начинаютъ трубить въ трубы, звонить въ колокольчики, дуть въ раковину, бить въ тарелки и производить торжественные, но оглушительные аккорды.

Лишь-только присягающій приблизится къ бурхану, шумъ инструментовъ стихаетъ и начинается тихое чтеніе молитвъ, въ которыхъ могильные звуки басовъ торжественно разносятся по кибиткѣ и снова поражаютъ воображеніе присягающаго невѣдомымъ трепетомъ.

Вошедшій, подойдя къ бурхану, долженъ затушить горящую пе-

редъ нимъ кюджé, нагнуться къ стоящему съ ней рядомъ блюду, на которомъ лежитъ вырванное изъ зарѣзанной коровы сердце, взять сердце это ртомъ, обернуться къ дверямъ кибитки, и встрѣтивъ омертвѣлые, бездушные взгляды повѣшенныхъ тутъ окровавленной головы и человѣческаго черепа, вынести обличительную ношу вонъ изъ кибитки.

Здѣсь одинъ изъ гелюнговъ принимаетъ отъ него коровье сердце и предъявляетъ его, для обзора, посредникамъ: если на оболочкахъ сыраго мяса не сдѣлано никакихъ поврежденій, обрядъ считается выполненнымъ и обвиняемый оправдывается.

Въ этомъ случаѣ истецъ обязывается уплатить отвѣтчику безчестіе, или пеню, мѣра которой выговаривается заранѣе взаимнымъ условіемъ. Но если лицо, принявшее на себя выполненіе шахàна, откажется отъ него, или повредитъ оболочку сердца, правильность иска считается несомнѣнною.

Обстановка шахàна всѣми аттрибутами этого обряда имѣетъ, по понятіямъ Калмыковъ, слѣдующее значеніе:

Чорная корова есть аллегорическое представленіе смерти; необходимость пройдти по ея шкурѣ напоминаетъ присягающему, что онъ принялъ на себя великую обязанность, противосовѣстливымъ выполненіемъ которой онъ принимаетъ на себя отвѣтъ въ тяжкомъ, смертномъ грѣхѣ. Винтовка съ взведеннымъ куркомъ и человѣческій черепъ означаютъ внезапную кару небесъ лишеніемъ жизни лжесвидѣтеля. Обезображенная голова коровы страшитъ его, что душа его лишится общенія съ людьми и вселена будетъ въ существа безобразныя, наносящія человѣку страхъ и трепетъ. Изображенія бурхана и шутёновъ говорятъ ему о присутствіи при его клятвѣ судіи всевидящаго; зажженая свѣча означаетъ свѣтъ, Творцомъ проливаемый, а благовоніе ея — милости Божіи, отъ которыхъ онъ, потушеніемъ свѣчи, добровольно отрекается, въ свидѣтельство истинности своей присяги. Сердце убитой коровы прообразуетъ простосердечіе присягающаго и чистоту его намѣреній, безъ которыхъ его ожидаютъ карательныя существа, «ассурѝ», злые духи, чудовищи ада.

Въ наши времена, у Калмыковъ присяга исполняется въ двухъ видахъ, одна, по дѣламъ мéньшей важности, словесная, произносимая предъ бурханами по «Книгѣ-Клятвѣ», «Андагàръ»; другая въ дѣлахъ особенной важности: въ ней менѣе обрядности чѣмъ въ старинномъ шахà-

нѣ, но все-таки рѣдкій Калмыкъ рѣшится принять на душу грѣхъ лжесвидѣтельства. Присяга эта состоитъ въ томъ, что обвиняемый подходитъ къ бурханному столику, дѣлаетъ три земные поклона, и произнеся громогласно «я невиноватъ», задуваетъ зажженную свѣчу, во свидѣтельство отреченія отъ милостей Создателя, въ случаѣ неправды. Присяга эта дается только обвиняемому.

Калмыки оказываютъ такіе знаки почтенія своему духовенству и владѣльцамъ, которые съ перваго взгляда могутъ почесться раболѣпными, но въ существѣ своемъ показываютъ только строгую субординацію, вылившуюся у этого воинственнаго племени въ такихъ, а не иныхъ опредѣленныхъ формахъ.

При условныхъ знакахъ почтительнаго сидѣнія передъ старшими, Калмыки, подходя къ гелюнгамъ, должны сложить руки крестомъ на груди, въ знакъ особеннаго къ сану ихъ благоговѣнія и, исключительно предъ всѣми другими почетными лицами, не садятся передъ ними съ поджатыми ногами, а присѣдаютъ на корточки.

Нойо́нъ почитается и уважается нетолько своими подвластными, но и посторонними улусниками. Въ кибитку его нельзя войдти иначе, какъ приложившись сначала ладонью правой руки къ вереѣ дверей, а потомъ прикоснувшись рукой ко лбу. Выходя изъ кибитки, нужно пятиться изъ нея задомъ, обратившись лицомъ къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ владѣлецъ. Чтобъ доказать всю степень своей преданности къ его особѣ, знакомый со всѣми церемоніями Калмыкъ не войдетъ въ его кибитку съ лѣвой стороны, если даже идетъ онъ по направленію слѣва: онъ обойдетъ кибитку кругомъ, какъ это предписано и въ отношеніи къ хурулу, и войдетъ внутрь кибитки, подойдя къ ней съ правой стороны.

Если владѣлецъ дозволитъ въ своемъ присутствіи подвластному сѣсть, тотъ не иначе воспользуется его позволеніемъ, какъ приложившись рукой ко лбу, ставъ на колѣни, положивъ на нихъ руки и усѣвшись на пятки.

Владѣльцамъ не подобаетъ ѣздить на пѣгихъ лошадяхъ, «алыкъ», то есть на такихъ, у которыхъ къ основной масти шерсти примѣшивается бѣлый цвѣтъ, на бедрахъ или на туловищѣ; ѣзда же на пестрыхъ «хулъ» лошадяхъ достоинства владѣльцевъ не умаляетъ.

Должно дѣлать безпрестанныя владѣльцу приношенія: начнется ли весна, кончится ли лѣто, совершится ли свадьба, наступятъ ли по-

минки по старомъ владѣльцѣ, празднуется ли новый годъ, родится ли у ной на ребенокъ, Калмыкъ долженъ нести ему свое дееджи чаемъ, арзой, вареныиъ бараномъ, живымъ скотомъ и даже наличными деньгами. Неисполненіе этого обычая, общаго, какъ видно, всѣмъ монгольскимъ племенамъ, одинаково лежитъ на совѣсти и у Калмыковъ, какъ и у Киргизовъ: приношенія эти въ нравахъ этихъ племенъ; тутъ нѣтъ ничего, что напоминало бы о вымогательствѣ— это именно то, что у насъ называется поклономъ въ фразѣ: «снести на поклонъ полотенце, или поклониться трехрублевымъ, или курицей».

Владѣльцу принадлежитъ первое мѣсто въ кибиткѣ подвластнаго.

Калмыки тѣмъ разнятся отъ племенъ, исповѣдующихъ исламъ, что у нихъ женщина имѣетъ человѣческое, а не рабское значеніе. У многихъ мухаммеданъ, хотя и не у всѣхъ и не въ одинаковой степени, она исключена изъ общенія съ мужскимъ поломъ, нетолько въ забавахъ, но даже и въ моленіяхъ. У Калмыковъ права женщины уравновѣшены и въ томъ и въ другомъ случаѣ съ правами мужчины. Калмычка не скрываетъ своего лица отъ постороннихъ взглядовъ; она молится въ хурулѣ вмѣстѣ съ мужемъ и сыновьями; она затѣваетъ игры съ чужими мужчинами.

Женщина у Калмыковъ имѣетъ свои особенныя преимущества, хотя произволъ ея и первенство надъ мужчиной и имѣетъ свои ограниченія. Вотъ, напримѣръ, отличительныя черты ея значенія.

Женщина есть полная хозяйка дома.

Все, что выходитъ изъ круга домашнихъ заботъ и домашняго обихода, долженъ для женщины приготовить мужчина.

Женщина не сѣдлаетъ коня: это дѣло мужчины; онъ долженъ коня и изготовить и подвести къ женщинѣ.

Никто, ни даже владѣлецъ, не имѣетъ права передать даже простой женщинѣ своего коня съ тѣмъ, чтобъ она его подержала за повода.

Мужчина, хотя бы это былъ самъ владѣлецъ, замѣтивъ, что встрѣтившаяся ему женщина хочетъ сойдти съ своего коня, долженъ самъ спѣшиться и помочь ей соскочить съ сѣдла.

Женщина, жена или дочь, сама угощаетъ почетныхъ гостей.

Отъ подчиванья женщины нельзя отказаться.

Если женщина предложитъ гостю чашку теплой арзы, только-что

выгнанной ея собственными трудами, то отказъ считается тяжкою обидою дому.

Мужчина, приглашая женщину къ танцамъ, долженъ стать предъ нею на колѣни, приложить руку ко лбу и потомъ слегка коснуться колѣна своей дамы; женщина же, приглашая къ танцамъ мужчину, только нагибается передъ нимъ и касается рукой до его плеча.

Замужняя женщина благодаритъ мужчину, проводя правой рукой по чехлу, въ который запрятана ея правая коса; дѣвушка благодаритъ его безмолвно, только глазами; мужчина же, въ отвѣтъ женщинѣ, долженъ отдать ей честь, сложивъ большой палецъ правой руки съ указательнымъ и приложившись ими ко лбу.

Женщину нельзя бить ни рукой, ни палкой, ни ногайкой, ни передъ бурханами.

При перекочевкахъ, при чищеньи колодцевъ, старшій въ семьѣ мужчина долженъ для своей жены, дочерей и снохъ, отыскать старый «таталъ» и подчистить его, или вырыть новый. Таталъ есть маленькій колодезь, предназначаемый для омовенія женщинъ и хранящійся въ секретѣ не только отъ не-Калмыка, но даже и отъ постороннихъ, хотя бы однохотонниковъ.

Правила эти, какъ всякое общее правило, имѣютъ свои исключенія, во-первыхъ потому, что Калмыки наблюдаютъ учтивость и церемонность только при народныхъ собраніяхъ, а въ частности только съ посторонними и притомъ съ богатыми соплеменниками, отлагая всякія церемоніи въ родной семьѣ; а во-вторыхъ потому, что обузданіе нѣкоторыхъ замашекъ невсегда бываетъ въ характерѣ дикаго и, подъ-часъ, бѣшенаго Калмыка, строго держащаго всю семью въ слѣпомъ повиновеніи и почтительности.

Поэтому очень часто случается, что Калмыкъ бьетъ жену и за то, что чай во-время не готовъ, что арзы мало, что кушанье невкусно, что безпорядки велики, что мелкій скотъ запущенъ, что ночника въ кибиткѣ нѣтъ, когда женѣ заранѣе объявлено, что мужъ къ тому-то времени вернется изъ табуна.

Женщина недолжна осмѣлиться перешагнуть черезъ мужскія ноги, черезъ ногайку, укрюкъ, винтовку, или подоломъ задѣть ихъ, или блюда съ яствами и чашки съ питьемъ.

Женщина не смѣетъ самовольно сѣсть при старшихъ родственникахъ.

Она недолжна дозволять себѣ начать разговоръ безъ ихъ къ тому приглашенія.

Она никогда и ни передъ кѣмъ не должна сидѣть въ фамильярномъ положеніи, подвернувъ обѣ ноги подъ себя калачикомъ.

Женщина не имѣетъ ногайки — у нея только плеть.

—

XVIII.

Народные праздники.

Самый торжественный праздникъ у Калмыковъ называется «Цага́нъ-Сара̀», то есть бѣлый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ года; онъ совершается въ мартѣ и приходится около весенняго равноденствія. Передаемъ буквально все слышанное нами о празднествахъ отъ самихъ Калмыковъ, не дозволяя себѣ никакихъ прибавокъ.

Торжество Цага́нъ-Сара̀ происходитъ въ первое число мѣсяца, носящаго это названіе.

Въ послѣднюю ночь предшествовавшаго мѣсяца «Юку̀ръ-Сара̀», начинаются въ хурулѣ торжественныя молитвословія. Народъ, въ ожиданіи вожделѣнной минуты, толпится около мѣста, занятаго жрецами; лишь-только займется заря, какъ все съ трепетомъ обращаетъ взоры къ востоку, все готовится радостно привѣтствовать появленіе дневнаго свѣтила [1]. Въ то самое мгновеніе, какъ солнце появится на горизонтѣ, гелюнги выносятъ изъ хурула, на чистую степь, изображеніе оку́нъ-тенгри, развѣшенное на высокомъ шестѣ, и сопровождая его звуками трубъ и другихъ инструментовъ, употребляемыхъ при торжественномъ богослуженіи, обходятъ съ нимъ вокругъ кибитокъ. Народъ падаетъ ницъ и приноситъ моленія.

Празднество продолжается сряду двѣ недѣли; ни борьбы, ни скачекъ при этомъ не бываетъ, но каждый, въ своей семьѣ, веселится по-своему.

Во все продолженіе празднованія Цага́нъ-Сара̀, Калмыки объѣзжаютъ знакомыхъ и поздравляютъ съ праздникомъ.

Поздравленіе между родными и близкими знакомыми совершается въ первый день праздника. Обычаи требуютъ, чтобъ привѣтствіе дѣлали младшіе старшимъ, и въ этомъ случаѣ Цага́нъ-Сара́ имѣетъ свою особенность.

Младшій подходитъ къ старшему, напримѣръ сынъ къ отцу, не снимая шапки; онъ становится на правое колѣно, прикладываетъ

[1] Палласъ, «Nachrichten über die mong. Völkerschaften», B. II, S. 191.

пальцы ко лбу, и проговоривъ привѣтствіе, придвигаетъ отцу правое свое плечо; отецъ прикасается къ этому плечу рукой и въ-заключеніе цалуется съ сыномъ.

У степныхъ Калмыковъ, незнакомыхъ между собою, нѣтъ кореннаго обыкновенія пожимать другъ-другу руки; но во-время Цаганъ-Сара́ принято уже, чтобы встрѣтившіеся вмѣстѣ, хотя бы и незнакомые, отдали другъ-другу честь: приложившись пальцами ко лбу, взялись бы за руки, на татарскій манеръ, обънми руками, и привѣтствовали бы одинъ другаго фразой «мендѐ», то есть, будь здоровъ.

Второе годовое празднество есть «Зула́», отправляемое всегда 24 числа мѣсяца «Баръ-саръ» и приходящееся около конца нашего ноября [2]. Въ это торжество Калмыки празднуютъ начало зимы и день ихъ новаго-года.

Зула́ тѣмъ особенно для насъ замѣчательно, что въ этотъ именно день всѣ Калмыки воспоминаютъ день своего рожденія: если у Калмыка родился сынъ за недѣлю до Зула́, то со дня Зулы́ ему считается уже второй годъ отъ рожденія, въ будущую Зулу̀ ему будетъ считаться два года третій, и такъ далѣе.

Религіозное чествованіе Зулы́ начинается съ вечера, на открытой степи, на которой, близь хурула, разставляется огромный столъ. Каждый Калмыкъ является сюда изъ своей кибитки, приноситъ съ собой приготовленную изъ тѣста чашечку съ топленымъ коровьимъ масломъ и съ фитилемъ и ставитъ ее на столъ.

Въ хурулѣ между-тѣмъ происходитъ богослуженіе; когда гелюнги выйдутъ оттуда, и неся бурхановъ, станутъ обходить кибитки съ пѣніемъ, при громогласныхъ звукахъ музыки, народъ преклоняется передъ бурханами, каждый зажигаетъ свою чашечку и снова начинаетъ молиться. Для этого вечера устраивается торжественная иллюминація; всѣ хуру̀лы отъ верху до низу, изнутри и снаружи, горятъ въ огнѣ: бѣдные Калмыки просовываютъ черезъ цагры́къ длинные шесты и привѣшиваютъ на нихъ нарочно для того приготовленныя изъ тѣста чашки, въ которыхъ горитъ топленое коровье масло. У богатыхъ всѣ кибитки точно облиты потоками свѣта.

По окончаніи богослуженія, народъ расходится по знакомымъ и всѣ поздравляютъ другъ-друга съ новымъ-годомъ.

Въ этотъ день у Калмыковъ происходятъ выборы изъ гелюнговъ

[2] Палласъ, ibid. II, 205.

новаго «гебкё» : санъ, весьма уважаемый народомъ. Послѣ выборовъ слѣдуютъ особыя религіозныя церемоніи, и празднество заключается общимъ весельемъ, при которомъ ни скачки, ни борьба не приняты обычаемъ.

Третье празднество, совершаемое девятнадцатаго числа мѣсяца «Юрюсъ-Сарà» и бывающее около первыхъ чиселъ іюня, носитъ названіе «Юрюсъ» [3]; здѣсь народъ празднуетъ благополучное окончаніе зимы и счастливый переходъ на лѣтнее кочевье; это празднество болѣе народное, чѣмъ религіозное.

Намъ случилось лично быть на этомъ празднествѣ, и потому передаемъ то, что̀ сами видѣли.

На обширной мѣстности Ордлигинъ-цекè разбито было ёргё, или главная ставка хошоутовскаго улуса.

Середи ставки разставлены были семь большихъ хурульныхъ кибитокъ, покрытыхъ бѣлыми какъ снѣгъ кошмами; всѣ онѣ были убраны «лаврй», подъ навѣсомъ которыхъ разставлены были бурханы и развѣшаны изображенія шутёновъ, но средняя кибитка была огромнѣе и украшена великолѣпнѣе прочихъ. Двери хурульныхъ кибитокъ обращены были къ востоку. Невдалекѣ былъ разбитъ огромный шатеръ, или палатка, сдѣланная изъ «канифасу», какъ въ Низовомъ краѣ называютъ обыкновенно парусное полотно. Въ предшествовавшіе празднеству дни молящіеся гелюнги находили въ ней защиту отъ знойныхъ лучей солнца, но въ этотъ день она была переставлена на степь позади хурульныхъ кибитокъ и предназначена для сборища лучшихъ людей изъ народа.

Передъ кибитками, въ которыхъ размѣщался хурулъ, разбито было нѣсколько рядовъ другихъ кибитокъ, полукругомъ и лицомъ къ хуруламъ. Въ первомъ ряду, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ хуруловъ, разставлены были кибитки гелюнговъ, во второмъ гецюлей и манжиковъ; за ними, еще глубже въ степь, стояли кибитки зайсàнговъ, а позади ихъ нѣсколько рядовъ кибитокъ простонародья.

Съ противоположной стороны ряда хурульныхъ кибитокъ, противъ главнаго хурула, стояла пустая кибитка покойнаго владѣльца, лицомъ къ хурулу, а позади ея, и нѣсколько всторону — кибитка его супруги, матери нынѣшняго владѣльца. Почти рядомъ съ нею, съ одной стороны разбита кибитка самого владѣльца, которую мож-

[3] Палласъ, ibid. II, 198.

ню было признать по водруженному въ песокъ у дверей ея копью, а но другую сторону — кибитка его дяди.

Мнѣ объяснили необходимость этого числа почетныхъ кибитокъ тѣмъ, что настоящій владѣлецъ, служившій нѣсколько лѣтъ въ гвардіи и уже давно не юношескихъ лѣтъ мужчина, не управляетъ улусомъ непосредственно самъ, потому-что ему не успѣли еще передать улусъ, находившійся прежде, за малолѣтствомъ его, подъ опекою дяди.

Кибитку дяди, нынѣшняго «правителя» улуса, нельзя было выдвинуть впередъ, потому-что онъ хоть и нойо́нъ, но не «владѣлецъ», а такъ-какъ улусъ находился въ непосредственной его зависимости, то нельзя было отдать предпочтенія и кибиткѣ настоящаго владѣльца. Впереди всѣхъ кибитокъ поставили кибитку прежняго владѣльца, въ увѣренности, что душа его, разставшаяся съ тѣломъ, приметъ участіе въ общемъ веселіи и радости. Но такъ-какъ въ семьѣ хошоутовскихъ нойо́новъ право старшинства принадлежитъ супругѣ покойника, донынѣ еще здравствующей, хотя при празднествѣ и неприсутствовавшей, то народъ, воспользовавшись этимъ предлогомъ, чтобъ согласить свои выгоды въ отношеніи дяди и племянника, не оскорбить «владѣльца» и не возбудить противъ себя «правителя», приготовилъ все нужное для празднованія въ кибиткѣ старой княгини.

Позади этихъ четырехъ почетныхъ кибитокъ стояли кибитки для гостей-посѣтителей, далѣе за ними помѣщались кётёчиперы, а у самаго берега Ашулука раскинуты были кибитки подкочевавшихъ къ празднику простыхъ Калмыковъ.

Кибитка отсутствовавшей княгини была убрана точно такъ, какъ обыкновенно убираются большія-кибитки каждой калмыцкой семьи, только всѣ принадлежности ея были сдѣланы красивѣе, роскошнѣе и съ особеннымъ изяществомъ. Кромѣ-того, вблизи большаго-барана утверждено было зеленѣющее дерево, эмблема отраднаго лѣта ; дерево было обвернуто по вѣтвямъ чистой бѣлой овчиной, въ знакъ общаго желанія объ умноженіи улуснаго скотоводства для благополучія народа, и заплетено разноцвѣтными лентами и тесьмами, во изъявленіе общей радости. Дерево это, послѣ праздника, даже когда народъ покинетъ мѣсто стоянки, никуда не выкидываютъ ; когда снимутъ кибитку, оно остается въ степи на прежнемъ мѣстѣ.

Утромъ 7 іюня 1851 года, на самомъ разсвѣтѣ, по степи раздал-

ся заунывный звукъ священной раковины и началось моленіе гелюнговъ въ хурулѣ о томъ, чтобы бурханъ-бакшй излилъ свои милости на улусное скотоводство. Въ это время къ хурулу подогнали огромный табунъ въ нѣсколько тысячъ лошадей; гелюнги вышли изъ хурула на степь, приблизились къ животнымъ, и одинъ изъ очередныхъ гелюнговъ сталъ ихъ опрыскивать смѣсью топленаго масла и молока. По окончаніи этого обряда, продолжавшагося неочень долго, гелюнги, безъ пѣнія и безъ торжественныхъ одеждъ, обошли вокругъ хурульныхъ кибитокъ и разошлись по домамъ; лошадей послѣ того погнали на пастбища.

Между-тѣмъ народъ, въ праздничныхъ одеждахъ, двинулся къ владѣльческой кибиткѣ. Одинъ изъ кётёчинеровъ, княжескихъ табунщиковъ, стоитъ внѣ кибитки и держитъ родъ таза съ жидкостью изъ масла и молока; другой табунщикъ стоитъ внутри кибитки у самаго порога, черпаетъ у него эту жидкость маленькой чашкой, и высунувъ руку изъ кибитки, старается такъ выплеснуть изъ чашки къ верху, чтобъ брызги, попавъ въ верхнее отверзтіе кибитки, въ цагрыкъ, оросили бы всю внутренность шатра и водруженное въ ней дерево. Эта операція повторяется нѣсколько разъ сряду.

Этимъ обрядъ и кончился; но самое празднество только что начиналось. Прежде всего появились передъ особой владѣльца семейные Калмыки; они принесли ему свои посильныя приношенія, состоявшія въ небольшихъ бурдюкахъ или арзы, или кумыза, и въ сосудахъ съ вареньмъ кирпичнымъ чаемъ; изъявивъ ему пожеланія, чтобъ Богъ далъ ему въ радости другой разъ дождаться такого же праздника, они ставили свое дееджй передъ кибиткою, а сами отходили къ сторонкѣ; послѣ чего имъ роздано было отъ владѣльца по чашкѣ арзы и, въ видѣ закуски, по куску мяса. Къ пяти часамъ утра все это кончилось.

Послѣ того, владѣлецъ послалъ кётёчинера къ гелюнгамъ съ приглашеніемъ къ себѣ въ гости; они собрались къ нему въ шесть часовъ утра, и впродолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ были у него угощаемы завтракомъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домбо́ кирпичнаго чаю и безчисленнаго множества блюдъ съ боорцу̀къ-цельвйкомъ, мошкомо́рами и съ медовыми леденцами

Около полуденъ было угощеніе для цѣлаго народа: Калмыки, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, разсѣлись на открытой степи

алеко растянутыми линіями; каждый изъ нихъ разстилалъ передъ обою носовой платокъ и раскладывалъ на немъ куски разносимаго ётёчинерами разварнаго мяса и боорцука; въ отдѣльной кибиткѣ аданъ былъ для гелюнговъ роскошный, въ калмыцкомъ родѣ, обѣдъ. 'ости выпили нѣсколько бочекъ вина, нѣсколько десятковъ бортого рзы и цѣлое море кирпичнаго чаю, кумызу и арьяну.

Лучшими эпизодами этого дня была скачка, ловъ нѣуковъ и, ообенно, единоборство, о которыхъ мы распространимся далѣе.

Въ статьѣ о свадебныхъ обрядахъ, мы упомянули о «галтеахо».

«Галтеахо», или жертвоприношеніе солнцу, совершается вечеромъ 11 числа мѣсяца «Хулгуна», что по нашему календарю приходится въ концѣ сентября, или въ началѣ октября мѣсяца, въ то время, когда Калмыки совершенно уже перекочуютъ на зимовки; самое празднество называется «Галтейлгынъ». Вотъ что разсказываютъ сами Калмыки объ этомъ обрядѣ.

Калмыки почитаютъ небо, солнце и луну за особенные дары милосердія къ людямъ Бурхана-бакши, Творца міра. Солнце оплодотворяетъ и живитъ землю; оно источникъ всего, что для благоденствія человѣка нужно: быть къ нему неблагодарнымъ невозможно — и потому нужно придумать что-нибудь для выраженія ему чувствъ всегдашней къ нему признательности. Но само солнышко отъ насъ далеко; видимый знакъ его, могущій быть въ распоряженіи человѣка — это огонь; и огню, какъ эмблемѣ солнца, Калмыкъ приноситъ жертву отъ своихъ достатковъ.

Для этого, въ каждой семьѣ рѣжутъ лучшаго барана и, при собраніи ближайшихъ родственниковъ, варятъ его, въ кибиткѣ главы семейства, въ большомъ котлѣ. Когда мясо поспѣетъ, то домочадцы, помолившись, раздѣляютъ его на части; потомъ обращаются лицомъ къ бурханамъ и одну часть барана сожигаютъ, совершенно безъ остатка, на томъ же кострѣ, на которомъ варили мясо. Остальныя части раздаются членамъ семьи, изъ которыхъ каждый первый свой кусъ приноситъ въ жертву бурханамъ и возлагаетъ на дееджинъ-цёкцо.

Остатки жертвеннаго мяса съѣдаются только родственниками и однохотонниками: съ постороннимъ человѣкомъ, хотя бы и Калмыкомъ, имъ не дѣлятся.

Каждая частица жертвы, поверженной на дееджинъ-цёкцо, къ ве-

черу, по обыкновенію, снимается, крошится на маленькіе кусочки и съѣдается въ семьѣ.

При празднованіи «галтейлгынъ» совершаются особеннаго рода обряды, о которыхъ мы ничего сообщить не можемъ.

Галтеахó, какъ мы уже имѣли случай прежде замѣтить, кромѣ празднества въ мѣсяцѣ Хулгунá, совершается еще при свадьбахъ: сначала въ хотòнѣ невѣсты, ея родителями, а потомъ въ хотонѣ молодаго, старшими въ его семьѣ.

Бываетъ еще одинаковой торжественности празднество, совершаемое по поводу жертвоприношенія водѣ. Калмыки его называютъ «Уcỳ-такхỳ». Оно производится въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ сельцѣ Тюмéневкѣ, на островѣ, образуемомъ èриками и западною своею стороной примыкающемъ къ Волгѣ.

За нѣсколько недѣль до празднества «Усỳ-такхỳ», именно въ послѣднихъ числахъ августа, при рѣкѣ происходитъ торжественное религіозное служеніе, называемое «Усỳнъ-Аршàнъ» [1], послѣ котораго каждый добрый Калмыкъ приходитъ на берегъ, дѣлаетъ три земные поклона, зачерпываетъ пригоршней изъ рѣки воду и вкушаетъ ее.

Подъ тотъ же разрядъ торжественныхъ богослуженій надо отнести и молитвословіе, совершаемое для умилостивленія высшаго существа при какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ, напримѣръ особенно-губительныхъ болѣзняхъ, моровыхъ язвахъ или другихъ такихъ народныхъ бѣдствіяхъ (скотскій падежъ сюда не относится). Это Калмыки называютъ «йемергюлькё». Совершая при этихъ случаяхъ служенія, гелюнги выносятъ изъ хурула бурхановъ и съ пѣніемъ и музыкой обносятъ ихъ кругомъ ставки.

Всѣ поименованныя выше моленія совершаются безъ ущерба карманамъ молельщиковъ, безъ особенной платы гелюнгамъ; но еслибъ частный человѣкъ пожелалъ отпраздновать праздникъ у себя въ хотòнѣ, онъ можетъ пригласить къ себѣ гелюнговъ по своему усмотрѣнію, даже перевезти въ хотонъ, на время моленія, цѣлый хурулъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ и всѣ издержки принять на себя и сдѣлать каждому жрецу приличное вознагражденіе.

Если войдти внутрь хурула, или выстроеннаго особымъ зданіемъ, или помѣщеннаго въ кибиткѣ, то убранство его представляется въ слѣдующемъ видѣ.

[1] Палласъ, «Nachrichten üb. d. mong. Völk.» B. II, S. 203.

Прямо противъ входа стоитъ столикъ съ литыми изображеніями бурхановъ, а предъ ними, на столикѣ, серебряныя чашечки съ жертвенными куреніями и жертвоприношеніями; въ разныхъ мѣстахъ, на столикѣ же, помѣщены живые или высушенные цвѣты и павлиныя перья [5].

Около бурхановъ развѣшаны живописныя изображенія изъ буддійской миѳологіи Сверху надъ бурханами опущенъ небольшой роскошно-убранный пологъ и развѣшаны разноцвѣтныя матеріи въ видѣ занавѣсовъ. Разумѣется, въ хурульныхъ кибиткахъ убранство хотя и роскошно, однакожъ далеко уступаетъ возможному въ степи великолѣпію не походнаго, а однажды навсегда выстроеннаго капища, каковы, напримѣръ, на Калмыцкомъ-Базарѣ, или въ о. Тюменевкѣ.

У входа въ кибитку, съ правой стороны у дверей, мѣсто гебкё, наблюдающаго за порядкомъ, подающаго знакъ къ моленіямъ и начинающаго каждое пѣніе, за которымъ слѣдятъ уже остальные гелюнги.

Вдоль кибитки, отъ дверей до бурханнаго столика, разстилаются двѣ узкія полосы ковровъ, служащихъ для возсѣданія гелюнговъ, передъ которыми стоятъ длинные, но низкіе и узкіе столы, для возложенія на нихъ музыкальныхъ инструментовъ и книгъ.

Гелюнги садятся на свои мѣста двумя продольными линіями и моленіе свое совершаютъ или однимъ пѣніемъ, или пѣніемъ, сопровождающимся цѣлымъ оркестромъ разнородныхъ инструментовъ

Гелюнги одѣваются въ желтыя или красныя полукафтанья, сверхъ которыхъ накидываютъ красныя мантіи. На выбритыхъ до-гола головахъ они обыкновенно носятъ низенькія шапки, въ родѣ токовъ съ коротенькими полями; верхъ у шапки желтый, подбой полей—красный Въ хурулахъ шапки эти непремѣнно снимаются. Кромѣ длиннаго, почти до пятъ, полукафтанья, гелюнги никакого нижняго платья не носятъ.

При торжественномъ богослуженіи, гелюнги надѣваютъ высокіе желтые и надвинутые напередъ шерстяные калпаки, по формѣ имѣющіе нѣкоторое сходство съ башлыками нашихъ горцевъ и бедуиновъ, только безъ нижнихъ лопастей; задъ у шапки, по шву, оторачивается во всю длину краснымъ шерстянымъ гребнемъ. Въ такой шапкѣ всегда бываетъ гебкё, надѣвающій, кромѣ-того, на себя длинную красную мантію, поверхъ которой, съ праваго плеча, спускается длинная узкая лента, черезъ всю спину, до самаго пола.

Гелюнги, иногда, вмѣсто гребневыхъ шапокъ, надѣваютъ на себя

[5] Палласъ, ibid., II, 152.

особаго вида богато-украшенныя повязки, нѣсколько схожія съ кокошниками, но складные на пять частей. Къ повязкамъ этимъ, обхватывающимъ голову отъ самаго лба до затылка, съ внутренней стороны прикрѣпляется особый парикъ, сдѣланный изъ конскихъ волосъ, которые спускаются на спину гелюнга, заплетенные косой

Жрецы сидятъ въ хурулѣ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, которое сохраняетъ и каждый изъ молящихся.

Въ хурулъ никто не можетъ войдти съ лѣвой стороны, но долженъ обойдти всѣ хурульныя кибитки кругомъ, отъ лѣвой стороны къ правой, и достигнувъ дверей главной кибитки съ правой стороны, снять шапку, сдѣлать земной поклонъ, воздѣвъ руки къ небу и прикоснувшись ими до земли, потомъ дотронуться до верхней перекладины у двери и тогда уже, съ непокровенной головой, переступить порогъ. Калмыки молятся въ хурулѣ стоя и дѣлая по временамъ земные поклоны. Изъ хурула выходятъ обратившись лицомъ къ бурханному столу, а отнюдь не тыломъ. Калмыки съ радушіемъ и весьма охотно дозволяютъ постороннимъ удовлетворять любопытство, касательно осмотра ихъ кумирень и присутствованія при богослуженіи.

Въ жертву бурханамъ дозволяется приносить все, кромѣ конины и вина; но всѣ поступающіе бурханамъ припасы, чай, масло, молоко, обыкновенное и въ родѣ сметаны, вареное мясо, шюйрмыкъ и прочее, простоявъ передъ бурханами опредѣленное время, поступаютъ въ дѣлежку жрецамъ, которые ихъ и пожираютъ.

—

XVIII.

Музыка, пѣніе, танцы, пѣсни, сказки.

Музыка у Калмыковъ двоякая — духовная и домашняя.

Инструменты, употребляемые въ хурулахъ, при богослуженіи, суть: 1) раковина, изъ которой гелюнгъ выдуваетъ только одну ноту; 2) колокольчики, 3) мѣдныя тарелки, 4) небольшаго размѣра духовые инструменты, мѣдныя трубы и рога, 5) огромныя длинныя мѣдныя трубы и 6) ручныя литавры, которыя прикрѣпляютъ къ небольшому упирающемся въ землю шесту и въ которыя колотятъ закривленною барабаною палкою, имѣющею форму вопросительнаго знака.

Этотъ оркестръ довольно оглушителенъ, когда гелюнги, аккомпанируя своему пѣнію, не соблюдая постепеннаго crescendo, вдругъ перейдутъ въ fortissimo; но вообще говоря, онъ нелишенъ нѣкоторой пріятности, хотя на первый разъ дѣйствительно и поразителенъ, по дикости звуковъ.

Гелюнги невсегда однако жь поютъ вмѣстѣ съ оркестромъ; есть много случаевъ, когда ни трубы, ни литавры вовсе не употребляются. Гелюнги поютъ унисонныя партіи довольно согласно, и преобладающіе надъ цѣлымъ хоромъ басы придаютъ пѣнію ихъ особенную торжественность.

Гелюнги учатся пѣть по нотамъ, которыя пишутся у нихъ особыми условными знаками, въ родѣ старинныхъ нашихъ настоящихъ крюковыхъ нотъ. Въ пѣніи ихъ многое оскорбительно для уха, привыкшаго къ европейской музыкѣ, и оскорбительно именно въ отношеніи инструментовки; что́ жь касается до самой мелодіи, то есть вещи совершенно безцвѣтныя, но зато есть и такія піесы, которыя исполнены замѣчательныхъ красотъ и проникнуты торжественною простотою. Нечего и говорить, что обработанныхъ голосовъ и того искусства, какое существуетъ у насъ, мы напрасно стали бы искать у калмыцкихъ хористовъ: понятіе объ изящномъ у нихъ свое, особенное.

Инструменты, употребляемые Калмыками въ домашнемъ быту, суть: 1) обыкновенная двухструнная балалайка, «думбуръ»; 2) инструментъ, нѣсколько схожій съ нашею скрипкою, и называемый «хуръ»,

на которомъ играютъ посредствомъ смычка же, 3) «Ятга», гусли съ металлическими струнами, расположенными каждая на особой подставкѣ; у этого инструмента нѣтъ ни ладовъ, ни колковъ для натягиванія струнъ, которыя музыкантъ перебираетъ пальцами, вооружаемыми особенными стальными зацѣпками.

Пѣніе народныхъ пѣсень у Калмыковъ чрезвычайно непріятно, во-первыхъ потому, что мелодія и своеобразный темпъ ихъ напѣвовъ не такого рода, чтобы могли нравиться не-Калмыку, а во-вторыхъ и потому, что Калмыки поютъ безъ всякаго склада, всѣ врозь: пѣть пѣсни они большіе охотники, но къ доброгласію и гармоніи не имѣютъ рѣшительно никакого уваженія. Но все-таки нельзя не сказать, что намъ доводилось слышать пѣсенки съ очень миленькимъ мотивомъ. Не будучи спеціальными знатоками этого дѣла, мы считаемъ себя невправѣ много распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ.

Въ калмыцкой пляскѣ принимаютъ участіе и мужчины и женщины; пляшутъ поочередно, или одинъ мужчина, или одна женщина, или оба вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ они за руки не берутся, а каждый занимается своимъ дѣломъ самъ по себѣ.

Позы и движенія танцующихъ одинаковы, какъ у мужчины, такъ и у женщины, съ тою разницею, что женщина танцуетъ медленнѣе, чѣмъ мужчина. Пляска ея состоитъ изъ легкихъ, плавныхъ движеній и разныхъ жестовъ, выражающихъ обращеніе къ степи, восхищеніе красотами природы, и выжиданіе дорогаго гостя Мужчины танцуютъ удалѣе, движенія ихъ быстры; легкое подергиваніе плечами, размахиваніе руками и едва замѣтное переступаніе съ одного мѣста на другое прерывается быстрымъ поворотомъ въ противоположную сторону, подбочениваньемъ и горделивымъ озираніемъ присутствующихъ. Отличіе калмыцкой пляски отъ плясокъ другихъ кочевыхъ племенъ заключается въ томъ, что у Калмыковъ допускается родъ пируэтовъ, или быстрыхъ повертываній, чего ни у Татаръ, ни у Киргизовъ не бываетъ, что участіе женщины придаетъ всѣмъ движеніямъ танцующихъ особенную граціозность, и что вообще въ этой пляскѣ есть доступное для пониманія постороннимъ значеніе, тогда какъ при наблюденіи за скачками Башкирцовъ и Киргизовъ нельзя добиться толку, изъ-за чего человѣкъ хлопочетъ, стараясь разными кривляньями стряхнуть съ себя неповоротливость и неуклюжесть. Эту

особенность нѣкоторые Калмыки успѣли частью усвоить и себѣ, отъ близкаго сосѣдства съ мухаммеданами.

Пѣсни у Калмыковъ вертятся около одного предмета — обширной степи, статнаго коня и милаго юноши. Иногда въ пѣсняхъ вовсе не говорится о человѣкѣ прямо, но воспѣвается одинъ конь, съ прибавкою, что онъ былъ съ такимъ-то тавромъ; это уже служитъ намекомъ и на улусъ, и на родъ, а иногда и на самое лицо героя пѣсни. Калмыки мастера импровизировать, и поэтому вѣчно поютъ пѣсни собственнаго сочиненія, неслишкомъ заботясь ни о формѣ, ни о содержаніи, а довольствуясь только тѣмъ, что есть что̀ промурлыкать отъ скуки.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ давнихъ калмыцкихъ пѣсень; буквальный переводъ ея сдѣланъ однимъ астраханскимъ старикомъ мѣщаниномъ, совершенно окалмычившимся, вслѣдствіе постояннаго жительства въ улусѣ.

«Ѣдутъ степью парень съ дѣвкой, оба стрѣлой мчатся на уда-«лыхъ коняхъ. Дѣвка хвалитъ коня, проситъ: конь ты мой гнѣдой, «дорогой мой, милый! вытянись въ рукавъ, прибавь бѣгу, мчись «быстрѣй, донеси меня къ хото̀ну до заката солнца.»

«Молодецъ коня ласкаетъ, гладитъ его, хвалитъ: рѣзвый конь «мой, бѣлый конь мой, не пряди ушами, ничего не бойся; полети «стрѣлой летучей, догони дѣвицу; загони ее для шутки къ дрему-«чему лѣсу на рѣкѣ Иргизѣ.»

У Калмыковъ есть еще цѣлыя поэмы, называемыя «джа́нгеръ,» слагаемыя изъ нѣсколькихъ большихъ пѣсенъ, изъ которыхъ каждая представляетъ отдѣльное цѣлое. Онѣ бываютъ такихъ огромныхъ размѣровъ, что на пересказъ ихъ надо употребить нѣсколько сутокъ. Джангеры сохраняются не на письмѣ, а передаются пѣвцами изъ рода въ родъ, въ потомство, изустно. Ихъ или распѣваютъ, сопровождая слова акомпаньементомъ балалайки или гуслей, или разсказываютъ просто, какъ исторію. Въ первомъ случаѣ пѣвцы называются «джангерчи», а простые разскащики именуются «туульчи». И джангерчи и туульчи суть странствующіе поэты, пожилые люди, скитающіеся изъ улуса въ-улусъ и передающіе свои сказанія богатымъ людямъ, по вечерамъ, и зимой и лѣтомъ.

Въ бытность мою у Калмыковъ, мнѣ не удалось удовлетворить необходимости записать эти джангеры, потому-что въ это время не

было въ томъ мѣстѣ, гдѣ я жилъ, ни одного странствующаго поэта, а незнаніе языка и безъ того лишало меня возможности хорошо усвоить себѣ калмыцкія поэмы, тѣмъ болѣе, что приглашенный много переводчикъ невполнѣ соотвѣтствовалъ условіямъ, необходимымъ при занятіяхъ такого рода. Извѣстно впрочемъ, что лучшіе знатоки всего касающагося до быта Калмыковъ, профессоры казанскаго университета, г. г. Ковалевскій и Поповъ, имѣютъ уже у себя писанные джангеры Въ одномъ изъ джангеровъ передаются сказанія о томъ, какъ Хо-Урлюкъ посылалъ соглядатаевъ и передовыхъ для рекогносцировки мѣстностей по рѣкамъ Эмбѣ, Яику Волгѣ, и какъ Калмыки изъ-за Алтая сюда перекочевывали [1].

Къ произведеніямъ калмыцкаго воображенія надо отнести, кромѣ джангеровъ, и сказки негероическаго содержанія.

—

[1] Эти соглядатаи водились не у однихъ Калмыковъ, но были и у Киргизовъ; при перекочевкахъ сихъ послѣднихъ донынѣ употребляются передовые дозорщики. И наши крестьяне, когда задумаютъ переселиться въ многоземельныя губерніи, тоже предварительно посылаютъ отъ себя агентовъ, для осмотра мѣстностей и всѣхъ угодій.

XIX.

Игры.

У Калмыковъ игры бываютъ или такія, которыми забавляются круглый годъ, или такія, которыя присвоены опредѣленному времени года, напримѣръ веснѣ, лѣту, или, наконецъ, такія, въ которыя играютъ при извѣстныхъ только случаяхъ, каковы напримѣръ свадебныя.

Собственно весеннихъ игоръ только двѣ:

1) «Сааха́-кюрыгюкю» или «игра дойными овцами». Въ эту игру играютъ въ то время, какъ только сойдетъ снѣгъ, станетъ пробиваться первая зелень, Калмыки начнутъ трогаться съ зимняго кочевья, и настанетъ время доить овецъ.

Когда Калмыкъ одного хото́на прослышитъ, что сосѣдъ его изъ другаго, ближняго хото̀на началъ доить овецъ, то пріѣзжаетъ къ нему въ гости и, въ извѣстныхъ фразахъ, поздравляетъ его съ благополучнымъ увеличеніемъ его скотоводнаго хозяйства. Эта форменность, по народнымъ обычаямъ, должна служить извѣщеніемъ, что поздравитель съ этого же дня самъ начнетъ доить овецъ и что онъ вызываетъ своего пріятеля сыграть съ нимъ въ «сааха̀-кюрьгюкю».

Игра состоитъ въ томъ, чтобъ перемѣшать своихъ овецъ съ чужими, то-есть загнать своихъ дойныхъ овецъ въ чужое стадо дойныхъ же овецъ, или, другими словами, одурачить пріятеля, доказавъ на дѣлѣ его недальновидность и нехозяйственность.

Чтобъ понять все остроуміе этой игры и трудность главной задачи, надобно замѣтить, что завладѣть чужими овцами на степи, при колодцахъ, во-время пастбища, нѣтъ никакой возможности: каждый пастухъ зорко караулитъ свое стадо, а предоувѣдомленный о шуткѣ хозяинъ и еще того больше блюдетъ за каждымъ шагомъ овецъ, слѣдовательно, скрыть свои маневры противъ него—играющему нельзя.

Всѣ овцы, какъ мы еще сначала замѣтили, на ночь загоняются въ хотонъ и тамъ запираются, а дойныя, требующія за собою болѣе дѣятельнаго ухода и призора, помѣщаются въ особомъ отдѣленіи общаго хото̀на. Слѣдовательно, и тутъ очепь трудно хозяйничать въ чужомъ дому и дѣлать съ овцами что̀ нужно, тѣмъ болѣе, что все это должно произойдти почти подъ самымъ ухомъ Калмыка-

сосѣда, поелику загонъ, если читатель припомнитъ, огибаетъ кибитку особой рѣшоткой, которая, начинаясь отъ дверей ея, доходитъ до того мѣста, гдѣ, внутри кибитки, стоитъ калмыцкая кровать.

Смѣшеніе своихъ овецъ съ чужими игрокъ производитъ глухою ночью, въ надеждѣ на собственное искусство и на сонливость противника. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобъ снять «шитыимъ», то есть рѣшотку, у того мѣста общей изгороди хотона, гдѣ помѣщены у сосѣда дойныя овцы, не выпустить ихъ вонъ, и вогнать къ нимъ нѣсколько головъ своихъ дойныхъ овецъ.

Если хозяинъ не спитъ, то схватываетъ непріятеля и наказываетъ тѣмъ, что, посадивъ его на лошадь, лицомъ къ хвосту, везетъ его съ безчестьемъ восвояси, а на слѣдующій день беретъ съ него, въ магарычи, маленькое угощеніе.

Если же хозяинъ проспитъ, то успѣвшій сыграть съ нимъ шутку, задѣлываетъ рѣшотку попрежнему, скрывается, и назавтра, явившись къ нему днемъ, указываетъ ему на своихъ овецъ, которыхъ тотъ, при спѣшности дѣла и по случаю водопойныхъ трудовъ для табуна, не успѣлъ запримѣтить, доказываетъ этимъ свой выигрышъ, и затѣмъ весь дойный скотъ, и свой и своего противника, угоняетъ къ себѣ.

Проигравшій хозяинъ ѣдетъ къ нему съ повинной головой и выкупаетъ свое добро разными подарками и пріятельскимъ угощеніемъ.

Эта игра самая любимая въ народѣ и совершенно выражаетъ собою его наклонности; въ ней принимаютъ участіе не молодежь, но Калмыки, достигшіе уже солидныхъ лѣтъ.

2) «Цагàнъ-наады́нъ» или «Цагàнъ-мóдунъ», «бѣлая игра».

Весной, когда скотъ линяетъ, собирается народъ, молодые мужчины, дѣвушки и молодыя женщины, и раздѣляются на двѣ партіи, каждая подъ предводительствомъ особаго старшаго. Предводители эти навертываютъ вылезшую изъ коровъ, и непремѣнно бѣлую, шерсть на камышекъ и дѣлаютъ мячъ; потомъ àльчиками, бабками, бросаютъ жеребій, кому первому бросать мячикъ?

Въ эту игру играютъ въ лунныя ночи, и партіи раздѣляются поровну: напримѣръ, въ одной шесть мужчинъ и шесть женщинъ, столько же того и другаго пола набирается и для другой партіи.

Мячъ, въ виду всѣхъ, закидываютъ въ степь, и противная партія

кидается его отыскивать. Если кто-нибудь одинъ найдетъ мячъ, то онъ составляетъ выигрышъ цѣлой партіи, которая съ торжествомъ возвращается на мѣсто; но прежде-чѣмъ она дойдетъ до извѣстной черты, составляющей границу полнаго пользованія правами выигрыша, противная партія кидается на первую, и не зная, у кого мячикъ въ рукахъ, старается отыскать и отнять его. Мужчины бросаются на женщинъ, женщины на мужчинъ, другъ-друга ошариваютъ, другъ у друга отнимаютъ ожидаемую находку — хохотъ и веселые крики не унимаются ни на минуту. Чтобъ которая-нибудь партія осталась полною побѣдительницею, нужно, чтобъ она шесть разъ сряду отыскала мячъ и удержала его въ своемъ владѣніи.

Выигрышные призы назначаются заранѣе и состоятъ или изъ рѣзанной кобылы, или изъ десятка барановъ, или полубоченка вина: проигрышъ строго взыскивается и весело дѣлится за общей трапезой побѣдителей.

Игра эта продолжается цѣлую ночь; иногда въ ней участвуетъ чуть не цѣлый улусъ; на угощенье съѣзжаются гости верстъ за пятьдесятъ; охотниковъ поиграть въ эту старинную національную калмыцкую игру стекается множество, какъ по-поводу веселой пирушки, которою игра заканчивается, такъ и потому особенно, что тутъ молодымъ людямъ предоставляется полное удобство разыграть, можетъ-быть, давно начатый романъ какою-нибудь развязкою. Въ то время, когда мячъ закинутъ, партія разбивается и за мячикомъ бросаются всѣ врознь.

Обѣ весеннія игры, здѣсь поименованныя, имѣютъ у Калмыковъ значеніе благодарственнаго веселія за благополучно-протекшую часть года.

Въ «Цагáнъ-мóдунъ» играютъ иногда и осенью; тогда за недостаткомъ мягкой бѣлой шерсти, вмѣсто мячика, употребляютъ небольшой обрубокъ дерева, добѣла очищеннаго отъ коры и грязи. Лунныя ночи избираются потому, что въ безлунныя—играть темно, а днемъ некогда: народу — не до игры.

Чисто-свадебныхъ игоръ только три: онѣ совершаются именно въ то время, когда, при возвращеніи новобрачныхъ въ хотóнъ мужа, въ котлѣ варится баранъ, для совершенія «галтеахо», жертвоприношенія огню.

Первая игра состоитъ въ томъ, что овчину съ того барана,

который варится, слегка надрѣзываютъ съ одного края, просовываютъ подъ дверьми и тянутъ: молодые люди съ жениховой стороны въ одну сторону, а приглашенные невѣстой—въ другую; одна партія помѣщается внутри кибитки, другая внѣ ея. Та сторона, которая надорветъ овчину, и отъ усилія при перетягиваніи попадаетъ на-земь — признаётся проигравшею и обязуется на слѣдующій день заплатить долгъ радушнымъ угощеніемъ выигравшей сторонѣ.

Другая игра заключается въ томъ, что гости новобрачныхъ, раздѣлившись на двѣ партіи, партію молодаго и партію молодой, выбираютъ себѣ въ представители ловкихъ молодцовъ, которые, бросивъ áльчиками жеребій, кому нàчать, приступаютъ къ игрѣ. Берутъ баранью голову и норовятъ такъ ее вскинуть кверху, чтобъ голова эта, проскочивъ черезъ «цагрыкъ», вылетѣла вонъ изъ кибитки и упала бы у самыхъ дверей. Сначала бросаетъ одинъ выборный представитель, потомъ другой, и чередуются между-собой до-тѣхъ-поръ, пока удачный бросокъ котораго-нибудь изъ нихъ, не подкинетъ баранью голову черезъ верхнее отверзтіе кибитки къ порогу дверей.

Третья игра такого же рода: въ ней нужно съ одного взмаха вырубить огнивомъ огонь и зажечь трутъ. Кажется—и пустая штука: но или отъ торопливости, или отъ излишней заботливости и приноравливанья огонь не дается; хохоту и шуткамъ конца не бываетъ; всѣмъ весело — стало-быть, цѣль игры достигнута.

Обыкновенныя игры, которыми молодые люди забавляются лѣтомъ — многочисленны; но такъ-какъ въ національныхъ играхъ выражаются самые тонкія черты народнаго быта, то мы, вѣроятно, не злоупотребимъ вниманіе читателя, если ознакомимъ его съ тѣмъ, съ чѣмъ сами ознакомились.

1) «Кюпцѝкъ-хайхá», «подушку бросать». — Эта игра состоитъ въ томъ, что собирается молодежь, и мужчины, и женщины, иногда человѣкъ сорокъ, садятся въ кружокъ, на открытой степи, другъ отъ друга на сажень — и перекидываютъ отъ одного къ другому сѣдѣльную кожаную подушку. Одинъ изъ участниковъ въ игрѣ, обходя цѣлый кругъ, долженъ ее поймать. Если онъ отниметъ ее у кого-нибудь изъ сидящихъ, то неумѣвшій крѣпко держать и выпустившій подушку изъ рукъ, долженъ занять его мѣсто и въ свою очередь ловить подушку. Стало-быть, это нѣчто въ родѣ нашей «игры въ жгуты».

2) «Юргè-занхó», «рожу кривить.» При этой игрѣ молодые люди садятся въ кружокъ, и соблюдая тишину, безмолвіе и серьозное выраженіе лица, должны по-очереди дѣлать подмаргиванье и разныя гримасы. Тотъ, къ кому гримаса и подмаргиванье относятся, долженъ повторить на своемъ лицѣ ту же самую штуку, и обратившись къ третьему, подморгнуть ему глазомъ и скривить лицо: тàкъ игра отъ одного къ другому и передается. Кто разсмѣется — съ того берутъ фантъ, и фантъ этотъ, за каждое отдѣльное лицо, выкупается цѣлой партіей, на которыя всегда играющіе Калмыки раздѣляются. Выкупъ дѣлается не поцалуями, а питьемъ или яствами, или какой-нибудь забавной продѣлкой. Имена тѣхъ, кто проигрываетъ фантъ, записываются особо, для полнаго счета всѣхъ проигравшихъ и отдѣльныхъ ихъ между-собой разсчетовъ.

3) «Бисе-оркхó» «кушакъ класть». Играющіе садятся въ пестрый кружокъ и прячутъ дѣвичій нанковый кушакъ: кто кушакъ отыщетъ, тотъ заставляетъ виноватаго проговорить скороговоркой сказанныя имъ, тоже скороговоркой, слова. Несъумѣвшій три раза сряду повторить заданную фразу проигрываетъ фантъ, и кромѣ-того, лично подвергается наказанію: его крѣпко колотятъ скрученнымъ въ жгутъ кушакомъ, и общій хохотъ осмѣетъ того вдвое, кто скажетъ, что ему больно. Разумѣется, что во все продолженіе игры, смѣхъ и хохотъ не перестаютъ ни на минуту. Калмыцкія скороговорки сочиняются иногда нарочно досужими шалунами, и будучи, по бóльшей части, букетомъ галиматьи и ахинèи, имѣютъ претензію на остроуміе и ловкое двусмысліе, въ родѣ каламбура.

4) «Бултыджѝ-наадхó», «прятки». Молодежь раздѣляется на двѣ смѣшанныя, но ровныя партіи: одна прячется въ разсыпную, куда ни попало, и около худуковъ, и въ ложбинки, и въ ямины, скрывается между песчаными буграми, либо въ густую траву; другая партія, тоже разбившись врознь, ищетъ ее, и въ свою очередь сама послѣ прячется.

5) «Орòсъ-текè», «козелъ». Собирается молодежь въ степи, подальше отъ стариковъ, потому-что старики неблагопріятно на эту игру смотрятъ. Одинъ изъ участвующихъ беретъ въ руки балалайку и подъ звуки ея танцуетъ. Для «козла» сочинена особенная плясовая музыка, а самый танецъ представляетъ смѣсь смѣшныхъ скачковъ, забавныхъ тѣлодвиженій и уморительнаго гримасничанья.

Игра состоитъ въ томъ, что танцующій бодается, то-есть, колотитъ головой присутствующихъ и въ грудь, и въ спину, и куда попало; тѣ, чтобъ избавиться отъ его ударовъ, откупаются, отдавая плясуну шапку. Когда онъ шапки ото всѣхъ поотберетъ, то ставитъ ихъ передъ одною изъ участвующихъ въ игрѣ дѣвицъ и потомъ, вмѣстѣ съ нею, выбираетъ изъ фантовъ двѣ шапки, мужскую и женскую: чьи вынутся — тѣ должны три раза поцаловаться при всѣхъ въ губы. Нужно чмокнуться звонче — иначе поцалуй не въ поцалуй.

6) «Инеельдыкѐ», «смѣшки», также, какъ и «оросъ-тѐкѐ», играется не при старикахъ, потому-что цѣль игры—тоже поцалуи. Цаловаться публично, при народѣ, у Калмыковъ считается за величайшій стыдъ, и если родители увидятъ подобное нѣжничанье, они, какъ говорится технически, «запорютъ плетью» и красавицу и юношу. Эти двѣ игры новѣйшаго изобрѣтенія. Для игры «инеельдыкѐ», молодые люди собираются въ особую кибитку; мужчина, подъ музыку, отыскиваетъ кольцо, спрятанное женщиной, или наоборотъ; кто прячетъ, тотъ и играетъ на балалайкѣ. Отыскавшій кольцо три раза цалуетъ прятальщика. Игра эта перенята отъ Русскихъ.

7) «Бильцыкъ-бултулхо», «перстень прятать». Обѣ эти игры почти то же, что и наше «колечко» или «веревочка»; разница въ томъ, что у Калмыковъ кольцо прячутъ, не употребляя снурка, и что у нихъ, при этой игрѣ, нельзя ни разговаривать, ни гримасничать, ни улыбаться.

8) «Цаганъ-темѐнъ» — игра ребятишекъ. Они становятся гуськомъ, держа другъ-друга за полы. На нихъ нападаетъ играющій и старается кого-нибудь поймать. Изловленный замѣняетъ того, кто его поймалъ. Передній въ общей линіи защищаетъ цѣлый рядъ отъ нападеній довольно-забавными маневрами.

9) Есть еще игра безъ названія, состоящая въ томъ, что вбиваютъ въ землю небольшой колышекъ и приглашаютъ около него кого-нибудь кружиться въ лѣвую сторону такимъ-образомъ, что держась за колышекъ правой рукой и, стало-быть, наклонившись къ нему, вызвавшійся долженъ лѣвой рукой схватить себя, изъ-подъ правой руки, за правое ухо. Если непривычный человѣкъ сдѣлаетъ только два поворота и потомъ, выпрямившись, захочетъ пройдти прямо, то приливъ крови къ головѣ бываетъ такъ силенъ, что въ ушахъ звонитъ

страшно, новичка такъ и качаетъ изъ стороны въ сторону и онъ на третьемъ, много на четвертомъ шагу непремѣнно свалится съ ногъ; а изъ Калмыковъ выдаются такіе мастера, что для нихъ и пятьшесть поворотовъ не закружатъ головы.

10) «Чагырда́,» или наша чехарда́ есть старинная національная калмыцкая игра. Въ ней играющіе, одни взрослые мужчины, раздѣляются на двѣ стороны и играютъ на большіе выигрыши.

Калмыки научились играть и въ карты, и начало этой наукѣ положено было первоначально въ мочага́хъ, въ кочевьяхъ бѣднѣйшихъ калмыцкихъ семей; учителями явились ловцы, рыбаки, рыболовы «подрядные», то есть, работники нанятые на промысла́ и на ватаги, и «эмбенцы», то есть люди, для самихъ себя ловящіе рыбу въ тѣхъ частяхъ Каспійскаго-моря, которыя не составляютъ права собственности частныхъ людей.

Калмыки переняли отъ насъ слѣдующія игры.

1) «Горькé», или «гойрю́къ»—«горевать», есть русская «горка»: они играютъ ее въ четыре карты; перенявъ «хлюстъ» и прочія тонкости этой игры, они, вѣроятно, не справились съ нѣкоторыми другими мудростями, и потому не знаютъ ни «бардадыма», ни «фа́льки».

2) «Хара̀ алѝ цага́нъ?» «чорная или бѣлая» — это нашъ« банкъ».

3) «Гурбу́нъ-цаасынъ», «три бумажки» — наши «три листа».

4) «Говдыкъ», «жадность», играется семью картами. Всѣ эти игры безкозырныя; изъ коммерческихъ игоръ Калмыкъ знаетъ только

5) «Марья̀» — старинный, забытый уже «марьяжъ».

Лучшею забавою и самою любимою игрой для всѣхъ Калмыковъ считается шахматная игра, называемая «шатыръ». Разница калмыцкаго шахмата отъ общепринятаго въ Европѣ состоитъ въ томъ, что кликомъ «шахъ!» остерегаютъ только хана; другимъ шашкамъ не говорятъ ничего. Слово «матъ» у Калмыковъ осталось неизмѣннымъ, а вмѣсто «шахъ!» они кричатъ «чит-ша́!» Названія шашекъ слѣдующія: «ханъ»; «берьсынъ»—визирь; «темёнъ», «верблюдъ»—то что у насъ слонъ; «тергѝнъ», по русски «обозъ»—наша лодка; «кюбю́нъ», «мальчикъ», у насъ пѣшка. Въ отличіе отъ нашей игры, у Калмыковъ случается такъ, что если у одной стороны истребится вся сила и останется одинъ ханъ на полѣ—то игра все-таки продолжается. Если противникъ, преслѣдуя его, не захочетъ

сдѣлать прямаго «шахъ и матъ!» или, не съумѣвъ сдѣлать дѣла, съ горяча, не дастъ хану дороги и запретъ ему ходъ, то такая игра считается «игрой въ ничью» и называется «джитъ.»

«Наръ» есть игра въ которую играютъ мужчины двумя простыми деревянными кубиками на разлинованной доскѣ; она вовсе непохожа на наши шашки и имѣетъ свои особенности.

Въ одинаковой степени съ шахматомъ, Калмыки пристрастны и къ игрѣ въ кости, «шагá», что Татары зовутъ «ашйкъ», а Русскіе «áльчики» или «лодыжки».

«Шагá», «áльчикъ» есть та кость, бабка, которая находится у барана въ сгибѣ задней ноги. Лодыжка лѣвой задней ноги, удобная для тѣхъ игроковъ, у которыхъ лѣвая рука вѣрнѣе бросаетъ, чѣмъ правая, называется по-русски «лѣвшйкъ», а по калмыцки «альцы-бармя»; въ противоположность ей «правйкъ» называется «тá-бармя»; обѣ безразлично именуются они «сахá», «битка», а то, чтó у насъ называется «конъ» — по калмыцки «юрюкъ».

Въ áльчики играютъ нѣсколькими бабками, и смотря потому, на которую изъ четырехъ своихъ сторонъ лодыжка упадетъ — пересчитываютъ очки. Если áльчикъ упадетъ не на бокъ, то онъ ляжетъ кверху или горбинкой I, или яминкой II; горбинка имѣетъ преимущество предъ яминкой; если àльчикъ на боку, то гладкая сторона III цѣнится дороже, чѣмъ сторона съ выемкой IV.

	У КАЛМЫКОВЪ.	У ТАТАРЪ.	У РУССКИХЪ.		
		Въ приволжьи.	*Въ Астрах. Губ.*	*Въ другихъ мѣс.*	*Въ игрѣ бабками.*
I.	буркё	бюкъ	букъ	гора	жохъ
II.	цохó	шикъ	жикъ	яма	ничка
III.	та	тахàнъ	тагàнъ	быкъ	плоцка
IV.	альцà	альчà	àльчикъ	сакъ	плоцка

Альчики выбрасываются въ конъ поштучно, двумя пальцами, но съ такою силою, что они на полётѣ быстро кружатся, разбиваютъ правильность кона и сшибаютъ съ него другіе àльчики. Перебрасываніе áльчиками разнообразно; Калмыки играютъ въ нихъ на парй, на чай, на калачъ, на водку и на чистыя деньги.

Самыя азардныя àльчиками игры, въ которыя играютъ только мужчины и въ которыя они проматываютъ иногда все свое состояніе,

называются первая – «шагылдзаха́», вторая «джімикъ-цекю» и третья «дюрбюнъ-шага́» (татарское «дюрт-ашікъ.)»

Игры, въ которыя играютъ а́льчиками одни мужчины, для простой забавы, суть «бюкю-цохо́-олулуцхо́» и «горубу-булаалдыхо́».

Женщины играютъ въ а́льчики или однѣ, или вмѣстѣ съ мужчинами; эти игры, носятъ названіе «олкцха́,» «зу-нейрмхо́», «бакы-хаха́» и «хаанцхо́».

Въ послѣднюю игру играютъ трое, или однѣ женщины, или одни мужчины, но чаще въ перемежку, мужчины съ женщиной. Всѣ они мечутъ а́льчиками, и у кого, послѣ нѣсколькихъ перекидокъ, выпадетъ буркё или первый нумеръ, тотъ называется ханомъ. Двое оставшихся снова перекидываются, и тотъ у кого выпадетъ старшій а́льчикъ то есть больше очковъ, называется «эльчи́», а у кого младшій—тотъ дѣлается «кютытъ»: стараются такъ, чтобъ кютытомъ сдѣлать женщину.

Эти три лица, ханъ, эльчи́ и кютытъ, начинаютъ послѣ этого разъигрывать маленькую сцену, въ которой главныя дѣйствующія лица — ханъ, его визирь (или эльчи́, то есть посланникъ) и бѣдный факиръ — кютытъ.

— Эльчи, эльчи, поди сюда! кричитъ ханъ.

— Что́ вы, мой ханъ, прикажете?

— Несчастье случилось: у меня бирючка́ (годовалаго бычка) украли. Поди, сыщи мнѣ пропажу и открой вора, непремѣнно.

Эльчи́ уходитъ и встрѣчается съ кютытомъ. Онъ дѣвушку, разыгрывающую роль кютыта, схватываетъ и, смотря по степени собственнаго умѣнья передразнивать знакомое лицо, болѣе или менѣе продолжительно, болѣе или менѣе занимательно и забавно, производитъ ей допросъ: какъ ее зовутъ? гдѣ была? куда хо́дила? и зачѣмъ бирюка́ украла?

Дѣвушка, на всѣ его вопросы, отвѣчаетъ разными изворотливыми фразами, которыхъ вся сущность заключается въ томъ, что она знать ничего не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ.

Послѣ долгихъ разговоровъ, эльчи́ ловитъ ее на словѣ, сбиваетъ ее въ показаніяхъ и, запутывая все болѣе и болѣе, доводитъ до сознанія въ кражѣ.

— Ты добрый, эльчи, человѣкъ: ты меня пожалѣешь! говоритъ дѣвушка.

— Вотъ еще, стану я тебя даромъ жалѣть!

— Да вѣдь не даромъ: я отъ ханскаго бирючка и тебѣ припасла гостинцу.

— Правда? ну, пойдемъ къ хану: я какъ-нибудь уже скажу повыгоднѣе о твоемъ дѣлѣ! А что̀ ты мнѣ отъ бычка припасла?

— Самый лучшій кусочикъ — и сердце и почки!

— Ну, такъ пойдемъ же.

Эльчи ведетъ кютыта къ хану, и разсказываетъ ему, ка̀къ у него въ улусѣ всѣ счастливы, и ка̀къ, по какому-то, совершенно неожиданному случаю, явился между счастливцами одинъ бѣдный человѣкъ, которому совсѣмъ кушать нечего. Бѣдный человѣкъ бросался и туда и сюда —и все никакъ не могъ достать себѣ обѣдать. Вдругъ, нечаянно попался ему бирючо̀къ и, ни слова не сказавши, что онъ ханскій, самъ напросился бѣднягѣ въ котелъ. Кютытъ соблазнился, зарѣзалъ бычка и съѣлъ, а теперь и самъ ка̀ется, что дурное сдѣлалъ.

Разжалобленный ханъ готовъ простить кютыта; но вдругъ пришло ему на мысль, что не можетъ же человѣкъ разомъ съѣсть бычка. Онъ и спрашиваетъ у эльчи

— Съ кѣмъ же кютытъ подѣлился бычкомъ?

— Онъ самъ, ханъ, все съѣлъ; кой-что̀ осталось, такъ онъ мнѣ подарилъ.

— А спроси-ка его, при мнѣ, что́ кютытъ тебѣ приготовилъ?

— Эльчи для меня важнѣе всѣхъ особъ: я для него сберегла и сердце и почки! отвѣчаетъ снова дѣвушка.

— Славный былъ бюричокъ! А спроси-ка что̀ же кютытъ для меня-то оставилъ, если онъ про тебя не забылъ? говоритъ ханъ.

— Для хана? отвѣчаетъ дѣвушка: — отъ бирючка ничего не осталось.

— Что́! восклицаетъ ханъ: колоти же его, эльчи, хорошенько, да такъ его бей, чтобъ стоны его дошли до моего уха изъ тюрьмы, куда нужно его засадить.

Эльчи приставляетъ ко лбу дѣвушки свой лѣвый кулакъ и бьетъ по немъ кулакомъ правой руки. Дѣвушка вскрикиваетъ.

— Ханъ! ханъ! сонсуу̀? спрашиваетъ хана эльчи, то-есть, что́, хану слышно-ли?

— Ханъ! ханъ сонсуу̀? снова возглашаетъ эльчи, повторяя загвоздки, если ханъ на первый окликъ не отвѣтилъ ни слова.

Если ханъ все молчитъ, то наказанье кютыта повторяется. Сначала эльчи бьетъ дѣвушку по лбу, потомъ начинаетъ тянуть у ней брови; если ханъ, на его вопросы, молчитъ попрежнему, то эльчи теребитъ дѣвушку за губы, дергаетъ за подбородокъ, или тянетъ ее за носъ, при общемъ хохотѣ зрителей.

— Ханъ, ханъ сонсуу̀? каждый разъ кричитъ эльчи.

— Сонсуа̀! то-есть «слышу!» отвѣчаетъ наконецъ ханъ — и тѣмъ комедія кончается.

Вся потѣха заключается въ томъ, что эльчи старается изыскать всѣ средства разсмѣшить зрителей курьозностію наказанія. Народу нравится замѣшательство, въ которое поставлена скромница, и ему весело смотрѣть на всѣ грубыя шутки, которыя эльчи съ ней продѣлываетъ.

Вообще надо сказать, что игра въ а̀льчики бываетъ на пари, «мюрѐ»; проигравшій его покрывается безчестьемъ, если долга не отдастъ. На этотъ предметъ ведется у Калмыковъ поговорка: «шага̀-шатыръ хойря̀нъ — мюрѐ юрдю̀къ йосу̀нъ югѐ», то есть «въ а̀льчики и въ шахматы — на мѣлокъ не играютъ!»

—

XX.

Борьба.

Калмыцкая борьба представляетъ чрезвычайно любопытное явленіе, подобнаго которому мы, въ наши времена, ничего не найдемъ у другихъ, сосѣдственныхъ съ Калмыками племенъ: это очень интересное подобіе древнихъ олимпійскихъ игръ, побѣда на которыхъ вѣнчаетъ побѣдителя славою неомрачимою и быстро разносящеюся по цѣлому калмыцкому міру.

Русскій «свальный бой», съ непремѣнными жестокими побоями, вывихами членовъ, поломомъ костей, съ кровью и ранами, представлялъ, въ прежнія времена, одну дикую картину драки разъяренной черни, картину, оскорбляющую чувства непривычнаго къ тому зрителя. Башкирская перетяга арканами и борьба на кушакахъ замѣчательны только по особенной неизящности и по сходству своему съ медвѣжьею схваткой. Борьба у Киргизовъ, у Татаръ и у Бухарцевъ не представляетъ ничего особенно любопытнаго, кромѣ лишь одного, что Бухарцы борятся полунагіе и вымазываютъ все тѣло масломъ: условія борьбы, манера схватокъ, случайность потѣхи, подготовка къ ней, награды и призы — все это не отличается особенностями, заслуживающими тщательнаго нагляднаго знакомства. Чтó жь касается до борьбы Калмыковъ, тутъ все отъ начала до конца подчинено извѣстнымъ правиламъ и проникнуто торжественностію.

О времени борьбы дается народу знать заранѣе, и весь улусъ раздѣляется на двѣ мнимо-враждебныя партіи: сторону владѣльца и сторону гелюнговъ.

Каждая сторона, секретно одна отъ другой, представляетъ владѣльцу списокъ борцовъ, или пріобрѣтшихъ уже себѣ имя, или впервые вызывающихся на бой, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ двухъ или трехъ представителей родовъ и аймаковъ, для охраненія правъ своихъ борцовъ отъ незаконнаго нарушенія борцами враждебной партіи. Владѣлецъ назначаетъ количество и качество призовъ, опредѣляемыхъ имъ въ награду побѣдителямъ; сообщаетъ списокъ этихъ на-

радъ противной себѣ партіи, и отстраняя отъ себя всякое вмѣшательство въ ея собственныя дѣла, предоставляетъ ей избрать себѣ отдѣльнаго, на все время борьбы, главу, для предводительствованія народомъ и для полнаго распорядка всѣмъ, касающимся до приготовленія и исполненія затѣянной игры.

За тѣмъ каждая партія, условившись, въ какой день борьба должна совершиться, назначаетъ срокъ, къ которому всѣ борцы изъ разныхъ концовъ улуса должны съѣхаться на опредѣленное мѣсто, и день, въ который должно произойти распредѣленіе борцовъ по нумерамъ.

Съѣхавшіеся на репетицію борцы, отдохнувъ съ дороги и собравшись съ силами, испытываютъ сами-себя въ богатырствѣ, вступая въ схватки съ кѣмъ случится, по знакомству или по дружбѣ, и послѣ уже неоднократныхъ опытовъ и убѣжденія въ собственной силѣ, ловкости и проворствѣ, рѣшаются приступить къ генеральной пробѣ.

Генеральная проба у каждой партіи производится въ разныхъ мѣстахъ, и каждая посылаетъ шпіоновъ, мужчинъ или женщинъ, подсмотрѣть всѣ движенія противниковъ и вызнать имена людей, успѣвшихъ занять видныя мѣста въ спискѣ первыхъ борцовъ противной стороны.

На генеральной пробѣ борются борцы одной и той же партіи между собою; поборовшій одного товарища вступаетъ въ новую борьбу съ другимъ борцомъ; кто въ этой борьбѣ останется побѣдителемъ, тотъ вступаетъ въ третью борьбу съ лицомъ, равномѣрно одержавшимъ побѣду послѣ схватокъ съ нѣсколькими же борцами. Перебариванье производится нѣсколько разъ, и тотъ Калмыкъ, который переборетъ всѣхъ борцовъ своей партіи, получаетъ первый нумеръ и въ спискѣ состоитъ первымъ, и по силѣ, и по ловкости, и по проворству. Послѣдній противникъ перваго нумера занимаетъ второе мѣсто, въ такомъ только случаѣ, если онъ переборолъ всѣхъ остальныхъ Калмыковъ, иначе онъ ставится подъ нумеромъ, принадлежащимъ ему по тому праву, которое онъ пріобрѣлъ, въ ряду другихъ борцовъ.

Если одна партія имѣетъ запасъ въ пятьдесятъ вызвавшихся на бой борцовъ, а другая партія приготовила меньшее число, напримѣръ только сорокъ, то на единоборство назначаются не всѣ охотники, а опредѣляется, отъ лица самого владѣльца, произвольное чи-

сло паръ, долженствующихъ явиться на арену. Такимъ образомъ, въ іюнѣ 1851 года боролось двадцать паръ.

Но въ это же время случилось, что накануне дня, назначеннаго для борьбы, явился новый охотникъ, недавно только прослышавшій, что въ такой-то день будетъ борьба и едва успѣвшій прискакать изъ дальней степи къ сроку празднества, пропустивъ день генеральной пробы не по своей винѣ, а по разнымъ обстоятельствамъ. Охотникъ былъ извѣстенъ всему улусу какъ «первый борецъ», неоднократно бравшій первые призы, но уже три года неучаствовавшій въ играхъ. Опираясь на пріобрѣтенную славу, онъ требовалъ, чтобы его, признаннаго народомъ за перваго борца, поставили первымъ нумеромъ той партіи, подъ знаменемъ которой онъ рѣшился появиться

Вышедшій побѣдителемъ всѣхъ, при генеральной репетиціи, не уступалъ ему безъ боя своего почета ; пріѣзжій настаивалъ на этомъ, и за оскорбленіе своей чести неизвѣстнымъ еще свѣту новичкомъ, впервые вступавшимъ на сцену предъ цѣлымъ народомъ, принесъ жалобу владѣльцу.

Ему предложили принять вызовъ своего противника ; но Калмыкъ возражалъ, что завтра борьба, а сегодня принуждать его къ состязанію — несправедливо, потому-что несясь пятьдесятъ верстъ верхомъ по степи, въ нестерпимую жару, онъ и отощалъ, и обезсилѣлъ, и, слѣдовательно, состязаться съ человѣкомъ, силы котораго находятся въ нормальномъ состояніи, ему не приходится.

Случай вышелъ что называется казусный. Владѣлецъ нарядилъ медіаторскій судъ. Собрались всѣ старики къ владѣльческой ставкѣ, и выслушавъ жалобы одного и доводы другаго, рѣшили такъ :

1) Калмыкъ-охотникъ пропустилъ срокъ явки не по своей винѣ, а сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобъ выиграть время — слѣдовательно, его нельзя лишать права на предстоящее состязаніе.

2) Охотникъ всегда былъ первымъ борцомъ ; честь эта никогда отъ него отъемлема не будетъ ; но три года не вступая въ поединки, онъ этимъ самымъ предоставлялъ другимъ право добиваться той же чести, которой и дѣйствительно въ это время достигли такіе-то и такіе молодые люди. Но всѣ они побѣждены на генеральной пробѣ новымъ борцомъ, который поставленъ уже въ главѣ своей партіи : лишить его этой чести — тоже было-бы несправедливо. А посему

3) Старый первый борецъ могъ, втеченіе трехъ протекшихъ

ять, ослабѣть и, отъ неупражненія, или другихъ причинъ, потерять ту силу, ловкость и проворство, которыми онъ за три года отличался, то ему и слѣдуетъ, при желаніи участвовать въ состязательствѣ, занять не первое, а только то мѣсто, которое можетъ ему принадлежать по результатамъ новаго перебариванья со всѣми внесенными въ списокъ борцами.

4) Что-жь касается до естественнаго изнуренія силъ, которое, по его словамъ, должно освободить его отъ пробной борьбы, и которое произошло отъ долгой ѣзды, голода и зноя, то доводъ этотъ не долженъ заслуживать никакого уваженія, потому-что подобнаго же рода изнуренью подвергались, въ сей же день, и всѣ борцы, съ утра до вечера, подъ одинаково-палящими лучами солнца, состязавшіеся въ продолжительной и утомительной борьбѣ съ своими сотоварищами.

Судъ этотъ былъ безъапеляціонный, и явившійся охотникъ долженъ былъ перебороться съ двадцатью борцами своей партіи. Съ первыхъ минутъ схватки съ первымъ нумеромъ, онъ, послѣ двухъ-трехъ маневровъ, готовился быть побѣдителемъ, занявъ выгоднѣйшую позицію; но достаточно было одного неловкаго движенія, чтобы выпустить изъ рукъ лавры: черезъ десять минутъ старый первый борецъ лежалъ уже поверженнымъ на землю.

Испытавъ неудачу съ первымъ нумеромъ, онъ не считалъ второй нумеръ достойнымъ чести состязательства съ нимъ.

Въ дни, предшествующіе народному празднеству, борцы готовятся сохранить и укрѣпить свои силы разными способами: они со всѣхъ ногъ кидаются о-земь, чтобъ пріучить себя къ ударамъ, вытягиваютъ и размахиваютъ руками и ногами, валяются по песку, чтобъ сдѣлать кожу менѣе чувствительною къ небольшимъ ушибамъ и царапинамъ, и спятъ внѣ кибитки, на голой землѣ, подложивъ подъ себя, вмѣсто тюфяка, жесткіе арканы, а въ изголовье кусокъ простой кожи.

На утро борцы идутъ въ хурулъ, каждая партія по одиночкѣ и подъ предводительствомъ избранныхъ старшинъ, исполняющихъ должность и судей чести и секундантовъ, и молятъ бурхановъ долго и усердно о дарованіи имъ побѣды. Въ процессіи ихъ много торжественности: они отправляются въ хурулъ цѣлою массою, но попарно, подходятъ къ нему длинною линіею, выстраиваются въ одну ше-

ренгу, и снявъ шапки, становятся на колѣни и дѣлаютъ земные поклоны.

Мѣсто, гдѣ при насъ происходила борьба, было обставлено такимъ образомъ. Между хурулами и владѣльческой ставкой была выровнена на степи небольшая площадка; рѣдкую траву здѣсь повыдергали и разрыхлили немного песокъ, изъ котораго состоитъ почва. По одну сторону арены стояла владѣльческая кибитка и кибитки его гостей и сторонниковъ; по другую сторону, прямо противъ нихъ, были кибитки представителей другой партіи: тутъ сидѣли старшіе гелюнги, и съ ними самъ бакшй, также нойонъ—правитель улуса, дядя владѣльца, и нѣсколько почетныхъ зайсáнговъ; рядомъ съ ними былъ разбитъ огромный шатеръ изъ паруснаго холста, въ которомъ укрывались отъ солнца простые гелюнги. По двумъ остальнымъ сторонамъ побоищнаго мѣста сидѣлъ народъ, раздѣлившись на партіи: влѣво сидѣли Калмыки, изъ среды которыхъ выбраны были борцы со стороны владѣльца; справа — ихъ противники. По діагонали этого четырехъ-угольника поставлено было по одной кибиткѣ, въ которыхъ собрались сами борцы.

Когда владѣлецъ вошелъ въ свою кибитку и подалъ сигналъ начатія ратоборства, степь стихла и водворилась мертвая тишина.

Въ одно и тоже мгновеніе, двери угловыхъ кибитокъ растворились, и секунданты вывели борцовъ, стоявшихъ въ главѣ списка. Секундантъ партіи гелюнговъ, старикъ лѣтъ за пятьдесятъ, рослый, плечистый въ свое время самъ считавшійся первымъ борцомъ улуса, шелъ въ праздничномъ калмыцкомъ нарядѣ, гордо поднявъ голову: два его сына, славившіеся силою, были въ числѣ борцовъ его партіи, и старшій сынъ, надежда отца и краса партіи, былъ первымъ на очереди; онъ неоднократно уже оставался побѣдителемъ на прежнихъ празднествахъ, а его противникъ, первый борецъ со стороны владѣльца, былъ юноша безвѣстный, только теперь въ первый разъ выступавшій передъ народомъ.

Секунданты въ одной рукѣ несли по «кумгáну», то есть по мѣдному кувшину, наполненному водой: это на случай обморока, которому могутъ подвергнуться борцы во-время жестокихъ схватокъ; другою рукой они поддерживали борцовъ. Рядомъ съ секундантомъ партіи гелюнговъ шелъ сынъ его твердою поступью.

Борецъ, котораго велъ секундантъ владѣльческой стороны, весь

трясся, отъ избытка энергіи и отъ страха за будущее; шаги его были неравномѣрны. Онъ, подобно своему противнику, былъ съ головы до ногъ закутанъ въ бѣлую простыню.

Вступивъ на арену, борцы остановились; секунданты сняли съ нихъ покрывала; воздухъ огласился радостными кликами, которыми народъ привѣтствовалъ молодыхъ атлетовъ

Борцы явились взорамъ народа полунагими: на нихъ надѣты были одни широкія, бѣлыя, далеко недоходящія до колѣнъ шальвары. Они низко наклонились, коснулись пальцами обѣихъ рукъ земли, отдали почесть владѣльцу, и умывъ руки пескомъ, стали медленно кружить по аренѣ, шагая исполинскими шагами и сильно размахивая руками. Потомъ они остановились, уставились одинъ противъ другаго и старались другъ-друга ухватить рукой. Нѣсколько томительныхъ мгновеній длился этотъ маневръ: одинъ схватывалъ противника за кисть правой руки, тотъ вывертывалъ ее у него изъ пальцевъ и, въ свою очередь, выжидалъ случая схватить его за пальцы, или за плечо, или за часть одежды, въ которую выгоднѣе всего было вцѣпиться. Наконецъ они схватились — и другъ на другѣ повисли, обманывая другъ друга намѣреніями перемѣнить позицію.

Надо быть въ душѣ художникомъ, быть присяжнымъ ваятелемъ или живописцомъ чтобъ умѣть передать тѣ безпрерывныя измѣненія въ положеніи мускуловъ и въ граціозности и изяществѣ позъ, которыя борцы принимаютъ, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнить драгоцѣнность матеріаловъ, какихъ художнику трудно пріобрѣсть у себя въ мастерской, въ какія бы изысканныя и ненатуральныя положенія онъ ни ставилъ своихъ натурщиковъ. Глазъ нельзя оторвать отъ картины, которая съ каждымъ своимъ поворотомъ открываетъ новыя красоты. Борцы переплетаются руками и ногами, такъ что, казалось бы, ни тому ни другому нѣтъ средствъ, не только съ мѣста двинуться, но даже пошевелить членами: и не далѣе, какъ черезъ одну минуту, предъ зрителемъ новое положеніе. Одинъ, ухвативъ врага сзади, стискиваетъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ и силится ударами ноги сшибить его на землю. Но противникъ, крѣпко держась дотолѣ ступнею, приподнимается на цыпочки, и воспользовавшись этимъ положеніемъ, въ одно мгновеніе, правую руку свою закидываетъ душащему его Калмыку за спину и впивается пальцами въ шальвары, а лѣвую руку заноситъ такъ, чтобъ ухватить непрія-

теля подъ лѣвое колѣно; успѣвъ въ этомъ маневрѣ, онъ встряхиваетъ противника и кидаетъ его ó-земь. Но тотъ, улучивъ минуту, припадаетъ на колѣно, и полуошеломленный нежданностію паденія, безсильный чтобъ снова кинуться на торжествующаго непріятеля, не теряетъ однакожь сознанія. Онъ, съ быстротою тигра, ухватываетъ своего противника въ обѣ руки, закидываетъ голову назадъ, и теряя почти равновѣсіе, приподнимаетъ его надъ собою и швыряетъ на землю, надѣясь, сваливъ его, въ ту же минуту наступить на него ногой и выхватить изъ рукъ его побѣду. Маневръ удается, но противникъ поверженъ не на-спину, а приникъ къ землѣ грудью: это положеніе не даетъ торжествующему борцу правъ побѣдителя. Попирая падшаго Калмыка правою ногой, притискивая его плечо рукою, онъ не даетъ непріятелю возможности подняться на ноги. Тотъ едва дыханье переводитъ, и слѣдя за каждымъ движеніемъ осиливающаго его противника, самъ сбираетъ послѣднія силы, не даетъ перевернуть себя на спину, и выискиваетъ способъ снова напасть на врага. Борцы остаются въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ; обманывая другъ друга ложными движеніями, они все болѣе другъ друга утомляютъ, и не двигаясь ни однимъ членомъ, понемногу ослабляютъ напряженные мускулы. Томительныя минуты ожиданія длятся долго. Вдругъ, поверженный выскакиваетъ изъ-подъ противника, съ звѣрскимъ отчаяньемъ кидается на него и начинаетъ новую борьбу.

Смотря потому, который изъ борцовъ начинаетъ осиливать, съ той или другой стороны арены раздаются поощрительные клики партіи. Станетъ въ выгодное положеніе прославленный побѣдами сынъ старика-секунданта, крики «ура» раздаются въ партіи калмыцкаго духовенства; падетъ преимущество на безвѣстнаго еще юношу — степь оглашается торжествующими воплями партіи владѣльца.

Секунданты глазъ не спускаютъ съ борцовъ, и наблюдаютъ, чтобъ ни одинъ изъ нихъ не дозволялъ себѣ постыднаго злоупотребленія своей силы и проворства. Такъ напримѣръ, пришедшій въ отчаянье борецъ можетъ, незамѣтно отъ зрителей, схватить противника за горло, притиснуть ему високъ, или причинить, въ азардѣ, какую-нибудь боль иными способами, могущими лишить противника сознанія хотя на мгновенье — всякое поползновеніе къ такому поступку строго воспрещается и преслѣдуется посрамительнымъ взысканіемъ. Иногда борцы, утомленные битвой, обезсиленные ея продолжительностью, из-

мученные солнечнымъ зноемъ и запальчивостью схватокъ, падаютъ въ обморокъ: дѣло секундантовъ сейчасъ же прекратить бой и подать пособіе страждущему, облить его водой, утолить его жажду, дать ему время отдохнуть и снова собраться съ силами. Когда борцы, стараясь другъ друга сшибить съ ногъ, упадутъ оба вмѣстѣ и оба стараются перевалить другъ друга на спину и тѣмъ покончить дѣло, то, изнемогая отъ усилія, задыхаясь отъ усталости, они сговариваются иногда, не измѣняя положенія, собраться съ силами. Дѣло секундантовъ наблюсти за честнымъ исполненіемъ этого уговора и за тѣмъ, чтобъ новыя эволюціи съ обѣихъ сторонъ начаты были въ одно и то же мгновеніе; между-тѣмъ секундантъ опрыскиваетъ того и другаго водой, и съ того и другаго стираетъ потъ, льющійся съ борцовъ градомъ.

Борьба кончается иногда съ одного раза, иногда послѣ нѣсколькихъ отдыховъ; иногда она бываетъ коротка и быстра; иногда длится очень долго, до-тѣхъ-поръ, пока одинъ борецъ не прижметъ другаго къ землѣ спиною. Въ первой парѣ видѣнныхъ мною борцовъ побѣда принадлежала сторонѣ владѣльца. Шумные клики народа покрыли побѣдителя славою; къ нему, отъ имени владѣльца, подвели дорогаго коня и поднесли въ подарокъ новый чекмень изъ сукна, да нѣсколько денегъ. Изъ толпы той партіи, къ которой юноша принадлежалъ, выскочило нѣсколько человѣкъ; они кинулись борцу въ объятія, надѣли на него новую шапку-хошоутку, обвѣшали его халатами и платками, приподняли его на руки, и окруживъ вниманіемъ и почтеніемъ его подвига, вынесли его изъ арены съ громкими восклицаніями. Борецъ, отуманенный и прежними паденіями и теперешнимъ торжествомъ, шелъ и шатался какъ опьянѣлый. Бѣдный отецъ побѣжденнаго борца едва крѣпился, чтобъ не дать торжествующей партіи прочесть на своемъ лицѣ волновавшихъ его обиды, злобы и огорченія; а сынъ, блѣдный какъ только можетъ быть блѣденъ Калмыкъ, скрылся въ толпѣ, которая съ злою насмѣшкою посматривала на свѣжіе знаки его посрамленія, на мелкій песокъ, плотно прилипшій къ мокрой спинѣ побѣжденнаго атлета.

Честь быть первымъ борцомъ, для Калмыка, цѣнящаго высоко силу и мужество, какъ прочную опору семейнаго, вещественнаго благосостоянія, очень заманчива. Во-первыхъ, самолюбіе торжествуетъ: весь народъ обращаетъ на него почтительные взоры, весь улусъ ока-

жетъ ему вездѣ почетъ; слава его быстро промчится по всей степи и имя его будетъ гремѣть не между одними только волжскими Калмыками: его съ почтеніемъ будутъ произносить и Калмыки, и сосѣди Калмыковъ—Татары, Туркмены и Киргизы. Съ другой стороны, слава эта и прибыточна. Кромѣ опредѣленнаго приза, побѣдитель получаетъ иногда отъ владѣльца косякъ лошадей, полную экипировку, или порядочный денежный капиталъ; зрители дѣлаютъ для побѣдителя пиръ, награждаютъ его разными подарками, какіе только кому по силамъ. Бѣднякъ поднесетъ ему цѣлую флягу водки, а кто побогаче, тотъ подаритъ халатъ, лошадь или деньги, глядя по достатку. Слѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что бѣднякъ, кромѣ славы, пріобрѣтаетъ и маленькое состояніе и дѣлается зажиточнымъ, а если борецъ самъ богатъ и не нуждается въ вещественныхъ пособіяхъ, то и тутъ хорошая лошадь или цѣлый косякъ не будутъ для него лишними.

Въ борьбѣ, которой я былъ зрителемъ, изъ двадцати паръ, первые одиннадцать и послѣдніе трое побѣдителей прославили свою партію, въ главѣ которой былъ самъ владѣлецъ; со стороны гелюнговъ оказалось только шестеро борцовъ, одержавшихъ верхъ; двѣ пары, послѣ упорной и продолжительной борьбы, разошлись и перемѣнились жеребьями; въ первый разъ борцы обѣихъ паръ оказались другъ для друга непобѣдимыми, но при перебариваньи двое изъ нихъ вышли побѣдителями.

Противная владѣльцу партія употребляла всѣ усилія, чтобъ преклонить побѣду на свою сторону; но къ чести ея, надобно прибавить, что она, вѣроятно, отъ любви къ этого рода играмъ, приходила почти въ одинаковое восхищеніе при торжествѣ и своего борца, и борца чужаго знамени. Неоднократно красныя мантіи высылались въ награду побѣдителю: гелюнги приходили въ азартъ, и снимая съ себя последнее одѣянье, посылали его въ подарокъ борцу.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что гелюнги не носятъ исподняго платья, а простые Калмыки не имѣютъ права ни на красный, ни на жолтый халатъ. Казалось бы, что подарки жрецовъ были и неумѣстны, и безполезны; но на-дѣлѣ выходитъ иначе. Гелюнги, пожертвовавъ своими мантіями и халатами, сами остаются почти безо всего; а такъ какъ имъ, въ такомъ видѣ, нельзя уже показаться въ народѣ, то они и подсылаютъ манжиковъ къ борцамъ, съ тѣмъ, чтобъ отобрать отъ нихъ подарки свои назадъ. Но такъ какъ

борцы даромъ этого не сдѣлаютъ, то гелюнги и выкупаютъ у нихъ свои одежды за наличныя деньги. Если человѣкъ пятнадцать гелюнговъ раздарятъ одному и тому же борцу свои халаты, и каждый изъ нихъ будетъ давать окупу хоть по пяти рублей серебромъ : то уже это одно вознагражденіе доставитъ борцу довольно значительную сумму.

Положеніе одного изъ секундантовъ оказалось очень незавиднымъ: и второй его сынъ былъ тоже побѣжденъ противникомъ. Отецъ не могъ перенести такого огорченія; онъ едва выдержалъ свою роль присяжнаго наблюдателя въ горестномъ для него рѣшеніи участи роднаго сына. Онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ, и по потомъ говорилъ сыну слова утѣшенія и ободренія, гнѣвно слѣдилъ за движеніями его соперника, заранѣе напрасно радовался кажущемуся перевѣсу своей партіи, но когда отчаянная схватка пришла къ концу, когда могучій соперникъ перекинулъ черезъ себя удалаго борца, когда тотъ грохнулся со всего размаха о-земь, отецъ не выдержалъ, свирѣпые глаза его отуманились, онъ помертвѣлъ и зашатался.

Зрители съѣзжаются на борьбу изо всего улуса. Женщины и молодыя дѣвицы съ жаромъ слѣдятъ за всѣми измѣненіями игры, и энергическими криками поощряютъ находчивость и ловкость каждаго борца, награждая юношу-побѣдителя чѣмъ кто въ силахъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, зрѣлище борьбы чрезвычайно завлекательно : у зрителя у самого кипитъ въ груди давно заглохшее подъ приличіями живое чувство бѣшеной отваги ... такъ бы вотъ и кинулся самъ въ этотъ опасный бой, такъ бы вотъ и скрутилъ желѣзными мускулами любаго богатыря. Мы довольствовались тѣмъ, что, увлекаясь зрѣлищемъ, провозглашали тосты побѣдителей и пили ихъ здоровье шампанскимъ, которымъ наши степные хозяева запасаются даже на кочевьяхъ, для разныхъ случаевъ.

—

XXI

Охота

Изъ всѣхъ видовъ охоты, самая любопытная — охота за сайгаками: она и самая старинная калмыцкая забава, и самая любимая.

Сайгаки пасутся на вольной степи, и разгуливаютъ по ней иногда небольшими группами, иногда огромными стадами, тысячи въ двѣ головъ, и больше и меньше. Это робкое и граціозное животное ведетъ жизнь кочевую, и переходитъ съ мѣста на мѣсто, подъ охраною и предводительствомъ самцовъ.

Калмыки охотятся за сайгаками въ то время, когда они, полные силъ и свѣжести, игриво рѣзвятся на степи, еще только готовясь насладиться весной жизни.

Калмыки ѣздятъ на охоту за сайгаками парами, пары въ двѣ, въ три, въ четыре; они выѣзжаютъ въ степь верхомъ и запасаются добрыми винтовками, которыхъ при каждомъ охотникѣ по нѣскольку: одна въ рукахъ, да двѣ-три за плечами.

Обоняніе у сайгаковъ, какъ у каждаго дикаго животнаго, развито въ высокой степи: они издалека могутъ зачуять присутствіе человѣка. Если къ нимъ попасться въ пору ярости, самцы уничтожатъ человѣка, пули котораго окажутся безсильными при ожесточенныхъ ударахъ роговъ многочисленнаго стада. Но сайгаки все-таки робки, трусливы и простоваты: Калмыки и пользуются этими свойствами животнаго, на погибель его.

Для того, чтобы сайгаки, почуявъ человѣка, не побѣжали по иному направленію, четверо, шестеро или восьмеро наѣздниковъ-Калмыковъ въ двѣ линіи преслѣдуютъ ихъ стадо съ навѣтренной стороны. Сайгаки сами бѣгутъ противъ вѣтра и не подозрѣваютъ, что за ними несется погоня. Въ то время, когда Калмыки настигнутъ стадо на такое разстояніе, что между ними и сайгаками останется пространство сажень во сто или въ полтораста, наѣздники улучаютъ мгновеніе, и одна половина ихъ, на всемъ скаку, спрыгиваетъ съ сѣделъ

на-земь, а остальная половина подхватываютъ ихъ коней, и не замедляя бѣга, продолжаетъ быстро мчаться за сайгаками.

Промчавшись еще не болѣе какъ сажень двадцать-тридцать, скачущіе въ двѣ линіи наѣздники дѣлаютъ, направо и налѣво, въ пол-оборота, круги и несутся назадъ по той же дорогѣ, по которой ѣхали и гдѣ оставили своихъ товарищей.

Сайгаки, до которыхъ донесется наконецъ, хотя и противъ вѣтра, конскій топотъ, внезапно останавливаются, оборачиваются назадъ, и не двигаясь съ мѣста ни на шагъ, пристально вглядываются въ даль, замѣчаютъ скачущихъ людей, убѣждаются, что тѣ не на нихъ, а отъ нихъ бѣгутъ и быстро все дальше и дальше скрываются изъ виду, успокоиваются, и совершеннно освободившись отъ страха, не дѣлаютъ новаго оборота въ ту сторону, въ которую прежде бѣжали, а, вѣроятно заинтересованные побѣгомъ всадниковъ, бросаются по ихъ слѣдамъ — и такимъ образомъ попадаютъ въ засаду. Спѣшившіеся прежде Калмыки, укрывшіеся въ ложбинкахъ, въ «бархáнахъ», или въ буграхъ сыпучаго песка, стерегутъ ихъ притаившись, и лишь только стадо съ ними поровняется, начинаютъ въ него стрѣлять изъ винтовокъ.

Калмыки пріучаютъ къ охотѣ соколовъ, ястребовъ и балабáновъ. Съ соколами они выѣзжаютъ на дикихъ гусей, казарѐй и на дудакà, какъ въ приволжскомъ-краѣ Русскіе называютъ драфỳ; ястребиная охота производится на дикихъ же гусей и утокъ, на казарѐй и на чапỳрниковъ, то есть на цаплю, а балабанами ловятъ цаплю и лебедей

Мы имѣли уже случай упомянуть объ охотѣ на кабановъ; но охота за ними не повсюдная, а производится только въ мочагàхъ, или по самымъ окраинамъ каспійскаго прибрежья. Болѣе всего Калмыки любятъ травить зайцовъ и бить волковъ.

На волковъ Калмыки выѣзжаютъ иногда съ собаками, но чаще всего они бьютъ ихъ просто нагайками, сидя на конѣ.

Калмыки мастера крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ: мы имѣли уже случай объяснить это, говоря о калмыцкой зыбкѣ, въ которой ноги калмыцкаго ребенка, съ первыхъ дней рожденія, начинаютъ принимать такого рода искривленіе, которое способствуетъ твердой посадкѣ на сѣдлѣ. Кромѣ-того, Калмыки, безпрестанно обращающіеся въ та-

бунъ, чрезвычайно искусно владѣютъ ногайкой, которая въ ихъ рукахъ теряетъ значеніе простой плети, а обращается въ оружіе, въ одинаковой степени способное къ защитѣ, какъ сабля, или даже какъ винтовка.

Калмыкъ рѣдко станетъ бить коня ногайкой, для того только, чтобъ имѣть удовольствіе отвести душу: калмыцкій конь послушливъ; онъ знаетъ только повода, сочувствуетъ своему хозяину въ минуты опасности, понимаетъ его желанія и не нуждается въ ногайкѣ. Между тѣмъ, при видѣ скачущаго Калмыка, вниманіе исключительно обращается на безпрестанные удары, которые наѣздникъ градомъ сыплетъ на животное. Согласить эти удары съ увѣреніями Калмыковъ, что они «лошадей никогда не бьютъ» можно очень просто: Калмыкъ хлещетъ ногайкой коня не по тѣлу и не для боли, а только по тебенькамъ сѣдла и только для того, чтобъ коня пораззадорить, щегольнуть имъ, заставить его — рѣзвиться и, какъ выражаются Калмыки, «живѣе подплясывать».

Умѣнье владѣть ногайкой, сноровка хлеснуть ею такъ или иначе спасаетъ Калмыка и отъ опасной, беззащитной встрѣчи съ волкомъ, и отъ нападенія лихаго человѣка. Вотъ, напримѣръ, четыре разсчитанные удара ногайкой, употребляемые Калмыками въ нужныхъ случаяхъ: два изъ нихъ прямо касаются предмета, о которомъ мы начали рѣчь — охоты на волковъ.

1) Чтобъ положить волка на мѣстѣ замертво, Калмыкъ, при встрѣчѣ съ нимъ, сначала кругомъ размахиваетъ ногайкой, чтобъ попугать звѣря, а потомъ, улучивъ минуту и выбравъ удобное положеніе, поднимаетъ руку и, въ одинъ мигъ, тяжело опускаетъ ее, такимъ образомъ, чтобы концомъ ногайки хватить по самому концу волчьяго носа, но не вдоль его, а поперёкъ.

2) Для того, чтобъ волка не убить на поваль, а захватить его живьёмъ, наѣздникъ норовитъ съ разу ударить волка по спинной кости такимъ образомъ, чтобъ ногайка обвилась по боку и чтобъ конецъ ея рѣзко прохватилъ брюхо и ударился въ безшерстную часть шкуры.

3) Смертельнымъ ударомъ человѣку считается тотъ, въ которомъ самый конецъ хвоста ногайки направленъ въ високъ.

4) Ударъ не смертельный, а разсчитываемый только для того, чтобъ

сшибить всадника съ коня — это ударъ ногайкой по колѣну, по серединѣ его, или по самому концу, все-равно.

Эти удары каждому Калмыку знать необходимо, особенно послѣдній: при могущихъ случиться въ степи встрѣчахъ, кражахъ и похищеніяхъ, твердое знаніе его спасаетъ Калмыка отъ неосторожности нанести противнику смертельный ударъ. На этотъ предметъ у Калмыковъ ведется поговорка: «аргамгага́нъ уна́дъ, альханда́нъ маля-«га́нъ бяря̀тъ гарса́нъ — залу̀ адучѝ; адунда́нъ орсагé юлю унга-«хла — адучѝ бинѝ.» Смыслъ такой: плохой тотъ табунщикъ, который не собьетъ съ коня человѣка, бросившагося на табунъ, и не положитъ за́-мертво волка, его безпокоющаго.

Говоря объ ударахъ ногайкой, нельзя, кстати, не прибавить, что есть Калмыки, по преимуществу скотоводы, вѣчно въ степи кочующіе, при колодцахъ, никогда неимѣющіе случая побывать на Волгѣ или на Кумѣ, таковы напримѣръ Торгоуты, кочующіе ближе къ хребту Эргене. Бывали случаи, что нѣкоторые ихъ хото́ны, по непредвидимымъ обстоятельствамъ, подкочевывали къ Волгѣ раннимъ лѣтомъ, во-время хода по рѣкѣ тарани: обиліе рыбы такъ ихъ изумляло, что они принимались бить ее ногайками, разумѣется съ сѣдла, и никакъ не могли догадаться, что могутъ быть совершенно иные пріемы для ловли рыбы.

—

XXII.

Скачка и ловъ неуковъ

Калмыцкая скачка не представляетъ какихъ-нибудь особенныхъ различій отъ обыкновенной киргизской скачки: тоже «выдерживанье мериньёвъ», такое же подготовленіе лошадей къ скачкѣ, постепеннымъ сбавленіемъ корма, для облегченія ихъ тучности; подмариваньемъ и постоянною выбѣжкою, и здѣсь лошадей доводятъ до такого состоянія, что у нихъ на груди пропадаетъ все сало, и скакуны дѣлаются тощими и сухопарыми. Дистанція для скачки, при мнѣ, назначена была двадцати-верстная, и первая лошадь добѣжала къ флагу въ полчаса времени; потомъ ее водили часовъ шесть сряду и цѣлыя сутки не пускали къ водопою. Правитель улуса разсказывалъ мнѣ, что иногда скаковыя дистанціи назначаются въ 50, 60 и 70 верстъ.

Калмыки верстами не считаютъ, а назначаютъ дистанцію опредѣленіемъ извѣстнаго мѣста, урочища, съ котораго скакуны пускаются. По этому-то наѣздники и не кружатъ, какъ у насъ, по опредѣленному пространству, а съ утра, иногда даже наканунѣ дня, назначеннаго для скачки, отправляются шажкòмъ на назначенное урочище и оттуда уже несутся всѣ разомъ до опредѣленнаго къ выбѣжкѣ пункта, гдѣ и ожидаютъ ихъ собранные для празднества зрители. Для соблюденія порядка, владѣлецъ, или распорядитель скачки, посылаетъ туда довѣреннаго человѣка, который, въ условленную минуту, или по карманнымъ часамъ, или по солнечному теченію, разставляетъ наѣздниковъ въ линію и подаетъ знакъ къ начатію скачки.

Чтобъ не терять времени въ безплодномъ ожиданіи прибытія наѣздниковъ, владѣлецъ высылаетъ нѣсколько дозорныхъ пикетовъ, которые и разставляются въ такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобъ имъ можно было издали различать обоюдныя движенія. На степи, даже непривычный глазъ хорошо различаетъ предметы болѣе чѣмъ за версту; при извѣстномъ освѣщеніи предметовъ, въ данную пору дня, при кратковременномъ и наглядномъ знакомствѣ съ изви-

линами холмистой степи, можно въ очень короткое время пріучить глазъ къ тому, что онъ за пять верстъ отличитъ конный табунъ отъ стада, и человѣка отъ четвероногаго животнаго Если на горизонтѣ вздымаются огромные клубы пыли, подъ которою виднѣется чорная полоска — это конный табунъ; если чорной полоски не видать — значитъ, тутъ бараны; если переливы цвѣтовъ мѣшаются и въ глазахъ будто что́-то пестрѣетъ — это стадо рогатаго скота. Если чорная точка на воздухѣ долго не скрывается изъ глазъ, или и скрывается, но незамѣтно, — то это птица; если же чорная точка, поднявшись на воздухъ, быстро опустится на землю, то это, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, означаетъ шапку, которую кочевникъ подкинулъ къ верху, чтобъ обмануть сторожащаго его противника. Если на горизонтѣ чернѣются два предмета, и одинъ изъ нихъ кажется несравненно выше другаго — то высокая черта означаетъ верховаго наѣздника, а меньшій предметъ — животное Сроднившіеся со степью кочевники, обладая чрезвычайно-изощреннымъ зрѣніемъ и съ малыхъ лѣтъ привыкнувъ издали, по соображенію, узнавать то, что̀ глазъ ихъ подмѣтитъ на огромномъ пространствѣ, дѣйствительно могутъ удивить насъ, городскихъ жителей, этою необыкновенною дальнозоркостію, находчивостью и смѣтливымъ отгадываніемъ такихъ вещей, которыхъ мы и подозрѣвать не могли бы.

Сторожевые передаютъ вѣсти о томъ, что скакуны уже пустились, или извѣщаютъ о другомъ какомъ-либо событіи, условными знаками, замѣняющими у Киргизовъ, у Калмыковъ и у русскихъ казаковъ наши телеграфы. Маневръ одного верховаго наѣздника, составляющаго дозоръ, повторяется другимъ наѣздникомъ; его движенія подсматриваются третьимъ, и такимъ образомъ, вѣсть въ нѣсколько минутъ можетъ быть передана даже за цѣлыя сотни верстъ.

Телеграфическіе маневры, или такъ называемое «маяченье» Калмыковъ и Киргизовъ состоятъ въ поворотахъ и круженіяхъ направо или налѣво, и въ другихъ условныхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Закружитъ Калмыкъ лошадью два раза на томъ мѣстѣ гдѣ стоялъ неподвижно — это означаетъ то-то; повернется онъ однажды — значитъ другое; повернувшись туда либо сюда, сдѣлаетъ нѣсколько скачковъ впередъ и тамъ закружитъ такое-то число разъ направо или налѣво — это будетъ значить уже совершенно иное. Такихъ условныхъ «маяковъ» множество.

Этимъ живымъ телеграфомъ у насъ давно и вездѣ воспользовалось линейное казачество, и подробныя правила, составленныя у насъ по этому предмету, преподаются всѣмъ несущимъ кордонную службу.

Призы выигравшимъ на скачкѣ неразнообразны, но дороги по существенной приносимой ими пользѣ: побѣдителю даютъ деньги, носильное платье, дарятъ лошадей, а менѣе отличившихся наѣздниковъ поощряютъ какими-нибудь полезными бездѣлками.

Говоря о молодечествѣ и наѣздничествѣ Калмыковъ, надобно тутъ же упомянуть и о ловлѣ нéуковъ, или о томъ какъ Калмыки арканятъ на степи изъ табуна лошадей, никогда небывавшихъ подъ сѣдломъ, и какимъ образомъ они ихъ укрощаютъ. Я буду говорить только о томъ, что̀ видѣлъ собственными глазами.

Калмыкъ, подтянувшись и заломивъ на бекрень шапку, въѣзжаетъ въ обширный табунъ, держа на лѣвой рукѣ укрюкъ, къ которому привязанъ арканъ съ приготовленною петлей.

Вторженіе человѣка въ табунъ не угрожаетъ ему никакою опасностью. Табунъ составляютъ нѣсколько косяковъ лошадей одной и той же масти, а косякъ означаетъ штукъ двѣнадцать или пятнадцать матокъ при одномъ жеребцѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими головами молоденькихъ лошадокъ, годовалыхъ, двугодовалыхъ и третьячковъ; всего въ косякѣ лошадей тридцать, сорокъ и до пятидесяти, но собственно косякомъ въ народныхъ понятіяхъ называется девять матокъ и десятый жеребецъ, съ приплодомъ. При въѣздѣ въ табунъ посторонняго наѣздника, матки, оберегая дѣтей, даютъ всаднику дорогу; за оборотами матки слѣдятъ дѣти и дорога табунщику расчищается.

Роль табунщика, при показываніи табуна мнѣ, принялъ на себя самъ владѣлецъ улуса, и требовалъ, чтобъ я назначилъ: какую именно лошадь нужно съарканить? Вниманіе мое обращалъ одинъ статный третьякъ съ отмѣтиной: по всѣмъ его манерамъ и движеніямъ, видно было, что это «стражкòй» конь, то есть очень пугливый. Я указалъ на него князю, и тотъ кинулся его преслѣдовать, стараясь изъ числа нѣсколькихъ сотъ лошадей, настигнуть именно этого нéука.

По мѣрѣ приближенія владѣльца улуса, преслѣдуемый имъ конь бросался въ сторону и терялся въ группахъ другихъ лошадей; владѣлецъ, приникнувъ къ лукѣ сѣдла, снова кидался за нимъ, и едва только изготовлялся онъ проскакать еще сажень десятокъ, чтобъ

быть въ состояніи накинуть арканъ на все еще далекаго отъ него коня, тотъ снова брыкалъ ногами, взмахивалъ хвостомъ, и потрясая головой и ощетинившейся гривой, исчезалъ изъ глазъ. Послѣ нѣсколькихъ маневровъ, свидѣтельствовавшихъ о плутоватости и о находчивости молодаго коня, нашъ табунщикъ, съ пылающими отъ гнѣва глазами, съ рдѣющимъ отъ жаркаго увлеченія лицомъ, настигъ его, накинулъ на него, укрюкомъ, арканъ, отбросилъ свой урргò прочь, и одной правой рукой сдержалъ ретиваго нéука. Зрѣлище было поистинѣ увлекательное, прелесть котораго можно понять только при самомъ дѣйствіи, а словами всего никакъ не передать.

Лошадь, на которой сидѣлъ владѣлецъ, какъ-будто понимала всѣ его тайныя желанія: не ею управляли, а она, казалось, сама несла всадника на неукротимаго дикаря, и выискивала его слѣды между другими лошадьми. Всадникъ — совершенно перемѣнился: это былъ уже не прежній солидный, скромный офицеръ, повезшій меня знакомить съ своимъ хозяйствомъ; теперь его совсѣмъ нельзя было узнать: такъ онъ страстно увлеченъ былъ своимъ занятіемъ. Онъ самъ признавался послѣ, что преслѣдованіе дикой лошади кидало его попеременно то въ жаръ, то въ ознобъ, что у него, отъ запальчивости, глаза горѣли, тряслись руки, что сердце билось — точно выскочить хотѣло, что онъ не видѣлъ ничего, кромѣ непокорнаго животнаго, не помнилъ ничего, кромѣ нужды словить коня и не выпустить изъ рукъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, минута, послѣдовавшая за изловленіемъ нéука, была минутою какого-то дикаго торжества и табунщика, и зрителей, и цѣлаго табуна. Все присмирѣло, все смолкло, все обратило взоры на чудную группу всадника и разъяреннаго животнаго, выведеннаго теперь на поляну.

Конь, почувствовавъ петлю, накинутую ему на шею, остолбенѣлъ отъ изумленія и сталъ какъ вкопаный; но это было только въ первое мгновенье, когда, разставивъ ноги врозь и закрутивъ голову книзу, онъ какъ-будто придумывалъ средства и выискивалъ минуту сбросить съ себя петлю. Но едва онъ порывался исполнить свой замыселъ, и ставъ на дыбы, нежданно дѣлалъ отчаянный прыжокъ въ сторону, въ надеждѣ вырвать арканъ изъ руки противника, какъ петля начинала его душить, тѣснѣе и тѣснѣе сжимая ему шею. Взбѣшенный жеребецъ визжалъ, припадалъ на колѣни, билъ копытами и

дѣлалъ бѣшеные скачки, изгибаясь и задомъ и передомъ, и высоко вскидывая задними ногами; но владѣлецъ, навернувъ арканъ на руку и крѣпко стискивая колѣномъ его конецъ, подсунутый между сѣдломъ и ногою, забывалъ, что волосяная веревка рѣжетъ ему руку, и нисколько не подавался ни взадъ, ни впередъ, сидя на сѣдлѣ какъ прикованный.

Двое подбѣжавшихъ Калмыковъ схватили коня за уши, и между-тѣмъ какъ двое другихъ старались спутать ему, на нѣсколько мгновеній, ремнемъ ноги, простой табунщикъ пропустилъ коню сквозь зубы конецъ веревки, какимъ-то образомъ опуталъ ею около его брюха, закрѣпилъ концы на спинѣ, и въ то же мгновеніе ребенокъ, лѣтъ десяти-двѣнадцати взлѣзъ на страшнаго и превратившагося въ звѣря нѐука.

Ребенокъ, ухватившись сперва за концы веревки, просунутой лошади вмѣсто уздечки, впился пальцами лѣвой руки въ его гриву; пѣшіе табунщики отбѣжали, народъ раздался, и отчаянный мальчишка, размахивая во всѣ стороны ногайкой и осыпая нѐука изъ всѣхъ силъ ударами, пустился куда глаза глядятъ: вырвавшійся на свободу конь началъ кружить съ нимъ по степи.

Страшно было смотрѣть на бѣднаго мальчика, будущаго богатыря; бѣшеный нѐукъ носилъ храбраго калмыченка изъ стороны въ сторону, и нечаянными скачка́ми, увертливыми прыжками, брыканьемъ и разными продѣлками, силился его съ себя сбросить; онъ билъ задомъ и передомъ, и разъяренный до послѣдней крайности, то мчался какъ стрѣла, то убавлялъ бѣгъ, то вдругъ снова дѣлалъ отчаянные прыжки и снова летѣлъ по степи; но ребенокъ крѣпился, не терялъ духа, и успѣлъ, наконецъ, довести дикую лошадь до того, что она слушалась поводовъ.

Вскорѣ за тѣмъ посланъ другой всадникъ: нѐукъ былъ вполовину укрощенъ, истощенъ, измученъ, и настигнуть теперь его было нетрудно. Но едва новый наѣздникъ къ нему приблизился, пугливый нѐукъ снова забѣсился и снова сталъ выдѣлывать невѣроятные вольты. Скоро онъ утомился; побѣжалъ дробною рысью, движенія и обороты его дѣлались все болѣе и болѣе равномѣрными и правильными, повиновеніе уздечкѣ оказалось несомнѣннымъ — дикій конь былъ укрощенъ окончательно. И четверти часа исторія не продолжалась.

Но этимъ зрѣлище еще не кончилось. Выѣхавшій на помощь къ ребенку взрослый Калмыкъ поровнялся съ нимъ, поѣхалъ съ нимъ рядомъ равномѣрною скачью и сталъ понемногу освобождать объѣзженнаго коня отъ тѣснившаго его аркана. Когда это приведено было къ концу, ребенокъ, выждавъ благопріятную минуту и держась только лѣвой рукой за холку, привсталъ на нѣукѣ на колѣни, потомъ быстро всталъ на ноги, скользя ими по покрытой пѣною и потомъ спинѣ лошади Въ эту минуту всадникъ, прильнувъ своею лошадью къ укрощенному жеребцу, обхватилъ ребенка около пояса правой свой рукой и перетащилъ къ себѣ на сѣдло; нѣукъ, совершенно предоставленный собственной волѣ, кинулся въ табунъ, а всадники, одинъ сидя въ сѣдлѣ а другой, стоймя придерживаемый взрослымъ Калмыкомъ, возвратились къ кибиткамъ, гдѣ народъ привѣтствовалъ неустрашимаго ребенка поощрительными криками.

Я усомнился въ неподготовленности такого зрѣлища и считалъ этотъ случай исключительнымъ; но повторенные при мнѣ разъ пять тѣже опыты съ другими лошадьми и съ другими мальчиками достаточнымъ образомъ доказали мнѣ необыкновенную для меня удаль, молодечество и отчаянное богатырство Калмыковъ въ наѣздничествѣ.

Многія дѣвицы тоже славятся наѣздничествомъ; не говоря уже про то, что каждая женщина должна ѣздить верхомъ и умѣть усмирять ретивыхъ коней, выдаются такія наѣздницы, которыя не откажутся войдти въ состязаніе съ любымъ табунщикомъ.

Самая жестокая забава, съ ужасами которой трудно примириться, это укрощеніе осѣдланныхъ нѣуковъ. Тутъ дѣтей уже не сажаютъ, но участь удалаго юноши, укрощающаго коня, незавидна: осѣдланный нѣукъ ярится и мечется съ отчаяніемъ, онъ разрываетъ стягивающіе его ремни и разбиваетъ сѣдло, которое съѣзжаетъ съ него и падаетъ; наѣздникъ долженъ развлекать свое вниманіе, наблюдая и за конемъ, и за сѣдломъ, выскользающимъ у него изъ-подъ ногъ, и по мѣрѣ того, какъ сѣдло будетъ ломаться и повисать, онъ долженъ подпрыгивать на конѣ и со спины съѣзжать ему почти на шею; при малѣйшей неосторожности, особенно если наѣздникъ потеряетъ хладнокровіе и присутствіе духа, онъ летитъ съ коня вмѣстѣ съ сѣдломъ, и можетъ имъ повредить себѣ члены.

Хошоутовскій владѣлецъ кладетъ своимъ коннымъ табунамъ тавро

подъ гривой; этотъ исключительный случай и подалъ одному писателю о Калмыкахъ поводъ сказать вообще, что Калмыки таврятъ лошадей и весь скотъ на шеѣ, между-тѣмъ какъ рѣшительно всѣ Калмыки, кромѣ одного семейства князей Тюменевыхъ, выжигаютъ животнымъ тавро, какъ вездѣ водится, на бедрѣ.

—

XXIII.

Степное хозяйство и заработки.

Всѣ заботы Калмыка о своемъ хозяйствѣ сосредоточиваются около его табуна. Мы, въ разныхъ мѣстахъ предшествовавшихъ отдѣловъ, успѣли уже дать понятіе и о табунѣ, и о табунщикѣ, и объ призорѣ за скотомъ, и о его водопоѣ. Здѣсь мы скажемъ нѣсколько словъ о калмыцкихъ сѣнокосахъ, хлѣбопашествѣ, домостроеніи и нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ, которыя могутъ если невполнѣ ознакомить, то, по-крайней-мѣрѣ, дать нѣкоторое понятіе о степени развитія въ степи этихъ отраслей общественнаго хозяйства.

Калмыки косятъ сѣно двоякимъ способомъ: мужчины употребляютъ при этомъ русскія косы, «хаджѝ», а скошенное сѣно сгребаютъ граблями, «маджу̀ръ»; женщины же подрѣзываютъ тощую траву около хото́на обыкновенными серпами, которые у Калмыковъ называются «хаду̀ръ». Запасы сѣна сберегаются всегда при худука̀хъ зимняго кочевья, куда перевозится оно съ мѣстъ лѣтней кочевки. При худука̀хъ же хранятся и запасы калмыцкаго топлива — «кизяка́».

Сѣно свое Калмыки всегда вяжутъ въ снопы; для собственнаго обихода, связки эти бываютъ вѣсомъ до полупуда. Тысяча такихъ сноповъ, сложенныхъ одинъ на другой правильною пирамидою, называется «стогомъ»; если же въ грудѣ сноповъ болѣе тысячи, тысячи полторы, или двѣ сноповъ, то это называется уже не стогомъ, а «омётомъ». Но такой способъ убирать сѣно не есть исключительная принадлежность однихъ Калмыковъ: тоже самое мы можемъ встрѣтить и во всемъ волжскомъ Низовьѣ, и въ Землѣ-Уральскихъ Казаковъ, и у Киргизовъ, какъ Внутренней-Орды, такъ и дальней Зауральской-Степи.

Богатому скотоводу и некогда, да и невозможно, одному заготовить для себя полный запасъ сѣна на всю зиму; по этому люди зажиточные нанимаютъ себѣ работниковъ, и недостаточные Калмыки ходятъ къ нимъ для сѣнокоса цѣлыми семьями.

Калмыки, для своихъ богатыхъ скотомъ единоплеменниковъ, под ряжаются въ работу за извѣстное вознагражденіе: за каждый нор мальной омётъ сѣна, въ двѣ тысячи сноповъ двѣнадцати, а уже двадцати-фунтоваго вѣса, они получаютъ по четыре рубля сере ромъ и по небольшому куску кирпичнаго чая и къ нему бараньяго сала; сверхъ-того, три раза въ недѣлю имъ выдается по огром ному куску мяса и опредѣленное количество хлѣба и шюйрык Небольшая калмыцкая семья можетъ накосить и убрать каждый подрядной ометъ въ четыре дни, и получая достаточное довольствіе сберегаетъ въ сохранности денежную плату и можетъ даже отвез домой оставшіеся въ экономіи припасы

Случается, что хозяева подряжаютъ вязать снопы сѣна вѣсомъ только въ семь фунтовъ, и это довольно часто; въ такомъ случаѣ вознагражденіе бываетъ половинное.

Нормальною единицею при сѣнокосахъ у русскихъ крестьянъ, или казаковъ, считается стогъ въ тысячу сноповъ средней руки; казаки нанимаютъ для этой работы «сидячихъ» (то есть живущихъ при самой Волгѣ) Калмыковъ и платятъ имъ по рублю серебромъ со стога.

Во всемъ хошоутовскомъ улусѣ, сѣна на зиму Калмыки запасаютъ для себя, какъ сами они говорятъ, по примѣрному, но весьма скромному разсчету, около трехъ милльйоновъ сноповъ разнаго вѣса, не менѣе однакожъ семи фунтовъ; но третья часть всего количества бываетъ непремѣнно двѣнадцати-фунтоваго вѣса.

Впрочемъ, все здѣсь сказанное касается только до того сѣна, которое въ астраханскомъ-краѣ называется «простымъ».

Но есть другой родъ сѣна, запасаемаго исключительно для молодаго скота: именно «ржанёцъ». Его косятъ въ то время, когда въ рѣкѣ прибываетъ вода и когда ржанёцъ только что начинаетъ всходить. Косцы трудятся надъ нимъ и день и ночь безъ отдыха, торопясь выиграть время, и опасаясь, чтобъ выкашиваемую мѣстность не залило водой. Ржанёцъ чрезвычайно питателенъ: Калмыки увѣряютъ, что стоитъ сутки двои покормить имъ лошадь, истощалую и исхудалую до того, что она едва на ногахъ стоитъ — и животное совершенно оправится.

Ржанёцъ убирается правильными стогами, каждый въ тысячу сноповъ восьми-фунтоваго вѣса; подрядная плата за такой стогъ

шесть и семь рублей серебромъ, а въ неурожайное время за тысячу сноповъ платится восемь рублей серебромъ. Въ самой Астрахани цѣна за кошенный ржанецъ доходитъ до пятнадцати рублей серебромъ за тысячу сноповъ.

Въ отношеніи къ хлѣбопашеству, надобно замѣтить, что имъ занимается съ большимъ раченіемъ только самъ хошоутовскій владѣлецъ и немногіе другіе богачи; что жь касается до улусниковъ, то у нихъ эта отрасль домашняго хозяйства развита очень мало.

Хлѣбопашествомъ занимаются люди не средняго достатка, а Калмыки или самые зажиточные, въ качествѣ промышленникомъ, или самые бѣдные, въ качествѣ ихъ работниковъ. Занимающіеся хлѣбопашествомъ сѣютъ пшеницу, просо и горчичное сѣмя; это послѣднее представляетъ болѣе выгодный сбытъ и хорошее вознагражденіе за трудъ.

Калмыки, успѣвшіе уже усвоить себѣ эту промышленость, запахиваютъ нови, употребляя въ дѣло плуги; въ которые запрягаютъ они отъ трехъ до шести паръ головъ. Плуги изготовляются улусными работниками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ само начальство признало необходимымъ, для блага самихъ кочевниковъ, ввести у Калмыковъ распашку полей, но гдѣ Калмыки, по краткости времени, не ознакомились еще съ хлѣбопашествомъ, тамъ плуговъ своихъ у Калмыковъ нѣтъ; они ѣздятъ въ сосѣднія русскія деревни, и берутъ плуги у крестьянъ и у казаковъ напрокатъ, съ платою по пяти до семи рублей серебромъ за недѣлю пользованія: это уже служитъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, что Калмыки начинаютъ сами сознавать благодѣянія мирнаго промысла и что они всѣми средствами стремятся усвоить его себѣ поскорѣе.

Наемными же плугами распахиваютъ Калмыки и участки, предназначенные подъ лѣсныя плантаціи: въ улусахъ начинаютъ засѣвать разнаго рода деревья, а также пробуютъ сажать и желуди, для разведенія дубовыхъ лѣсовъ. Блистательные примѣры Новороссійскаго-края, примѣры, ясность и полезность которыхъ могутъ оцѣнить только очевидцы, даютъ полную увѣренность, что современемъ и волжскія степи зазеленѣютъ густыми рощами и лѣсами.

Садоводства въ улусныхъ земляхъ вовсе не существуетъ.

Изъ огородныхъ растеній Калмыки сѣютъ только дыни и арбузы,

но бахчи у улусниковъ незначительны. Въ распространеніи этой отрасли сельскаго хозяйства Калмыки не нуждаются, замѣняя ее отыскиваніемъ дикорастущихъ и нами уже исчисленныхъ травъ и корней, употребляемыхъ ими въ пищу.

Кромѣ-того, Калмычки занимаются обработкою конопли, всюду по берегамъ Волги и въ мочагахъ ростущей въ изобиліи. Въ хошеутовскомъ улусѣ этимъ занимаются лѣтъ уже пятьдесятъ, а лѣтъ двадцать назадъ, владѣлецъ завелъ было у себя и выдѣлку холста изъ дикой конопли, но скоро ее прекратилъ, потому-что она, отнимая время у бѣдныхъ семей, не вознаграждала всѣхъ убытковъ, причиняемыхъ запущеніемъ обыкновенныхъ занятій скотовода.

Конопля въ дикомъ видѣ растетъ всюду по степямъ и лѣтняго и зимняго кочевья. Калмычки выдираютъ ее, стряхиваютъ сѣмяна, которыя, тутъ же разметываясь по вѣтру, снова падаютъ на землю, сушатъ растеніе, треплютъ его, и дальнѣйшую обработку ограничиваютъ только приготовленіемъ толстыхъ нитокъ, которыми и шьютъ все, что́ дѣлается не изъ кожи.

Кромѣ конопли, Калмыки занимаются обработкою «тушмýта», корня, изъ котораго приготовляется очень хорошая и прочная жолтая краска. Краска эта употребляется въ дѣло, кажется, только одними здѣшними кочевыми жителями, и никуда не сбывается.

Поселянъ, то есть людей, желающихъ вкусить плоды жизни осѣдлой, въ одномъ Хошоýтовскомъ улусѣ болѣе трехъ сотъ семей; они пообстроились на самой рѣкѣ: на Табунъ-ара́льской дачѣ, на островѣ Шамба́ѣ, на Крýглинскомъ-островѣ, на Кути́лкиномъ-бугрѣ, на урочищѣ Кередѐ; есть еще въ самой степи особый хуторъ, или, какъ Калмыки передѣлали это слово — «кюютыръ», усвоившій себѣ, вмѣсто какого-либо другаго проименованія, эту калмыцкую передѣлку.

Поселенные Калмыки живутъ частію въ деревянныхъ избахъ, а частію въ мазанкахъ, но больше всего въ «турлýшкахъ», то есть въ постоянныхъ непереносныхъ шатрахъ, сдѣланныхъ изъ плетня наподобіе кибитки и обмазанныхъ глиною; внутри турлýшки устроивается печь.

Мѣстное калмыцкое начальство старается всѣхъ Калмыковъ захотить къ осѣдлой жизни, и постройку домовъ въ назначенныхъ мѣстахъ и по принятому плану поощряетъ ссудами въ пятнадцать и двадцать рублей серебромъ.

Рукодѣльность всякаго рода у Калмыковъ весьма замѣчательна. е только у однихъ Хошоутовъ, но и во всѣхъ улусахъ, есть иконописцы, лѣпщики, бо̀льшею частію изъ гелюнговъ, занимающихся изготовленіемъ священныхъ для Калмыковъ изображеній; мастерства экипажное, мебельное, оружейное, литейное, токарное, лотничное, слесарное, кузнечное имѣютъ тоже вездѣ своихъ представителей; въ улусахъ есть мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, ортные, портнихи, вязальщицы, басонщицы, сапожники и сапожницы, скорняки и проч. и проч. Каждое занятіе, составляя особый промыселъ, ограничиваетъ кругъ своихъ дѣйствій только роднымъ улусомъ, а за черту его рѣдко переходитъ. Замѣчательно то, что каждое мастерство переходитъ у калмыцкихъ мастеровъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ дѣда ко внуку; но въ улусахъ есть только одни «мастера», работниковъ же, отдаваемыхъ на выучку, для усвоенія себѣ какого-нибудь исключительнаго занятія, нѣтъ.

Кочующіе ближе къ рѣкамъ Калмыки занимаются и рыболовствомъ, но не какъ промысломъ, составляющимъ исключительное занятіе и предметъ торга, а только или въ видѣ удовлетворенія собственныхъ насущныхъ потребностей въ дневной пищѣ, или въ видѣ заработковъ.

Всѣ берега Волги и Каспійскаго-моря или составляютъ право собственности немногихъ частныхъ лицъ, или состоятъ въ пользованіи откупщиковъ у казны рыболовныхъ водъ; поэтому Калмыки, не имѣя притязанія на ловъ «красной» рыбы, ловятъ изрѣдка удочками, а если можно, то и бреднями, сазановъ, карасей, леща, окуня и тара̀нь.

Для заработковъ Калмыки ходятъ на сѣнокосы, о чемъ у насъ уже сказано; нанимаются въ косновщики, то есть въ гребцы на мелкихъ, такъ называемыхъ «косныхъ» судахъ; подряжаются ломать соль на казенныхъ соляныхъ озерахъ, за что̀ назначается имъ весьма достаточное вознагражденіе, и ходятъ на работу къ откупщикамъ и владѣльцамъ рыболовныхъ водъ.

Калмыки, въ послѣдніе годы, на ватагахъ и на промыслахъ, получали такіе заработки:

Ко̀ршикъ (кормчій на гребномъ суднѣ)	28 руб.	57 коп.	сер.	въ лѣто,
Рѣза̀льщикъ красной рыбы	43 —	—	—	въ годъ;
Рѣзальщикъ частиковой рыбы	10 —	—	—	въ пути̇̀ну;

Неводной (работникъ при неводѣ) и пятчикъ	11 руб.	43 к. с.	въ путину;
Неводчикъ, старшій неводной	14 —	28 — —	въ путину.

При «эмбенскомъ ловѣ», то есть на вольномъ рыболовствѣ въ Каспійскомъ-морѣ, внѣ границъ владѣнія частныхъ лицъ, или откупщиковъ. Калмыкамъ платятъ:

За весеннюю путину отъ 15 руб. 71½ коп. до 17 руб. 15 коп. сер.
За осеннюю — 20 — — 23 — —

За весьма тяжкую работу съ живодною-снастью имъ платятъ:

За весеннюю путину отъ 20 до 21½ руб. серебромъ.
За осеннюю путину — 23 — 25 — —

На этихъ работахъ, рабочій Калмыкъ, кромѣ жалованья, получаетъ отъ хозяина рыболовную снасть, чорнаго хлѣба и рыбы на прокормъ — въ волю; мясо, кирпичный чай или водку онъ долженъ брать у хозяина въ счетъ жалованья, по цѣнѣ, въ которой добровольно принужденъ будетъ согласиться.

Рабочій Калмыкъ, вступая въ работу на ватаги и на промыслѣ, обязанъ на собственный счетъ сдѣлать слѣдующія издержки, для справы себя всѣмъ необходимымъ для рыболова:

На пару сапоговъ	2 рубли	серебромъ.
На поршни	— — 35 коп.	—
На верблюжій чапанъ	1 — 75	— —
На пару рукавицъ съ варегами	50	— —
На кое-какую шубу	2 — —	— —
На теплую фуфайку	85	— —
На двѣ пары рубахъ и шальваръ	1 — 70	— —

Всего слѣдуетъ ему сдѣлать предварительныхъ издержекъ 9 руб. 15 коп. серебромъ; ни одна изъ поименованныхъ нами принадлежностей долѣе одной путины прослужитъ не можетъ.

Калмыки, отправляющіеся на ловѣцкую работу, ни жалованья, ни кόрма не получаютъ: у нихъ должно быть все свое, и свои же орудія рыболовства, которыя они берутъ, въ счетъ будущихъ заработковъ, у своихъ же хозяевъ. Деньги Калмыки получаютъ только по количеству уловленной «мѣрной» рыбы, въ цѣнѣ, въ которой они условились контрактомъ.

Для справы на ловѣцкое дѣло, артель Калмыковъ, то-есть двѣ или три лодки, каждая съ тремя человѣками ловцовъ, получаетъ отъ наемщика задатку отъ ста до ста-пятидесяти рублей серебромъ.

Забирая у хозяевъ хлѣбъ и снасть, въ счетъ денежной выдачи и въ надеждѣ на будущій заработокъ, Калмыки, по бо̀льшей части, остаются въ недоло̀вѣ, и слѣдовательно, въ долгу у хозяина. Надобно сказать, что иныхъ ловцовъ всюду преслѣдуетъ дѣйствительно одно несчастье, другіе уловленную рыбу и икру сдаютъ не въ свою контору, а перепродаютъ ловцамъ чужаго хозяина, за-то третьи съ успѣхомъ возвращаютъ всѣ свои расходы и «забо̀ры», и съ деньгами возвращаются къ семьѣ.

На соляныхъ озерахъ, Калмыкамъ назначено платить за выломку соли и за складку ее въ «бугры», или, какъ въ другихъ мѣстахъ говорятъ, «въ бунты», по 8 руб. 57 коп. серебромъ за каждую тысячу пудъ; за перевозку соли съ озеръ къ пристанямъ и за складку тамъ въ «бугры», подрядчику рабочихъ Калмыковъ платится отъ 14 до 15 руб. серебромъ, тоже за каждую тысячу пудъ, а иногда платятъ и около 13 руб. сер.: все зависитъ отъ мѣстныхъ условій.

Билетовъ для отправленія на заработки выдано въ 1850 году 12,194, а свидѣтельствъ на временную отлучку 5,832; слѣдовательно, принимая, что цифра всего калмыцкаго населенія составляетъ 60,000 душъ обоего пола, и что билеты выдаются исключительно однимъ мужчинамъ, мы придемъ къ тому выводу, что изо ста мужчинъ 20 человѣкъ ходятъ во временную отлучку изъ улусовъ, а 40—въ постоянныя заработки.

—

XXIV.

Торговля въ калмыцкихъ улусахъ.

Пространство земель, занятыхъ калмыцкими кочевьями, отъ границъ Саратовской до границъ губерніи Ставропольской, и отъ границъ земель Войска-Донскаго до береговъ Каспійскаго-моря, во всѣ времена, сколько объ этомъ судить можно, представляло мѣстность, постоянно населенную кочевыми племенами. Половину этого пространства занимаютъ крутизны Ергенѐ, которыхъ начало находится въ сосѣдствѣ города Царицына, а оконечность при рѣкѣ Манычѣ; возвышенность эта служитъ раздѣленіемъ водъ Дона и Сарпы. Отсюда берутъ начало разныя рѣчки, изъ которыхъ однѣ принадлежатъ къ системѣ рѣки Дона, другія къ системѣ Сарпы, впадающей въ Волгу. Къ первымъ принадлежатъ Червленная, Большая и Малая Бургустá, Цари́ца, Аксáй, Хара-Салъ, Якшибай и Джурукъ; ко вторымъ Тенсутá, Большая и Малая Улустà, Ялмата, Амта-Зельмéнь, Аршанъ-Зельмень, Наринъ-Зельмень, Сухотà и Сарпà.

Положеніе хребта Ергенѐ указываетъ, что въ эпоху доисторическую онъ служилъ берегомъ моря, разливавшаго прежде далеко свои волны. Начиная отъ этого склона до нынѣшнихъ береговъ Каспія идетъ совершенно плоская низменность, усѣянная солончаками и переносимыми съ мѣста на мѣсто сыпучими песками; здѣсь въ копаняхъ всюду вода горькая; растительность ограничивается только полынью, да жосткими травами и кореньями, неизвѣстными въ черноземной полосѣ и на равнинахъ и вообще въ возвышенныхъ надъ уровнемъ моря мѣстностяхъ.

Поэтому все пространство здѣшнихъ земель дѣлится на двѣ полосы: на полосу выше Ергенѐ, способную къ посѣвамъ колосныхъ растеній, особенно пшеницы, и къ разведенію лѣсовъ, и на полосу ниже Ергенѐ, ни на что, кромѣ пастьбы скота, неспособную. Къ этой же категоріи относятся и луговыя низовья Волги.

По хребту Ергенѐ идетъ транспортная дорога отъ Дубовской-пристани до города Ставрополя; по ней до-сего-времени товары отъ Дубовки доставляются только лѣтомъ, чумаками, на быкахъ. Промысломъ этимъ занимаются преимущественно крестьяне селеній Ставропольскаго уѣзда—Петровскаго и Кугульты, и Пятигорскаго - Медвѣдскаго и Воронцовки. Зимою эта дорога, по безлюдности, не посѣщается никѣмъ и дѣлается непроѣзжею. Нынѣ по ней устраиваютъ новыя поселенія, подъ названіемъ «станицъ», и нѣтъ сомнѣнія, что эта дорога будетъ лучшимъ и удобнѣйшимъ торговымъ трактомъ, какъ между приволжскими губерніями, такъ и между губерніей Ставропольской и землей Черноморскаго-Войска.

Вершины горъ Ергенѐ усѣяны курганами, единственными памятниками, свидѣтельствующими о народахъ, когда-то эти мѣста занимавшихъ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой, во-время существованія Кавказскаго намѣстничества, для разрытія кургановъ сформирована была особая команда; но ее вскорѣ потомъ уничтожили. Въ этихъ курганахъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, кромѣ надгробныхъ татарскихъ надписей, не находили; самые же курганы, какъ говорятъ, состояли изъ склеповъ, сложенныхъ, безъ цемента, изъ громныхъ отесанныхъ камней.

Кромѣ могильныхъ кургановъ, попадаются тутъ курганы съ инымъ назначеніемъ. Такъ на рѣкѣ Калаусѣ, недалеко отъ впаденія ея въ Маничъ, среди обширной поляны, одиноко высится конусообразный курганъ. Калмыки разсказываютъ, что въ царствованіе Петра Великаго, котораго они называютъ «Цаганъ-Баатыръ-Ханъ», то-есть Бѣлый-Царь-Богатырь, на Калаусѣ было сраженіе калмыцкаго хана Аюки съ кавказскими Ногаями; ихъ положено на мѣстѣ до шести тысячъ, и надъ трупами ихъ насыпанъ курганъ, которому, въ память счастливой битвы, дано названіе «Баиринъ-толго», то есть курганъ радости.

Многіе, сохранившіеся отчасти донынѣ, остатки городищъ служатъ памятниками, что земли, о которыхъ идетъ рѣчь, были занимаемы, если не осѣдлыми жителями, то, по-крайней-мѣрѣ, такими обитателями, которые были въ необходимости укрѣплять главныя свои ставки каменными зданіями и приличными времени и обстоятельствамъ

строеніями. Такихъ остатковъ старины находимъ мы множество; къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ, на луговой сторонѣ Волги, «Мамаева-Землянка», или «Царёвы-Пбды—остатки стараго Сарая; «Джигидъ» у селенія Селитряный-Городокъ; южнѣе его, на Ахтубѣ, «Акъ-Месджидъ», близь Ханскаго-Брода; далѣе «Давлютханъ», нынѣ Лапасинскій-Кордонъ; въ самой Астрахани Ямгурчовъ-бугоръ и бугоръ Жареный; къ востоку оттуда, отъ Астрахани въ семи верстахъ, городище «Чунгуръ»; на нагорномъ берегу Волги, недалеко отъ Астрахани, выше ея верстъ на 14, близь такъ называемой Стрѣлецкой-Ватаги, «Куюкъ-Кала»; къ западу отъ станицы Косихинской «Чулунъ-Молотукъ», и наконецъ развалины «Маджаръ», о которыхъ еще въ 1728 году, извѣстный Іоганъ Густафъ Герберъ, назначенный было, впослѣдствіи времени (въ 1731 году), начальникомъ миссіи въ Хиву и Бухару, разсказывалъ, что въ его времена «цѣлые погреба и развалины разныхъ великихъ палатъ были тамъ видны»; въ Книгѣ Большому Чертежу объ этой мѣстности сказано только, что «Можаровъ-юртъ: семь мечетей татарскихъ», а въ Актахъ Историческихъ она просто названа—Можарово-Городище.

Около границъ Пятигорскаго уѣзда, по теченію рѣки Кумы, ниже слободы Владиміровки верстъ на 60, на урочищѣ «Джиланъ-Кишу» или «Змѣиномъ-Бродѣ», до-сего-времени находятъ остатки каменныхъ строеній. Кирпичъ ихъ имѣетъ двѣ съ половиной четверти въ длину, а толщиной въ полтора вершка; онъ замѣчателенъ по особенной крѣпости, и представляетъ чистый кирпичъ-желѣзнякъ. Крестьяне Пятигорскаго уѣзда, селъ Покойнаго, Прасковеи и другихъ, до сего-времени выкапываютъ этотъ кирпичъ и употребляютъ на выстилку въ печахъ подовъ. Въ бывшемъ городѣ Св Креста, а нынѣ Карабаглинской-слободѣ, Пятигорскаго же уѣзда, есть цѣлые дома, сложенные изъ вырытаго на Зиланъ или Джиланъ-Кишу кирпича; жители называютъ его «мамаевскимъ кирпичомъ».

Въ настоящее время, все пространство нагорнаго берега Волги занято кочевьями Калмыковъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ астраханской палаты государственныхъ имуществъ, и Туркменъ, состоящихъ подъ начальствомъ главнаго управленія мухаммеданскихъ народовъ въ Ставропольской губерніи. По степямъ луговой стороны Волги кочуютъ изъ Калмыковъ одни Хошоуты, Кундровскіе Татары и часть

Татаръ Юртовскихъ, Каракалпаки и Туркмены астраханскаго вѣдомства; всѣ они зависятъ отъ астраханской палаты государственныхъ имуществъ; а далѣе за ними — Киргизы Внутренней-Орды, находящіеся, точно такъ же какъ и зауральскіе Киргизы, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ оренбургской пограничной коммиссіи.

На лѣвый берегъ Кумы, въ томъ мѣстѣ гдѣ она начинаетъ исчезать въ пескахъ, переходятъ, въ лѣтнее время, иногда и Каранагайцы, состоящіе такъ же въ вѣдѣніи главнаго управленія мухаммеданскихъ народовъ.

Всѣ эти инородцы ведутъ жизнь кочевую; все ихъ достояніе и всѣ ихъ насущныя средства къ существованію заключаются въ одномъ скотоводствѣ, которое, съ теченіемъ времени, мало-по-малу клонится къ упадку, подготовляя такимъ-образомъ исподоволь народъ къ осѣдлой жизни, къ которой рано или поздно должны наконецъ будутъ приступить нынѣшнія кочевыя племена, по общему ходу вещей въ цѣломъ мірѣ.

Нѣкогда они славились своими табунами, а нынѣ лошадьми богаты одни Туркмены, рода Чаудуръ, и Калмыки улусовъ Хошоутовскаго, Ики-Цохуровскаго, Бага-Цохуровскаго и обоихъ Дербетовъ; въ прочихъ улусахъ конныхъ табуновъ нѣтъ: остались одни бараны и рогатый скотъ — и это уже составляетъ большой шагъ къ осѣдлости.

Изъ конныхъ табуновъ особенно замѣчательны табуны самого хошоутовскаго владѣльца и чорнаго Калмыка Большедербетевскаго улуса Цаганъ-Манжи. Табуны перваго улучшены жалованными жеребцами изъ царскихъ заводовъ, а табуны послѣдняго—жеребцами горскихъ породъ. Лошади хошоутовскаго владѣльца продаются большею частію въ Астрахани, для жандармской и пожарной командъ, а также для артиллеріи астраханскаго казачьяго-войска, а лошади завода Цаганъ-Манжи покупаются въ артиллерійскія команды кавказскихъ войскъ; они отличаются особенною крѣпостію

Породистымъ рогатымъ скотомъ особенно славится улусъ Малодербетевскій: бывали случаи, что корова продавалась по 30 рублей серебромъ, тогда какъ въ другихъ улусахъ дороже 15 руб. серебр. коровъ не бываетъ Крупный рогатый скотъ Малодербетевцовъ отличается длиннымъ туловищемъ, короткими ногами, прямыми рогами и широкимъ черепомъ. Быки малодербетевскихъ Калмыковъ, и имен-

но быки-трехлѣтки, очень часто продаются по 115 рубл. серебр. тогда какъ въ другихъ улусахъ такой цѣны и неслыхано [1].

Калмыки стараются разводить у себя породу «краснопёрой» масти, то есть бѣлой съ желто-красными отмѣтинами на бокахъ: это потому, что крестьяне, занимающіеся чумачествомъ, особенно пристрастны къ этой масти.

Крупные, жирные и съ тяжелыми курдюками бараны разводятся преимущественно въ улусахъ Еркетéневскомъ, Икицохýровскомъ и Яндыковскомъ: этому способствуютъ, какъ замѣчаютъ сами овцеводы, солонцы и горькія травы. Шерсть старыхъ калмыцкихъ, да и вообще степныхъ, даже киргизскихъ овецъ чрезвычайно груба; она употребляется на валяніе кóшемъ, сапоговъ и тому подобнаго, а для пряжи признается негодною. Были ли дѣланы опыты съ такъ называемой «веснóной», съ тою чрезвычайно нѣжною на ощупь и длинною шерстью, которою бараны обрастаютъ впродолженіе зимы и которая состригается съ нихъ весною—неизвѣстно.

Овцы Туркменъ и Караногайцевъ мелки; курдюковъ у нихъ почти нѣтъ, а образуются обыкновенные хвосты. Туркмены и Каранагайцы стараются размножать овецъ чорной шерсти, потому-что ягнята этой масти доставляютъ бóльшую прибыль: ихъ бьютъ, то есть рѣжутъ, черезъ двѣ недѣли, много—черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія; мерлушки эти бываютъ густаго чорнаго цвѣта и немногимъ уступаютъ бухарскимъ, такъ называемымъ «каракýльскимъ» мерлушкамъ. За хорошую мерлушку Калмыкамъ платятъ 3 и 4 рубли серебромъ за штуку. Если мерлушка вышла несовсѣмъ черна—Калмыки, занимающіеся скорняжнымъ мастерствомъ, ее подкрашиваютъ, но въ такомъ случаѣ цѣна ей полагается гораздо мéньшая, не болѣе 2 руб. сер., а смотря по изъяну и еще мéньшая.

У хошоутовскаго владѣльца разведены огромныя стада шлёнскихъ овецъ и мериносовъ; ни о состояніи этой отрасли хозяйства у Кал-

[1] Очень сожалѣемъ о неисправимомъ упущеніи: въ бытность на мѣстѣ, намъ въ голову не пришло привести въ положительную извѣстность длину и вѣсъ тѣла рогатаго скота простыхъ и улучшенныхъ породъ. Этотъ-то рогатый скотъ и продается въ Петербургѣ въ числѣ черкасскаго скота, независимо отъ тѣхъ калмыцкихъ быковъ, которые называются линейскими.

мыковъ, ни объ оборотахъ торга шерстью, мы не можемъ представить никакихъ положительныхъ и вѣрныхъ данныхъ.

Кочевыя племена праваго берега Волги торгъ скотомъ производятъ въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Калмыки Большедербетевскаго и Малодербетевскаго улусовъ сбываютъ свой скотъ, по большей части, на ярмаркахъ Царицинской, а въ землѣ Войска-Донскаго на Карповской, Чирской, Курмоярской и Ильинской; въ Ставропольской же губерніи на ярмаркахъ въ самомъ Ставрополѣ и въ селеніяхъ Медвѣжьемъ, Ставропольскаго, и Медвѣдскомъ и Прасковѣи-Пятигорскаго уѣздовъ.

У Калмыковъ Хошоутовскаго улуса торгъ скотомъ производится самый незначительный на «Калмыцкомъ-Базарѣ», мѣстечкѣ, находящемся на нагорномъ берегу Волги, въ семи верстахъ выше Астрахани; сюда лошадей приводятъ поуздечно, головъ по пяти, по шести; коровъ тоже малыми партіями, барановъ сотнями и полусотнями, какъ случится, козъ десятками; а кожи всѣ, сколько съ весны до осени ихъ ни наберется, сбываются въ самой Астрахани.

Цѣны обыкновенно бываютъ такія:

Лошадь	20	руб.	сер.,	самая	дорогая	цѣна	50 руб.	сер.
Корова	6	—	—	—	—	—	12 — —	—
Баранъ	2	—	—	—	—	—	3 р. 50 к.	—
Коза	1	—	—	—	—	—	1 р. 50 к.	—
Кожа конская.	— 50 к.	—	—	—	—	—	85 к.	—
Воловья. . . .	— 43 к.	—	—	—	—	—	60 к.	—
Овчина	— 43 к.	—	—	—	—	—	75 к.	—

Болѣе замѣчательный торгъ живымъ скотомъ производится въ помѣщичьемъ селеніи Карповка, что въ Землѣ Донскаго-Казачьяго-Войска, гдѣ ярмарка бываетъ въ началѣ весны, вскорѣ послѣ Св. Пасхи; на ярмаркахъ въ селеніяхъ Саскылъ и Селитряномъ-городкѣ, о-Покровѣ, и на весенней ярмаркѣ въ селеніи «Ханская-Ставка», или просто «Ставка», что во Внутренней-Киргизской-Ордѣ, въ Нарынъ-Пескахъ: здѣсь сбытъ у Хошоутовъ бываетъ самый большой. Сюда лошадей гонятъ косяками и табунами, а рогатый скотъ огромными стадами; здѣсь же Хошоуты закупаютъ полный годовой запасъ домашнихъ принадлежностей, особенно ситцовъ, коленкоровъ, холста, шелковыхъ матерій, сукна, досокъ кирпичнаго чаю и прочаго.

Цѣны на живой скотъ тутъ бываютъ слѣдующія:

Верблюдъ	отъ	15	до	25	руб. сер.,	[illegible];
Конь	—	20	—	60	—	—
Пара быковъ			—	50	—	—
Коровы, поштучно	—	6	—	15	—	—
Бараны	—	2	—	3	—	—

Изъ старыхъ дѣлъ архива калмыцкаго-управленія видно, что въ 1836 году цѣны на скотъ въ улусахъ показывались: за верблюда 80 рублей ассигнаціями, за лошадь 70 рублей, за рогатый скотъ 60 рублей, за барана 12 рублей, а за козу четыре рубли ассигнаціями.

Дорога, которою гонятъ скотъ съ Ордлигйнъ-цекѐ на ярмарку въ Ханскую-Ставку, лежитъ черезъ слѣдующія урочища:

Ергё			
Худукъ Кюкъ-тюбё или зеленый-бугоръ	1	день	хода
— Казгынъ-танхà	1	—	—
— Мааликтё	1	—	—
— Борданъ-Гашỳнъ	½	—	—
Гора Бага-Богдо, или малая Богда	½	—	—
Худукъ-Еедмыктё	1	—	—
— Кардууни-Салà, то есть мысъ Калмыка Кардуна, вырывшаго здѣсь колодецъ	½	—	—
Пески Нарйнъ	1	—	—
Урочище Наринй-торцó, то есть возвышенность среди Наринъ-Песковъ, гдѣ и выстроена «Ставка»	½	дня	хода.

Все это пространство скорой ѣздой, безъ остановки, можно миновать въ двои сутки; но съ прогономъ скота и съ водопоемъ, если барановъ сберегать въ зной и гнать ночью, холодкомъ, надо употребить недѣлю времени.

Калмыки остальныхъ улусовъ, также какъ и Туркмены и Караногайцы, сами скотъ на ярмарки не гоняютъ, а продаютъ его въ мѣстахъ кочевья, съ наступленіемъ весны, купцамъ, пріѣзжающимъ преимущественно изъ губерній Воронежской, Тамбовской и Саратовской.

Купцы эти дѣлятся на два разряда, на гуртовщиковъ и на сгонщиковъ.

«Гуртовщики» покупаютъ рогатую скотину, преимущественно старую, и старыхъ калмыцкихъ барановъ; скотъ этотъ пригоняется во

внутреннюю Россію, въ тѣ мѣста, гдѣ устроены салотопенные заводы, какъ напримѣръ въ Сызрани и особенно въ Самарѣ; во-время слѣдованія своего онъ «отпасывается», или «нагуливается», «нажировывается», и по прибытіи на мѣсто, еще нѣсколько времени откармливается. На салотопенныхъ заводахъ его рѣжутъ; сало вытапливаютъ, сдабриваютъ его извѣстными подмѣсями, потомъ закупориваютъ его въ бочки, и въ свое время отправляютъ въ Петербургъ, для выпуска за границу; изъ мяса и костей вываривають бульйонъ, который въ Россіи продается повсемѣстно, а изъ остальныхъ частей приготовляютъ клей, извѣстный подъ названіемъ «мездроваго».

«Сгонщики» покупаютъ скотъ молодой, а барановъ бо́льшею частію двухъ и трехъ-годовалыхъ; скотъ, ими скупаемый, идетъ уже не на сало, а прогоняется преимущественно въ Москву и въ Петербургъ, на убой для продовольствія.

Гуртовщики и сгонщики раздѣляютъ купленный скотъ на партіи, рогатый отъ 500 до 1500 головъ, а барановъ отъ 3,000 до 6,000 въ гуртъ.

По нагорной сторонѣ Волги, особаго неизмѣннаго прогоннаго тракта нѣтъ: изъ мѣстъ покупки скотъ прогоняютъ къ Царицыну, кому, гдѣ и какъ заблагоразсудится — на степи полный просторъ всему, лишь бы по дорогѣ было достаточное количество колодцевъ для водопоя. Къ этому надо присовокупить, что при торгѣ баранами въ калмыцкой степи, въ отличіе отъ этой отрасли по оренбургской линіи и торга въ Троицкѣ, въ Оренбургѣ, въ Уральскѣ и въ Гурьевѣ-городкѣ, ни «мостовы́хъ» (за перевозы), ни «прорубны́хъ» (за водопой), ни «кортомныхъ» (за пастьбу) платежей пока еще не существуетъ; только по новымъ станицамъ, учреждаемымъ по чумацкой дорогѣ, начинаетъ, говорятъ, теперь возникать плата за одинъ водопой, которая относится преимущественно до торговыхъ фуръ, обозовъ. Гуртовщики и сгонщики пріѣзжаютъ для закупки скота съ своими рабочими, а въ пастухи и погонщики нанимаютъ царицынскихъ мѣщанъ и крестьянъ селенія Цацынскаго, Черноярскаго уѣзда. Царицыне и цацынскіе крестьяне сами торгуютъ въ улусахъ краснымъ товаромъ, хлѣбомъ и разною мелочью, хорошо знаютъ языкъ и нравы Калмыковъ и вся мѣстность имъ знакома вполнѣ: поэтому занятіе пастушествомъ и пастьбой чужаго скота до роднаго города выгодна и для нихъ самихъ, и для гуртовщиковъ.

Гуртовщики и сгонщики, по прибытіи въ улусы нагорной стороны Волги, постоянно останавливаются въ главныхъ ставкахъ мѣстнаго начальства: у Калмыковъ — въ Икицохуровскомъ и Еркетеневскомъ улусахъ, а у Караногайцевъ и у Туркменовъ при ставкахъ приставовъ. Изъ этого можно уже уразумѣть степень торговаго значенія главныхъ ставокъ. Нелишне присовокупить, что при этихъ же ставкахъ живутъ «лучшіе люди», улусники со значеніемъ, съ вѣсомъ, богачи, ознакомившіеся уже съ блескомъ и роскошью Стало-быть, ставка для кочевниковъ соединяетъ въ себѣ тоже понятіе, что у насъ—городъ. Изъ этихъ пунктовъ, они высылаютъ въ прочія кочевья прикащиковъ, а тѣ уже осматриваютъ продажный скотъ и приторговываются къ нему; Калмыки же, узнавъ, какого рода товаръ имъ нуженъ, гонятъ скотъ туда, гдѣ остановились купцы-хозяева Цѣнность скота возвышается, или понижается ежегодно, смотря по мѣрѣ предшествовавшаго сбыта сала за границу и настоящаго на него требованія. Такимъ-образомъ операція, окончательно совершаемая въ Петербургѣ, явственно и быстро чувствуется за тысячи верстъ, во всѣхъ концахъ обширнаго нашего отечества, несмотря на то, что между номадомъ, отдающимъ своего барана, и биржевымъ маклеромъ, совершающимъ торговую записку, можно много насчитать посредствующихъ дѣятелей, живущихъ отъ этого промысла.

Съ самаго начала, цѣны весьма колеблются; обѣ стороны, и Калмыки, и купцы, долго держатся въ своихъ запросахъ и предложеніяхъ, а окончательное рѣшеніе происходитъ уже тогда, когда соберутся всѣ свѣдѣнія о рѣшительныхъ цѣнахъ на окрестныхъ ярмаркахъ.

Покупка скота въ улусахъ происходитъ въ двухъ видахъ: по мелочамъ и оптомъ. Въ разничномъ торгѣ скотомъ принимаютъ участіе тѣ мелочные торговцы, Русскіе, Армяне, Татары, а частію, и то тайкомъ, Хивинцы, которые круглый годъ разъѣзжаютъ по улусамъ съ товарами, постоянно для Калмыковъ необходимыми; они уступаютъ товаръ рѣдко на наличныя деньги, а чаще отдаютъ въ долгъ, «на бирку», и на мѣну баранами, которыхъ отъ нихъ уже перекупаютъ оптовые сгонщики и гуртовщики.

У самихъ Калмыковъ гуртовщики и сгонщики покупаютъ рогатый скотъ, не назначая особой цѣны за каждую скотину отдѣльно, а берутъ нѣсколько головъ у одного или у многихъ хозяевъ и назнача-

ютъ среднюю цѣну, безъ различія хорошей скотины отъ дурной, предоставляя затѣмъ самимъ Калмыкамъ произвести между собою дробный разсчетъ. Калмыки привыкли къ этому роду продажи скота, и чтобы избѣжать распрей при раздѣлѣ вырученныхъ денегъ между нѣсколькими хозяевами, стараются укомплектовать гуртъ такимъ образомъ, чтобы всѣ быки и коровы были одинаковыхъ достоинствъ. Бараны покупаются тоже оптомъ, но съ допущеніемъ брака дурныхъ, худыхъ, тощихъ или больныхъ, если въ продаваемомъ гуртѣ будутъ такіе замѣчены.

Порядокъ продажи скота у Туркменъ и у Караногайцевъ тотъ же, но цѣнность его, въ сравненіи съ калмыцкимъ, представляетъ разительную разницу. Скотъ у этихъ племенъ, какъ крупный, такъ и мелкій, мелокъ и низокъ по добротѣ: напримѣръ, пятилѣтняя караногайская или туркменская корова едва равняется, говорятъ, полутора-годовалой калмыцкой телушкѣ.

Туркменамъ и Караногайцамъ платится за корову отъ четырехъ до восьми рублей серебромъ, а за барана отъ одного до полутора руб. за штуку.

Лошади, какъ у Калмыковъ, такъ и у Туркменъ и у Караногайцевъ, продаются на ярмаркахъ; за покупкою ихъ на кочевьяхъ, изъ табуновъ, въ улусы никто не ѣздитъ. Лошади продаются по достиженіи трехъ-лѣтняго и четырехъ-лѣтняго возраста, и то одни мерины: матокъ Калмыки и другія кочевыя племена не продаютъ, потому-что онѣ нужны и для приплода, и для дешеваго и необходимаго для хозяевъ кумыза. Жеребчиковъ тоже не продаютъ, потому-что они ненужны покупателю, по безполезности въ работу и, слѣдовательно, никакой цѣны пока еще не имѣютъ.

Козы продаются только осенью, частью живьемъ, частью кожами и саломъ; въ 1851 году живая коза на Калмыцкомъ-Базарѣ продавалась по одному рублю пятидесяти копѣекъ серебромъ; сало козье, въ Астрахани, два рубли серебромъ за пудъ; кожи сорокъ копѣекъ за штуку.

Съ прибытіемъ въ улусы сгонщиковъ и гуртовщиковъ, весна въ кочевьяхъ Калмыковъ и ихъ сосѣдей представляетъ необыкновенное движеніе и особенную дѣятельность. Царицане длинными обозами тянутся мимо Сарепты, чрезъ кочевья Малодербетевцовъ: по-крайней-мѣрѣ двѣ трети царицынскихъ горожанъ выѣзжаютъ для торговъ въ

калмыцкую степь, куда въ это же время отправляются и некоторые изъ купцовъ черноярскихъ и енотаевскихъ. Они разсыпаются по степи, действуютъ въ каждомъ уголкѣ черезъ особыхъ довѣренныхъ, и входятъ въ сдѣлки со всѣми аймаками. Калмыки, самыхъ отдаленныхъ хотоновъ, гонятъ излишекъ своего достоянія и торопятся не пропустить времени, чтобъ сдѣлать выгодный размѣнъ своихъ коровъ и барановъ на необходимые въ домашествѣ предметы. Тутъ затрогиваются всѣ интересы и всѣ хлопочутъ: и Калмыки-товарищи, составляющіе родъ компаніи на продажу купцу своего скота, и приказчики, употребляющіе всѣ ужимки, чтобъ выгадать на всемъ лишную гривну, и домочадцы, желающіе отцу семейства успѣха, и ребятишки, ожидающіе отъ новаго вымѣна какого-нибудь гостинца — всѣ мечтаютъ о томъ, чтобъ дѣло кончилось скорѣй, мирно, безъ ссоръ, къ общему для всѣхъ удовольствію.

Главные обороты оптовой закупки калмыцкаго скота начинаются въ мартѣ мѣсяцѣ, а къ іюлю всѣ операціи кончаются.

Необходимыя въ домашнемъ быту, обыкновенныя житейскія потребности приобрѣтаются кочевниками обоихъ береговъ Волги частію на сосѣднихъ ярмаркахъ, какъ мы уже объ этомъ сказали; а еще того больше — у мелкихъ торговцевъ, разъѣзжающихъ по кочевьямъ, куда однакожь, если и не самые капитальные дома, то, по-крайней-мѣрѣ, очень состоятельные купцы высылаютъ своихъ приказчиковъ: всѣ ихъ обороты имѣютъ предметомъ преимущественно раздачу товаровъ въ долгъ, само-собой разумѣется по цѣнамъ, доходящимъ иногда до баснословной цифры, если только представится возможность довести кочеваго степняка до необходимости платить за все въ тридорога. Къ осени, завершаются бездоимочные разсчеты съ должниками, которые, надо отдать справедливость, платятъ долги съ примѣрною честностью; ихъ понуждаетъ къ тому необходимость не потерять довѣрія и надежда на будущія одолженія. Это и ставитъ существенное различіе между примѣрною честностью Калмыковъ и безпримѣрною дальнихъ зауральскихъ Киргизовъ, которые платятъ долги не изъ разсчета, а именно изъ того только, что не могутъ допустить мысли о возможности не платить долговъ: пройдутъ годы, и несостоятельный прежде Киргизъ пріѣдетъ за пять-сотъ верстъ, отыщетъ своего кредитора и начисто съ нимъ расквитается за себя, за брата или за отца.

Калмыки не всегда бываютъ въ силахъ уплачивать долги наличною монетой: они разсчитываются съ кредиторами кто чѣмъ можетъ; въ уплату идутъ лошади, верблюды, рогатый скотъ, бараны, козы, шерсть, грива, конскіе хвосты, старыя шубы, кожи невыдѣланныя, волчьи, заячьи, лисьи и корсачьи мѣха, сайгачьи рога, и очень рѣдко кошмы и арканы. Улусные торговцы продаютъ Калмыкамъ товаръ еще дороже, чѣмъ онъ продается въ Астрахани, гдѣ на предметы калмыцкаго потребленія цѣны (домашнимъ образомъ собранныя) въ послѣднее время стояли такія:

Ржаная мука	3 руб. и 3 руб. 50 коп. сер.	за куль въ 7 пуд.
Пшеничная мука	4 — » 5 — —	
Чай кирпичный	1 — » 1 — 43 — —	за кирпичъ.
Желѣзо	2 — —	за пудъ.
Иголки	¼ и 1 — —	за штуку.
Козловая кожа	2 — —	за штуку;
Синее сукно, плохое	1 — 70 к. 1 — 90 — —	
Желтое сукно, такое же	3 — —	
Верблюжье сукно съ симбирскихъ фабрикъ	75 и 90 коп.	
Холстъ самый грубый	5 » 6 —	
Холстъ не самый грубый, но дурной	8 —	
Бязь	7 » 8 —	За аршинъ.
Нанка	13 » 15 —	
Кумачъ	20 коп.	
Ситецъ странныхъ рисунковъ и несвѣжій	15 » 25 —	
Плисъ чорный, ужасной доброты	25 —	
Позументъ	1 —	
Платокъ носовой, небольшихъ размѣровъ	17 —	за штуку.
Китайка	60 » 75 —	

Кромѣ того, купцы продаютъ Калмыкамъ ножницы, сандалъ, нашатырь, квасцы, камфору, миткали, выбойки, сафьяны, табакъ, сундуки, чашки и разный деревянный товаръ, котлы, таганы, ножи, шелковыя матеріи, парчи, порѣшни, лисьи хребты и тому подобное.

Торговля съ Калмыками очень прибыльна: купцы назначаютъ все-

му цѣны произвольныя; за долги отбираютъ скотъ, зимою выкармливаютъ его сѣномъ, которое заготовляютъ черезъ самихъ же Калмыковъ, а весной перепродаютъ сгонщикамъ и гуртовщикамъ, а частичками продаютъ и самимъ Калмыкамъ, въ видѣ припасовъ для ежедневнаго приготовленія пищи. Постоянно торгующіе въ степи сбываютъ выручаемые отъ кочевыхъ племенъ товары или въ самой Астрахани, или въ Царицынѣ. Старыя шубы продаютъ они нарочно для того пріѣзжающимъ изъ внутреннихъ губерній овчинникамъ, которые ихъ перебираютъ и перешиваютъ, а потомъ разсылаютъ по незначительнымъ ярмаркамъ; конскія и воловьи кожи уступаются царицынскимъ торговцамъ, отправляющимъ ихъ, вмѣстѣ съ шерстью, на Нижегородскую-ярмарку.

Товаръ, нужный для Калмыковъ, степные торгаши обыкновенно сами набираютъ въ кредитъ: Армяне пріобрѣтаютъ его въ Астрахани, а Царицане въ городѣ Царицынѣ, у тамошнихъ капитальныхъ купцовъ. Условія при этомъ бываютъ такаго рода. Покупающій товаръ на наличныя деньги платитъ отъ десяти до двѣнадцати процентовъ противъ того, во что самому купцу обошлась покупка на Нижегородской-ярмаркѣ, вмѣстѣ съ провозомъ и со всѣми расходами; тотъ, кто въ силахъ внести только двѣ трети, или половину, платитъ отъ двѣнадцати до шестнадцати процентовъ; кто можетъ дать наличныя деньги только за одну треть забраннаго количества товара, платитъ цѣну двадцатью процентами дороже того, чего онъ купцу стоитъ, а у кого денегъ вовсе нѣтъ, тотъ обязуется уплатить двадцать-пять и тридцать процентовъ, смотря по обстоятельствамъ.

Платежныхъ сроковъ два: первый въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда купцы сбираются на Нижегородскую-ярмарку, а второй, въ сентябрѣ и октябрѣ, когда привезенные изъ Нижняго товары отпускаются для зимней распродажи. Эти купеческіе сроки совпадаютъ со сроками весенней и осенней перекочевокъ Калмыковъ съ зимнихъ на лѣтнія пастбища, и наоборотъ.

Улусные торгаши въ степи сами помѣщаются и операціи свои производятъ въ кибиткахъ, въ которыхъ, для раскладки части товара, устраиваютъ особыя полки и залавки; входъ завѣшивается и заставляется разными пристройками, кожами, досками, кибиточными дверьми; подъ цагрыкомъ развѣшиваются куски баранины, готовые сапоги

и толстая выбойка: отъ этого внутренность кибитки, и безъ того лишенная достаточнаго освѣщенія, дѣлается еще мрачнѣе, такъ, что видѣть и вглядѣться въ качество товара почти невозможно. Товаръ, который получше, хранится въ особыхъ коробьяхъ, чтобы, при частыхъ передвиженіяхъ, онъ не мялся и не пылился. Торгаши эти перекочевываютъ вмѣстѣ съ Калмыками, и всю движимость свою перевозятъ на арбахъ.

Трудно, даже едва ли и возможно, представить точныя, по-крайней-мѣрѣ приблизительныя цифры о всѣхъ оборотахъ торговли въ калмыцкихъ улусахъ, какъ внутри степныхъ земель, такъ и на сосѣдственныхъ ярмаркахъ. Чтобъ сдѣлать все, что́ отъ насъ зависитъ, и сохранить общепринятыя условія, приводимъ оффиціальныя цифры, собранныя мѣстнымъ управленіемъ, сколько это дозволяли обстоятельства и возможность добиться истины.—Въ 1850 году Калмыки продали:

	Верблюдовъ.	Лошадей.	Рогатаго скота.	Барановъ.	Козъ.
Въ Хошоу́товскомъ улусѣ.	45	457	591	3 559	174.
— Багацоху́ровскомъ. . .	—	110	229	1,700	—
— Яндыковскомъ.	—	125	450	1,420	—
— Икицоху́ровскомъ . . .	120	150	1,100	15,001	—
— Еркетéневскомъ. . . .	79	277	6,303	38,081	11.
— Малодербетевскомъ. . .	—	578	13 900	52,590	—
— Большедербетевскомъ.	—	147	957	790	—
— Хараху́совскомъ. . . .	22	120	410	4,200	17.
— Мочага́хъ.	—	14	305	700	30.
На Калмыцкомъ-Базарѣ. .	11	35	271	2,007	189.
Всего продано	286	1,993	24,316	121,037	421.

Все это, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, оцѣнивается въ 499,728 рублей 94 ¼ коп. серебромъ.

—

XXV

Калмыцкіе медики.

Очерки свои о бытѣ Калмыковъ, мы заключимъ немногими словами о калмыцкихъ медикахъ, то есть о гелюнгахъ, посвятившихъ себя занятію медициной.

Мы уже имѣли случай сказать, что калмыцкое духовенство почти одно только и занимается воспитаніемъ калмыцкаго юношества, по степной программѣ: необходимо къ этому присовокупить и то, что гелюнги занимаются живописью, каллиграфіей, какъ искусствомъ, и перепискою духовныхъ книгъ, и что астрономія и астрологія такіе необходимые предметы изученія для гелюнговъ, что безъ нихъ ничто не можетъ произойдти: составленіе календаря, гаданіе по звѣздамъ, назначеніе счастливыхъ или несчастливыхъ дней — все это предметы особенной важности и спеціальнаго занятія жрецовъ.

И Калмыки имъ вѣрятъ, тѣмъ болѣе, что жреческія предвѣщанія, по случайному стеченію обстоятельствъ, иногда, исполняются. Гелюнги мастера весьма удачно предупреждать о предстоящихъ кому-нибудь несчастныхъ дняхъ, и вѣра къ ихъ словамъ такъ полна, что никакой хозяинъ въ эти дни дома не останется, чтобъ не сдѣлаться жертвой того зла, появленіе котораго жрецы предусмотрѣли. Предостереженный о несчастномъ для него днѣ, Калмыкъ запасается куртомъ, масломъ, нѣсколькими флягами арзы, уѣзжаетъ изъ хотона въ табунъ и живетъ тамъ впродолженіе всего опаснаго періода, предсказаннаго жрецомъ «зурхачи».

Кромѣ «зурхачи», астрологовъ, есть еще особенные волхвы, называемые «задычи». Про нихъ разсказываютъ, и разсказываютъ люди, которымъ нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ образованности, хотя нельзя въ то же время не пожалѣть и о слишкомъ неумѣренномъ запасѣ предразсудковъ и своевольномъ воображеніи людей, об-

манываемыхъ своего рода «германовскими» фокусами сокровенной калмыцкой магіи. Говорятъ, что задычй въ силахъ созвать и разогнать дождевыя тучи, распространить, при безоблачномъ небѣ, тѣнь, произвести дождь и грозу, или усмирить бунтующія стихіи. Задычй бываютъ и не изъ гелюнговъ, но и изъ простыхъ людей, и народъ воздаетъ имъ особенныя почести, а тѣла ихъ, послѣ смерти, предаетъ сожженью, котораго удостоиваются только владѣльцы и старшіе гелюнги.

Въ калмыцкихъ улусахъ, кромѣ гелюнговъ и ихъ учениковъ, никто не занимается оспопрививаніемъ; всѣхъ оспопрививателей извѣстно въ степи до двѣнадцати человѣкъ, и они съ такою ревностію, съ такимъ необыкновеннымъ усердіемъ предаются своему занятію, что успѣли уничтожить въ Калмыкахъ ужасъ, который они прежде питали къ оспѣ, и довели ихъ до того, что теперь отцы семействъ сами хлопочутъ объ ускореніи этой операціи на дѣтяхъ. Въ улусахъ не слыхать теперь, чтобы какой-нибудь ребенокъ остался безъ привитой оспы. Нѣтъ сомнѣнія, что первая благодарность за такую заботливость объ укорененіи въ народѣ чистыхъ понятій въ необходимости мѣръ къ охраненію общественнаго здоровья — должна принадлежать именно гелюнгамъ.

Противъ прочихъ болѣзней, Калмыки и ихъ медики употребляютъ безчисленное множество лекарствъ. Одни изъ этихъ лекарствъ составляются по книгѣ «Емйнъ-номъ», другія постоянно берутся изъ опыта, какъ напримѣръ лекарства противъ скотскаго падежа.

Анатомія, какъ наука, у Калмыковъ не существуетъ; но говорятъ, что въ прежніе годы у жрецовъ водились какія-то книги съ рисунками, знакомившими врача съ строеніемъ человѣческаго тѣла; вообще же у Калмыковъ считается за величайшій грѣхъ, «нюль», не только отнимать у умершихъ какіе-нибудь члены, но даже и прикасаться къ нимъ, послѣ отпаденія у труповъ. Это, казалось бы, должно было лишить Калмыковъ возможности изучать расположеніе костей въ человѣческомъ тѣлѣ, но нигдѣ нѣтъ такихъ высокопонимающихъ свой предметъ костоправовъ, какъ въ калмыцкихъ улусахъ, а хошоутъ Очйръ Дальчѣевъ извѣстенъ своими познаніями и не между одними Калмыками: говорятъ, будто онъ даже сращаетъ въ кости самыхъ безнадежныхъ переломахъ.

Первымъ лекарствомъ въ обыкновенныхъ болѣзняхъ служитъ горячая вода: заболѣвшему Калмыку не даютъ нѣсколько дней ни куска въ ротъ, а подвергая его самой строгой діэтѣ, поятъ только кипяченою, горячею водой безъ сахара, безъ соли и безъ молока. Трехдневное пользованіе такимъ лекарствомъ спасаетъ Калмыка отъ простуды и предупреждаетъ горячку.

Калмыки удачно лечатъ и холеру и чахотку [1]. Чахоточную болѣзнь калмыцкіе врачи раздѣляютъ на нѣсколько видовъ. При леченіи ея, медикъ старается узнать натуру своего паціента, его сложеніе, образъ жизни и характеръ, и потомъ уже, соображаясь со степенью развитія болѣзни, приготовляетъ для него то или другое лекарство, въ составъ котораго входятъ травы и коренья, вырываемыя въ калмыцкой степи, и медикаменты изъ городскихъ антекъ. Если чахотка произошла отъ грусти и отъ горя, то калмыцкіе врачи, чтобъ развлечь мысли больнаго и расположить его къ постоянной веселости, заставляютъ его принимать порошки, называемые «джугу́нъ-ыренга̀»; если чахотка развита уже въ самой сильной степени, то даютъ одно изъ лекарствъ, употребляемыхъ только въ крайнихъ случаяхъ и называемое «сантылъ-шесимъ».

Противъ зубной боли употребляется или высушенная заячья жолчь, или табачный сокъ, «батхыкъ» [2], изъ чубука или трубки.

Такъ какъ табачный сокъ считается вѣрнымъ средствомъ противъ многихъ болѣзней, особенно скотскихъ, то Калмыки и сбираютъ его гдѣ только случится, оскребаютъ его въ гостяхъ у пріятелей, и по дорогѣ у встрѣчныхъ, у знакомыхъ и у незнакомыхъ, и берегутъ всегда въ бараньемъ рогѣ.

Если этимъ сокомъ помазать десны, или высохшій шарикъ его положитъ въ ямку гнилаго зуба, зубная боль пройдетъ; если вымазать баткако́мъ спину у барана—черви въ немъ не заведутся.

[1] Составныя лекарства противъ этихъ болѣзней и самый рецептъ доставлены авторомъ этихъ «Очерковъ» Императорскому Русскому Географическому Обществу.

[2] Баткако́мъ называется всякій осадокъ, стекающій изъ чего-либо въ одно мѣсто; на этомъ основаніи баткакомъ же въ Низовомъ-краѣ зовутъ и разсолъ, вытекшій изъ соленой въ корень рыбы па дно «посу́дины», или судна.

Противъ разныхъ болѣзней скота употребляются рыбій жиръ, деготь, купоросъ, сушеные ужи и проч.; чистый деготь считается хорошимъ средствомъ противъ чесотки.

Противъ укушенія волка, или другаго бѣшенаго животнаго, у каждаго Калмыка лекарство всегда подъ рукою: ему стоитъ только немножко наскоблить самыхъ мелкихъ стружекъ съ нижней части укрюка (нижній конецъ его обыкновенно тащится, во-время ѣзды табунщика, по землѣ), сболтать ихъ въ водѣ и выпить—и всѣ дурныя и опасныя послѣдствія укушенія минуются непремѣнно и навсегда. И Калмыки этому вполнѣ вѣрятъ!

Наскобленный и принятый съ водою рогъ единорога [3] (который у немногихъ богатыхъ Калмыковъ сберегается какъ священная рѣдкость и который намъ случилось видѣть только у одного хошоутовскаго владѣльца) помогаетъ женщинамъ въ трудныхъ родахъ и считается лучшимъ мочегоннымъ средствомъ. Рогомъ единорога лечатъ такъ же и отъ горячки и отъ лихорадки [4].

Нельзя не сознаться, что у калмыцкихъ медиковъ, можетъ-быть, есть и невѣжество, и шарлатанство, и корыстный обманъ, и другія слабости и пороки, присущіе какъ цѣлому человѣчеству вообще, такъ и степному врачу въ особенности; но нельзя отвергать того, что уваженіе къ наукѣ, сколько это полудикому Калмыку доступно, и чувство любви къ ближнему тоже не могутъ у нихъ оставаться въ тѣни. Калмыкамъ, кромѣ своихъ гелюнговъ, въ степи не у кого искать помощи, въ случаѣ болѣзни: европейскій врачъ, и то одинъ и единственный, объѣзжаетъ улусы только разъ въ году: обширность пространства, спѣшность разъѣздовъ и неимѣніе при себѣ всѣхъ лекарствъ и непредвидѣнныхъ снадобій лишаютъ его, при всемъ истинно-христіанскомъ усердіи, возможности выразить на дѣлѣ свое человѣколюбіе и сочувствіе къ страждущему ближнему; да ктому жь и больные невсегда могутъ оставаться безъ призора и безъ пособій, во ожиданіи его пріѣзда, да и не всѣ же Калмыки, при вѣрѣ въ знанія гелюнговъ, станутъ обращаться за пособіями къ европейскому врачу.

[3] Espadon, Narwal, monadon monoceros.

[4] У насъ рогамъ единороговъ тоже придавалось цѣлебное свойство. Срав. Дополн. къ Ак. Ист. Т. IV, № 9.

Недолжно предполагать, чтобъ Калмыки вовсе не вѣровали въ европейскую медицину: медицинѣ нашей они вѣрятъ, не вѣрятъ только каждому встрѣчному, провозглашающему себя европейскимъ врачомъ. Кромѣ знанія дѣла, кромѣ изученія натуры Калмыка, нужно врачу обладать нравственными качествами и дѣйствовать на Калмыка ласковостью въ обращеніи, кротостью, терпѣніемъ и сердцемъ, которое билось бы только для добра, для любви къ ближнему.

Наши врачи, въ томъ количествѣ, какое можетъ быть достаточно для всего степнаго населенія, не могутъ обречь себя безрасчетливой и безкорыстной жизни въ калмыцкихъ улусахъ, гдѣ ихъ ожидают безвѣстность, бѣдность, нужда, насмѣшки, интриги, грубость, невѣжество, страшная глушь и совершенное отчужденіе отъ всего, съ чѣмъ осѣдлый, образованный человѣкъ сроднился съ младенческихъ лѣтъ. Надо соболѣзновать тому, что сами Калмыки и ихъ гелюнги такъ еще не доросли въ своихъ понятіяхъ до той зрѣлости, чтобъ убѣдиться, что ихъ медицина, коснѣющая въ застоѣ, уже не наука, а сбродъ, смѣсь самыхъ противоположныхъ системъ леченія, съ ошибками, съ шарлатанствомъ и съ предразсудками. Вслѣдствіе этого-то имъ и недоступна мысль о прохожденіи курса медицинскихъ наукъ въ казенныхъ заведеніяхъ, въ академіяхъ или въ университетахъ. По окончаніи академическаго термина, ученый врачъ можетъ быть полезенъ своимъ кочевымъ сородичамъ.

—

Вотъ почти все, что̀ хотѣли мы передать нашимъ читателямъ. Несмотря на наше многоглаголаніе, мы далеко невполнѣ успѣли во всей подробности обрисовать картину быта народа, представляющаго такія любопытныя и достойныя строгаго изученія стороны кочевой своей жизни. Смѣемъ однакожь надѣяться, что трудъ нашъ не будетъ сочтенъ за трудъ безполезный, и если читатели успѣли, по нашимъ очеркамъ, усвоить себѣ довольно вѣрное понятіе о племени, которому мы посвятили свою книгу — значитъ, цѣль наша достигнута; а этотъ результатъ есть самая драгоцѣнная награда для автора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

═

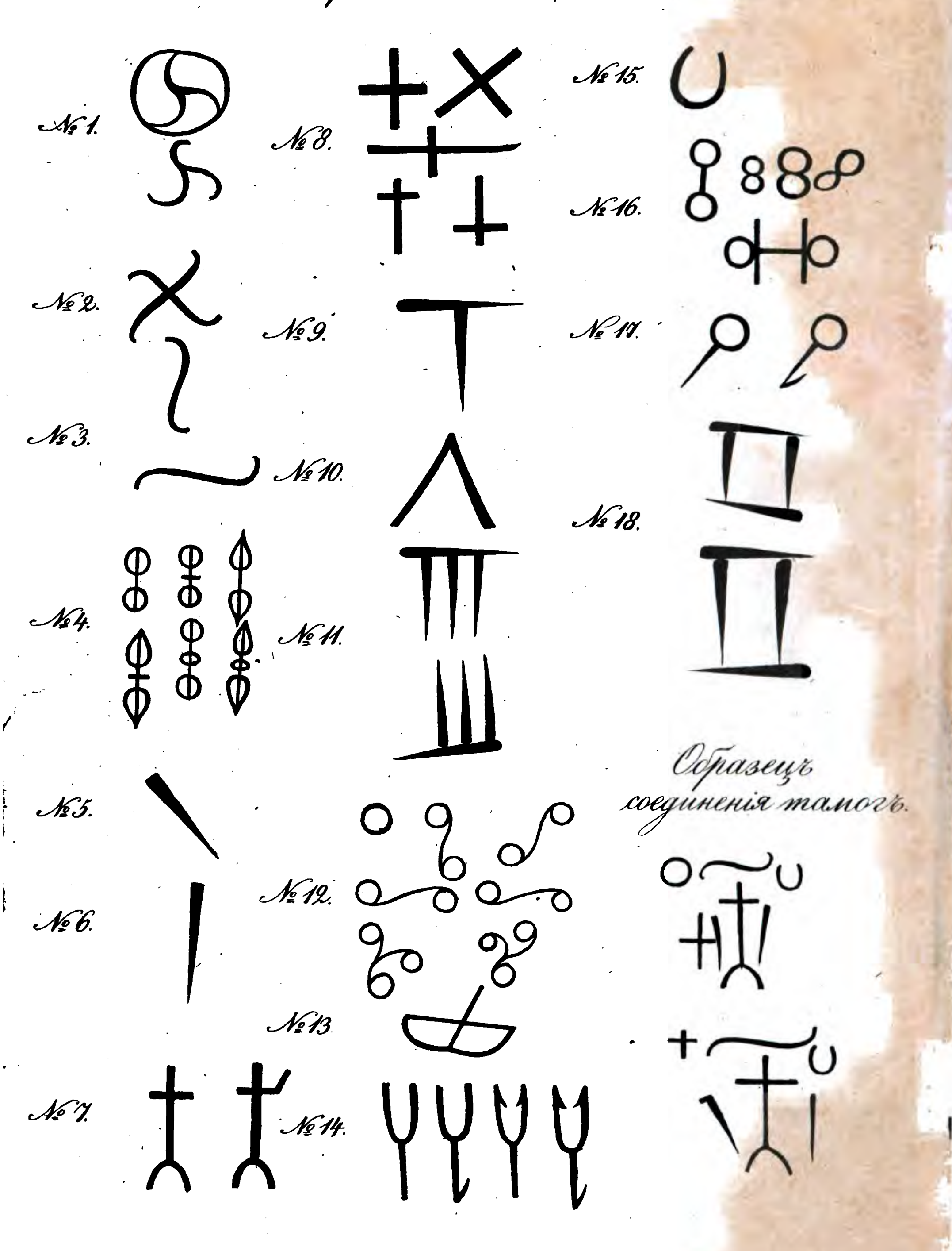
ПРИЛОЖЕНІЯ:

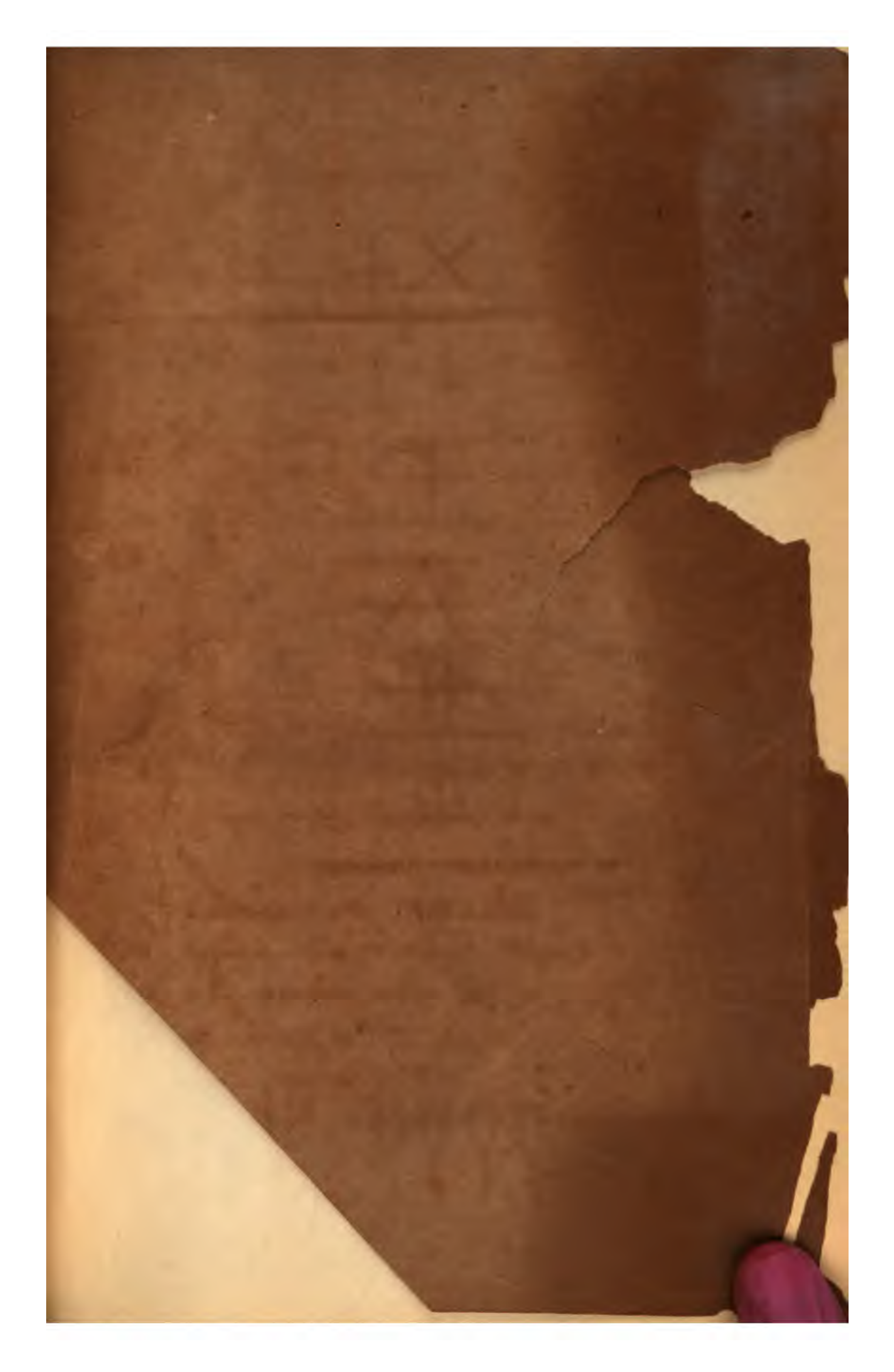
№ 1.

№ 14.

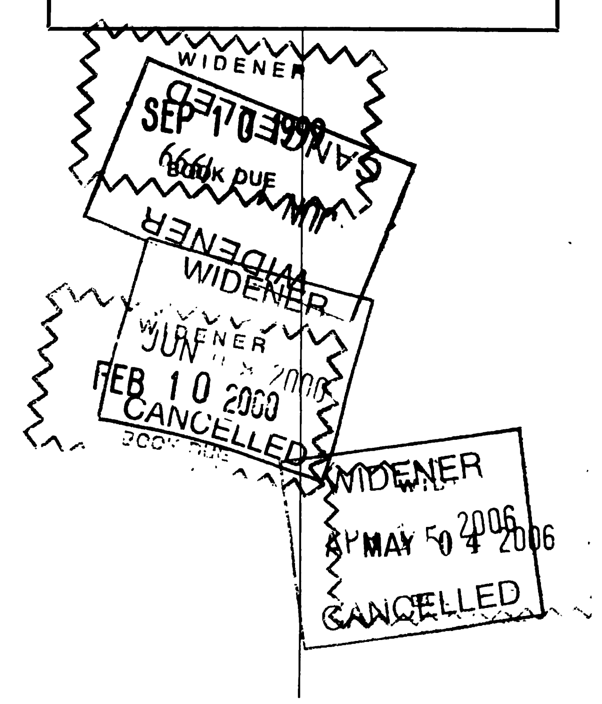
[illegible]

Изображеніе тамогъ.

WIDENER
SEP 1 0 1999
BOOK DUE
WIDENER
CANCELLED
WIDENER
FEB 10 2000
CANCELLED
WIDENER
MAY 04 2006
CANCELLED